

бельские просторы

Учредитель
Правительство
Республики
Башкортостан

Соучредитель
Союз писателей
Республики
Башкортостан

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В номере

Издается с декабря 1998 г.

№ 4 (197) Апрель, 2015 г.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Я для Родины остался верным сыном...

Стихи башкирских поэтов-фронтовиков	3
Юрий Горюхин. Шофёр Тоня и Михсергеич Советского Союза. <i>Повесть временных лет.</i>	9
Дмитрий Масленников. Белая слониха на шахматной доске. <i>Стихи</i>	33
Рифмир Мардамшин. Бои местного значения. <i>Повесть</i>	38
Валентин Осадчий. Гимн солнцу. <i>Стихи.</i>	53
Альфред Стасюконис. Срочный наряд. <i>Рассказы</i>	58
Ольга Чернецкая. Я переболею... <i>Стихи.</i>	70
Ралис Уразгулов. Голод. <i>Роман. Продолжение. Начало в №№ 1–3.</i> <i>Пер. с башкирского Гузель Байгутлиной.</i>	73
Светлана Войтюк. Где ночует клоун? <i>Стихи для детей и не только</i>	101

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Владимир Денисов. Штрафные санкции жены. <i>Стихи</i>	106
Николай Грахов. Жить с ним трудно... <i>Стихи</i>	109
Анатолий Яковлев. Бананы глупости. <i>Рассказы.</i>	111
Сергей Янаки. Зарисовки с натуры. <i>Стихи</i>	114
Леонид Соколов. Последние герои эпохи. <i>Стихи</i>	115
Владимир Кузьмичёв. Настоящее искусство. <i>Рассказы</i>	118
Юрий Герцман. Нам чудится... <i>Стихи</i>	121
Борис Павлов. Прогресс... <i>Стихи</i>	124

ВОСПОМИНАНИЯ

Геннадий Малкин. «День Победы я запомнил хорошо...»	127
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Свидетель нескольких эпох. В. Денисов, С. Сабирова, Б. Попов. <i>К 90-летию Мурата Рахимкулова</i>	129
--	-----

ГАЛЕРЕЯ

Суюндук Саитов. «Обитатели тени». <i>Сатира в творчестве художника Ю.В. Илингина.</i>	135
---	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Вера Санникова. Дом на Зенцова. <i>Мое военное детство.</i>	140
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА	
Рустам Алмаев. Об особенностях изучения семейной истории	146
ТЕАТР	
Полина Ротштейн. Блуждающий по кругу. О спектакле «Калигула» Стерлитамакского государственного башкирского драматического театра	152
ХРОНИКА ПИКИРУЮЩЕГО БОМБАРДИРОВЩИКА	
Александр Кузьменков. Когда б вы знали, из какого сора... О книге Е. Мишаненковой «Анна Ахматова. Психоанализ монахини и блудницы».	155
СОВРЕМЕННАЯ УФИМСКАЯ ПРОЗА	
Ирина Прокофьева. Особенности героя «нулевых». О прозе Игоря Савельева	157
В КОМПАНИИ С «ТОЛСТЯКАМИ»	
Станислав Секретов. Барабанные палочки. Обзор одиннадцати публикаций в третьих номерах литературных журналов за 2015 год	165
КРУГ ЧТЕНИЯ	
Пётр Фёдоров. Из мусорного бака – в космос. О романе Марата Басырова «Печатная машина»	167
Елена Сафронова. Книги и прилавки. О сборнике стихов «Живое»	171
Обзор книжных новинок	176
ПРИКЛЮЧЕНИЯ	
Камиль Зиганшин. Возвращение росомахи. Повесть. Продолжение. Начало в №№ 1–3	177
КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА	
Литература. Культура. Имена	195
КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ	
На конкурс «Правнуки Победы»	
Ольга Зайцевская. Всегда в моей душе. Рассказ	2
София Качевская. Баба Женя. Рассказ	3
Вячеслав Качевский. Курган Славы. Рассказ	4
Милана Кучерова. Мой прадед – ружейный мастер. Рассказ	5
Дина Мухамедьярова. Долгожданная Победа. Рассказ	6
Егор Снытко. Мой прадед Яков Егорович Силяев. Рассказ	7
Сабина Ягофарова. Низкий поклон. Рассказ	8
Учительский клуб	
Татьяна Глухова. Каким я вижу урок литературы?	9

Я для Родины остался верным сыном...

Стихи башкирских поэтов-фронтовиков

«Участник Великой Отечественной войны» – не кажется вам, что по отношению к воевавшим за нашу страну, за нас с вами, это звучит немного казённо, как строка из личного дела?

Представляем подборку произведений трёх поэтов. А если называть вещи своими именами, то трёх героев, трёх батыров! Несколько десятилетий их уж нет с нами, многое изменилось с тех пор – и огурцы-то мы давно едим китайские, и давно забыли, что такое газетный автомат (хорошо, ещё помним, что такое газеты). Не изменилось только наше восприятие Великой Победы, которую принесли эти люди.

Тимер Арслан

ДИКОВИННЫЕ ГОСТИНЦЫ

Чудеса теперь всё реже,
Не найдёшь их днём с огнём...
А вот я нашёл.
И где же?
В магазине овощном!..

Замираю, удивлённый,
Растревоженный вконец:
На посудине
Зелёный
Нарисован огурец.
Огурцы... из Кишинёва!
Чудо!
Где я? В царстве снов?
Тру глаза, читаю снова, –
Точно: город Кишинёв.

Расстояние солидно
Даже и для птичьих стай...

Тимер Арслан (Тимер Гареевич Арсланов) (1 мая 1915 г. – 19 марта 1980 г.) – башкирский поэт-сатирик. Член Союза писателей БАССР (1942). Участник советско-финляндской и Великой Отечественной войн. Был на фронте с первого дня и до дня Победы.

модуль

Как кому,
А мне обидно
За родной башкирский край!

Киев шлёт нам помидоры:
Этикетка –
Как укор.
Я стою, потупив взоры,
Красный, словно помидор.
– Чей чеснок? – спросил завмага,
И – хоть стой, хоть падай с ног:
К нам от Бухары,
Бедняга,
Длинный путь свершил чеснок!

...Удивлюсь теперь не слишком,
Коль вдогонку чесноку
Нефть к башкирским нефтьвышкам
Вдруг доставят
Из Баку.

1969, пер. В. Корчагина

ЗЛОВЕЩИЕ ВЕЩИ

Подарил жене трюмо я,
Та глядит в него,
А там
Не жена – гиппопотам!..
Заказала дочь сапожки
И попала в них под дождь,
Получились босоножки
Без союзок. Без подошв!..
Новый чайник мне приносят,
Но смотрю я, что за чёрт:
У него не через носик –
Через дно вода течёт!..
В ателье по новой моде
Мне костюм недавно сшит.
Если стану в огороде,
Скажут: чучело стоит!
Приобрёл гамак я летом
И пошёл на отдых в лес.
То, что я пишу об этом,
Это значит:
Я воскрес!..
Есть и вещи столь зловещи –
Не опишешь и пером.

Кто же сделал эти вещи?
Пусть ответит наш местпром!..

Пер. И. Законова

ОБ АВТОМАТАХ ГОВОРЯТ

Об автоматах говорят:
Конечно, это – да!
Жизнь облегчает автомат,
Но только не всегда.

Я две копейки опустил
В газетный автомат,
Но ничего не получил –
И денег нет назад!

Вновь две копейки в щель летят –
И снова только звон...
И что это за автомат?
Что за обжора он?

И я не знаю до сих пор:
Когда он будет сыт?
И почему он, автор,
Непойманный стоит?

1970, пер. Б. Кежуна

Саях Кулибай

* * *

Меня опять военные дороги
Напоминаньем о былой тревоге
Опутали, как белые бинты.
Но я прошу:
Не бередь, не трогай.
Ведь раны зажили,
И не сможешь ты.

Однако, если где-то на планете
Огонь и порох выйдут на таран,
Коснутся снова огненные плети

Саях Кулибай (Саях Габитович Кулибаев; 2 июля 1910 – 15 октября 1976) – башкирский писатель. Член Союза писателей Башкирской АССР (1934). Заслуженный работник культуры Башкирской АССР (1969). Участник Великой Отечественной войны, участвовал в освобождении Украины, Польши, Чехословакии и в одном из боев получил тяжелое ранение.

Моих заживших – в сорок пятом – ран.
Когда я грустен, не гляди с тревогой,
Не беспокойся ты
И памятью не трогай.

1963, пер. А. Филиппова

ВЕЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Завесой по лесу,
Листву теребя,
Прошёлся ветер –
Предвестник дождя.
Затрепетала
Пугливо лоза,
Копья металла
Метнула гроза.
Все отголоски
Земли проглотив,
Грохнул громовый
Грозный мотив.
Сначала закапало:
Кап-кап... А потом
Небо заплакало
Дробным дождём.

...В грозу – не дорога,
Холод и грязь,
К дубу, продрогнув,
Бегу, торопясь.
Тяжёлый, как олово,
Литой, как броня,
Жёлудь о голову
Бьёт меня.
Жёлтые слепки –
Жёлуди с ветки –
Веско падают вниз
Блеском отстрелянных гильз.
Давно отгремела грозой война,
И всё-таки память гложет она.
Удары молний в лесную глушь
Напомнили мне
О залпах катюш.
Нас пули крестили
В гrome стрельбы,
Мы насмерть стояли,
Как эти дубы.

Я был на Карпатах.
И в полдень, и в полночь
Глушил автоматом
Фашистскую сволочь.
Такой же вот дуб,
Опалённый войной,
В Карпатах тогда
Пламенел надо мной.
С корявых ветвей
От пуль и огня
Град желудей
Летел на меня,
И вдруг пустоту
Я почувствовал в душе...

Ах, жалко, что жёлуди были –
Не пули!
А то б желудями –
В фашистские души.
Да, к счастью,
Вдали заиграли катюши.

...Я жив... я губами
Дождинки ловлю,
Я выстоял в том
Незабытом бою.
Гроза миновала,
Лишь падают вниз
Жёлуди с блеском
Отстрелянных гильз.
Жёлтые слепки –
Жёлуди с ветки.
Я наберу их полный карман
И высажу дома
В густом палисаднике,
Чтоб вечно деревья –
Зелёные праздники –
Напоминали прошедшее нам.

1959, пер. А. Филиппова

Батыр Валид**ПЕСНИ – ЛУЧИ МОЕЙ ДУШИ**

Видать, написано мне было на роду
 быть ревностным певцом любви и красоты.
 С друзьями шёл я в молодом ряду
 и пел взволнованно от сердца полноты.

Народу посвятил я песенный мой дар.
 Но вдруг войны запылал пожар.
 И, жизнь любя и презирая страх, –
 я на врагов пошёл с оружием в руках.

Встречать друзей приятно хлебом-солью,
 а недругов – гони, безжалостно разя.
 Вдруг я в бою упал.

Как сладить с тяжкой болью?
 Осколок навсегда унёс мои глаза.

Но я для Родины остался верным сыном.
 Глаза моей души всё видят наяву.
 С народом я иду в строю едином.
 И с песнями страны моей живу.

Ах, песни милые, лучи моей души.
 Как счастлив я, что вы в сердцах людей.
 Мне люди говорят: пиши, пиши!
 И мрака нет. Без глаз я – не в глуши.
 И вдохновенье вновь идёт ко мне в тиши.
 И жизнь, и радости её люблю я всё сильней!

1961, пер. А. Аброскина

Батыр Валид (Батыр Хажиахметович Валидов; 20 апреля 1905 – 26 февраля 1969) – башкирский поэт. Член Союза писателей Башкирской АССР (1936). Участник Великой Отечественной войны. Вследствие тяжёлой контузии во время войны потерял зрение, но продолжал творческую деятельность.

Шофёр Тоня и Михсергеич Советского Союза

Повесть временных лет

*К тридцатилетию восшествия
на престол Михаила Горбачева*

ЧАСТЬ I. ДЕПО НОМЕР 2. ГОД 1986

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О молодой девушке тяжелого физического труда и об экологически чистом, но неповоротливом общественном транспорте

2 марта

В семь ноль-ноль старенький, перемотанный черной изолен-той «ВЭФ-202» сквозь треск и шипение эфира пропищал сигналы точного времени. Антонина Загубина равнодушно посмотрела на лежащий в ящике для инструментов радиоприемник и озабоченно перевела взгляд на строгий график движения восьмого маршрута. Она опять отставала. Антонина вздохнула, представив визгливую выволочку Зинки-диспетчерши и неспешное, с насмешливым матерком, распекание завгара Шишкина. Тяжело вращая огромное рулевое колесо, она медленно повернула свой неуклюжий синий троллейбус с проспекта Октября на улицу 50 лет СССР, притормозила и облегчено вздохнула – дуги в этом коварном месте, где они даже у Василия Загогуилы слетали, на этот раз с проводов не слетели. Антонина подъехала к остановке «Спортивная» и открыла двери. Пока будущие пассажиры нервно влезали в троллейбус, приемник «ВЭФ-202» торжественно передавал свежие новости. С высокой трибуны 27-го съезда КПСС молодой, энергичный Генеральный секретарь, могущий говорить «без бумажки» неограниченное количество часов, пообещал стране в честь дня своего рождения безъядерный мир к 2000-му году.

«Хорошо бы, – подумала Антонина под бурные аплодисменты делегатов и еще подумала: – Эх, выйти бы замуж за Ваську и родить мальчика с девочкой, чтобы они жили счастливо и безмятежно в безъядерном мире». Тем временем «ВЭФ-202» снова затрещал,

Горюхин Юрий Александрович родился 28 февраля 1966 года в Уфе. Поступил в УАИ им. С. Орджоникидзе в 1983 году. В 1990 году окончил МТИ, в 2000 году – Литинститут имени А.М. Горького. Работал в «Учительской газете» (Москва, 2001–2002), в журнале «Бельские просторы» с 1998 года, с 2007 года – главный редактор. Член Союза писателей России с 1999 года. Председатель ОРП Союза писателей РБ. Член правления СП РБ. Член Исполкома Собора русских РБ. Член редколлегии журнала «Молоко» (Москва). Финалист Национальной премии Белкина (лучшая повесть года, 2002). Финалист премии им. Ю. Казакова (лучший рассказ года, 2003, 2005). Лауреат литературной премии имени Ст. Злобина (2009). Шорт-лист Всероссийской премии им. Бажова (2012). Шорт-лист Международного Чеховского конкурса «Краткость – сестра таланта» (2013).

а молодой энергичный генсек опять поздравил страну со своим юбилеем и пообещал каждой советской семье все к тому же, 2000-му году еще и отдельную квартиру. «Не может быть! – первый раз в жизни не поверила радиоприемнику Антонина, но тут же исправилась и возликовала: – Эх, отбить бы у Зинки завгара Шишкина, развести его с женой Лёлей, выйти за него замуж и рожать в отдельной квартире в безмятежном безъядерном мире мальчиков и девочек!» Но вдруг Генеральный секретарь властно прервал бурные и продолжительные аплодисменты: «Тихо, товарищи, тихо!». И обратился к Антонине: «А ты, товарищ водитель троллейбуса восьмого маршрута госпожа Загубина, двери-то закрой! Рабочий класс в салон уже набился до отказа и с нетерпением ждет, когда его повезут на заводы и фабрики создавать материальные ценности для построения светлого безъядерного будущего с отдельными квартирами! Ведь ты, голубушка, в светлый день моего пятидесятипятилетия отстаешь от графика движения, между прочим, уже на 4 минуты 45 секунд!».

Обомлела Антонина и так напугалась, что вскоре догнала бригадира Ваську Загугуйлу, который высунулся из кабинки троллейбуса, тряхнул кудрявым казацким чубом, повертел указательным пальцем у виска и весело сказал крепкое шоферское слово, потом Зинка на конечной остановке сказала по громкой связи свое крепкое диспетчерское слово, а когда вечером в общаге поделилась Антонина впечатлениями с соседкой по комнате, закадычной подругой Люсей Крендельковой, то и она, не отрываясь от ежевечерней работы над своим лицом, сказала ей крепкое слово подруги:

– Да ты что?! Прямо из радиоприемника?! – Люся выдавила на покато лбу прыщ. – Ты, дурында, никому не говори об этом! – Люся покрыла лицо толстым слоем тонального крема. – А то ведь тебя, колхозницу, направят на медкомиссию, – Люся выпятила губы и выкрасила их в кровавый цвет, – выгонят, убогую, из нашего депо, – Люся плюнула в тушь и нанесла жидкую консистенцию на ресницы, – в психушку неврологическую на эксперименты сдадут, – Люся повертела головой, осматривая себя со всех сторон, – мне новую соседку поделят, а вдруг я с ней не уживусь?!

Люся чмокнула воздух в направлении Антонины, выскочила из комнаты и застучала каблучками вниз по гулкой бетонной лестнице. Антонина решила больше никому не рассказывать о голосе Генерального секретаря, но за стеной в комнате заведующей культурмассовым сектором Лесопосадкиной никогда не выключаемый сетевой приемник вдруг неожиданно прервал на полуслове повышенные обязательства передовой эстонской доярки Марты Аавиксоо, и почти родной баритон тут же возразил Антонине: «А как же провозглашенная мною гласность, Антонина?».

9 марта

– Загубина! Чего там на «Маяке» про американский «Челленджер» говорят, нашли обломки? – напугал только что припарковавшуюся Антонину неожиданным вопросом завгар Шишкин, кивнув через открытую переднюю дверь троллейбуса на торчащую из инструментального ящика антенну приемника.

– Не работает, Павел Семенович, – зачем-то соврала Антонина.

– Чего не работает?! Как он может работать, я же говорю – обломки! Вот и интересуйся у вас мировыми новостями!.. – Шишкин уже было матюкнулся, но его за рукав потянул видный активист Идрисов.

– И обломки нашли, и все тела астронавтов в этих обломках! ВМС США – это вам не трамвай на перекрестке! – поднял палец вверх активист.

Антонина буркнула под нос, что мировые новости ей из первых уст сообщают, сняла инструментальный ящик с железной панели и поставила на грязный троллейбусный пол.

На полу ящик, конечно, постоянно будет мешать, но зато, рассудила Антонина, никто антенну «ВЭФа» через лобовое стекло больше не увидит.

13 марта

Антонина чертыхнулась, в очередной раз ударившись ногой об ящик с инструментами. С досады она пихнула его тяжелым шоферским ботинком, а ящик вдруг сказал ей человеческим голосом: «Сегодня советские космонавты Кизим и Соловьев на пилотируемом корабле «Союз Т-15» осуществили первую экспедицию к орбитальной станции «Мир». Ящик сказал еще много коротких предложений и закончил торжественными словами о том, что это очередная победа партии и правительства, а также всего советского народа, но почему-то не добавил, что и лично товарища Михаила Сергеевича. Антонина озадачилась.

1 апреля

Антонине пять раз сказали, что у нее спина белая, три раза, радостно улыбаясь, посылали в бухгалтерию за внеочередной премией, два раза – в профком за вдруг присланными для всех работниц депо югославскими сапогами и один раз шепнули про двухметрового блондина, ожидающего ее на проходной. Антонина в конце концов отчего-то всхлипнула, щелкнула переключателем «ВЭФа», повертела ручкой настройки – и вдруг услышала русскую речь с нерусскими словами. Интеллигентный, слегка гнусавый голос радостно донес до сведения неосведомленного пролетариата, что стоимость барреля нефти впервые в обозримой истории опустилась ниже десяти долларов и теперь экономика Советов уж точно затрещит по всем швам. Антонина не смогла определить, первоапрельский розыгрыш это или нет, потому что не знала, насколько доллар маленький, а баррель большой. Голос тоже не стал ничего объяснять, он сначала затрещал, а потом зашипел и сошел на нет.

8 апреля

Целую неделю не включала Антонина приемник, только изредка натыкалась взглядом на торчащую из инструментального ящика антенну и тут же отворачивалась. А восьмого апреля взяла и включила.

«Перестройка», – сказал Генеральный секретарь собравшемуся вокруг него рабочему классу волжского автомобильного завода города Тольятти. «Чего?!» – переспросил рабочий класс. «Это как?» – встрепенулась с рабочим классом и инженерно-техническими работниками Антонина Загубина, резко надавив ногой на большую железную педаль тормоза. «Не кирпичи везешь!» – крикнул Антонине рабочий класс из салона. «И не дрова!» – поддержали пролетариат инженерно-технические работники. «Тихо, товарищи, тихо, – успокоил пассажиров Генеральный, прищурился по-ленински и резюмировал по-сталински: – в общем, так, товарищи, нынче каждый сам кузнец своего счастья – куйте себе на здоровье, ежли сможете!»

Антонина была не прочь выковать какую-нибудь подковку или хотя бы гвоздик счастья, – знать бы еще, в какой кузне эти наковальни стоят. И, решив вечером перед сном послушать более подробные инструкции и ценные указания, взяла «ВЭФ-202» за перемотанную изолентой ручку и понесла в общежитие. Но счастье само не заставило себя долго ждать – по дороге домой Антонину стремительно обогнал сосредоточенный Василий Загогуила.

«Куда ж ты, можно сказать, суженый?» – хотела неторопливо загрузить Антонина, но Василий почему-то сменил свой журавлиный шаг на вальяжную походку подвыпившего матроса и позволил Загубиной себя догнать.

– Здорово! Чего, транзистор купила? Завтра во вторую смену – обмыть надо! – Загогуйла весело и задорно захохотал, выхватил из рук Антонины приемник и включил на полную громкость.

– Нет, – тихо сказала Антонина.

«Ожидается малооблачная погода», – сказал «ВЭФ-202», а Загогуйла удивленно взглянул на Антонину:

– Не хочешь, что ли? Ну тогда я к практиканткам пойду.

– Хочу, – растерялась Антонина, – я приемник не покупала, он мне от тети Раи достался, когда она на пенсию уходила.

– А, ну тогда пошли в двести четырнадцатую комнату, там день рождения, кажется, у Сереги, а может быть, у Ричарда Ишбулдыевича. Ну или там еще у кого-нибудь.

«К вечеру ожидается понижение давления, поэтому употребление крепких алкогольных напитков крайне нежелательно, особенно для космонавтов, педагогов дошкольных учреждений и водителей троллейбусов, вы меня слышите, водитель Загубина?»

– Слышу, Михаил Сергеевич, – зашептала Антонина, – но ведь как же без крепких алкогольных напитков замуж выйти за хорошего человека?

– Ты, чего там бормочешь? – нахмурился Загогуйла, – ты это, давай того, я веселых люблю.

– Я веселая, – тихо возразила Антонина и, запинаясь, рассказала анекдот, который ей в четвертом классе иглинской школы № 2, поправляя сползающие с носа-пипочки тяжелые очки, прошептала соседка по парте Матильда Крамарова.

– Ничё не понял, Чапаев-то тут при чем? – рассердился на замысловатый юмор Загогуйла, отдал Антонине приемник и прибавил шагу.

– Не знаю, там что-то еще про Анку было, да я подзабыла, – тоже прибавила шаг и тут же запыхалась Загубина.

– Ну ты даешь! – опять повеселел Загогуйла, сбавил темп и опять взял из рук Антонины «ВЭФ-202».

«Эх, Антонина, в стране всю идет переоценка ценностей, а ты смешные анекдоты про красноармейских героев гражданской войны коверкаешь!» – беззвучно упрекнул генсек.

«Я подучусь, Михсергеич», – зашевелила в ответ губами Антонина и, подставив плечо под размашистый удар железной двери на тугой пружине, вошла вслед за Василием в тусклый коридор общежития троллейбусного депо номер два.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Близость счастья

14 мая

И стала Антонина ходить с Василием Загогуйлой на дни рождения в двести четырнадцатую комнату, иногда в триста шестнадцатую, изредка в пятьсот третью. Возвращалась к себе, правда, всегда одна, потому что Василий или куда-то исчезал по неотложным делам, или так уставал по месту дня рождения, что наотрез отказывался идти куда бы то ни было. Антонина шла к себе, одиноко присаживалась на краешек кровати, доставала

из-под нее радиоприемник, включала на самую минимальную громкость и долго слушала Михаила Сергеевича, как жить дальше.

Но 26 апреля Михаил Сергеевич замолчал, и Антонине стало тревожно. Молчал Михаил Сергеевич до 14 мая, а потом сказал: «Чернобыль», а приехавшая в тот же день мама – «Брат Кольки-баяниста Генка-тракторист по секрету шепнул, что водителей троллейбусов и трамваев в первую очередь отправят на восстановление атомной станции, потому что транспорт у них электрический, а электричество, в отличие от бензина и солянки, не взрывается!» – разъяснила:

– В Библии про все это давно написано, и про нашего Михаила-меченного, и про звезду Полюнь, которая и есть Чернобыль, и еще многое про что написано, мы только этого не знаем!

– Никакой он не меченный! – возмутилась Антонина, а потом резонно добавила: – так надо всему советскому народу Библию наизусть выучить, и будем мы знать, что нас ждет в светлом будущем!

Но Валентина Петровна отчего-то нахмурилась:

– Больно умные стали – наизусть выучить! Сами даже на фельдшера не могут обучиться. Книгу Божью прочтет только тот, кто читать ее умеет! – и достала из большой брезентовой сумки трехлитровую банку соленых помидор, банку квашеной капусты, полведра картошки и завернутый в чистую холщевую тряпицу брусок сала, мгновенно наполнив его чесночным ароматом всю комнату.

Валентина Петровна тайно надеялась переночевать у дочери, как-нибудь разместившись валетом на узкой панцирной кровати, но соседка Антонины Люся Кренделькова сказала, что сало есть не будет, а с чесноком – ни за какие коврижки! Валентина Петровна робко попробовала умастить строгую соседку, достав маленький сверточек «в дорогу» и сообщив, что пирожки она тоже привезла, но Люся была непреклонна:

– Пирожки тоже не буду! Ни за какие коврижки!

А через полчаса Люся, взглянув на висящие под потолком часы с уже полгода дергающейся на одном месте секундной стрелкой, и вовсе спросила, сколько стоит билет из Иглино в Уфу и не дешевле ли он в обратную сторону?

Обо всем этом Валентина Петровна рассказала в полупустом вагоне вечерней электрички, на которую чуть успела, своей попутчице тете Шуре, и так увлеклась ее поддакиванием, улыбчивым киванием и встречной информацией, что едва не уехала вместе с ней в Тавтиманово погостить у ее пожилых, но крепких – «дом кирпичный, баня, гараж, мотоцикл “Урал” с коляской, корова с телком, поросенок, кролики, гуси, куры, пчелы, внук Валерик четверть почти без троек закончил» – родителей, делающих такой перегон из медовухи – закачаешься! – за ним даже из Улу-Теляка приезжают.

17 мая

Субботним утром в депо № 2 из далекого северного Свердловска приехал по обмену опытом передовик производства и самодеятельный поэт водитель Денис Выдов.

Водка, не успев толком начаться, тут же и кончилась. Обмен опытом, словно патефон с лопнувшей пружиной, по инерции продолжался две-три секунды и замер в немом недоумении. Первым прервал гнетущую паузу Ричард Ишбулдыевич:

– И чё?

– Да ничё! Нигде сейчас не найдем. Всю водку в Чернобыль отправили, потому что японские ученые из Хиросимы и Нагасаки доказали, что водка с йодом радиа-

цию аннигилирует! – ответил осведомленный комсорг бригады ремонтников Серега Шептунов.

– А у барыг?! – напористо спросил свердловский передовик производства Денис Выдов.

– У тети Шуры дружинники весь вещдок реквизировали и на экспертизу увезли, третий день их ищут, у Саныча участковый Лампасов самогонный аппарат забрал и не отдает, зараза, уже кого только к нему ни посылали, даже кандидату в депутаты райсовета Идрисову отказал, – отверг конструктивное предложение Загогуйла.

Антонина почувствовала, что сейчас будут ругать Михаила Сергеевича за развернутую партией и правительством антиалкогольную кампанию, опустила голову и напряженно затеребила декоративную пуговку на груди кофточки. Но собравшиеся вяло прошли по государству в целом, быстро перескочили на начальника депо, матюкнули завгара, вспомнили матерей бригадиров, долго полоскали Зинку-диспетчершу, потом сделали глобальные обобщения с неутешительными выводами, а приехавший по обмену опытом Выдов хрипло прочел неполиткорректное четверостишие собственного сочинения.

– Вась, – робко тронула плечо Загогуйлы Антонина и тихо спросила: – Может, просто по Первомайской погуляем?

Все сидящие за столом как-то разом развеселились, даже развалившаяся между Сергеевой и Выдовым самая раскованная девушка троллейбусного депо номер два Люба Лесопосадкина закашляла в сторону Антонины клочками грязно-синего дыма докуренной почти до самого фильтра ароматизированной сигареты «Золотое руно»:

– Василий, вы лучше в кинотеатр «Победа» сходите, там антиалкогольный фильм про любовь с первого взгляда показывают.

Сидящие за столом захохотали еще громче, а Денис Выдов вынул изо рта сигарету и начал декламировать тут же рожденные в его голове строки:

– По Первомайской все идут в «Победу», один лишь я в кино не еду...

Но окружающие не были расположены внимать высокому, и комсорг Серега прервал рифму:

– Хорош, Денис, сколько можно?! Тут серьезная проблема, как построить досуг Василию, а ты со своими стишками!

Окружающие еще раз хохотнули. Лишь Люба Лесопосадкина крепче прижала свое бедро к коленке Дениса и шепнула:

– Тут стихов не понимают, а у меня в комнате Евтушенко лежит на журнальном столике.

– Евгений?.. На журнальном?.. – задумался Выдов перед вдруг образовавшимися на его пути двумя тропинками: негромко признаться Любе, что Евтушенко кумир его поэтической молодости, или все же пойти с Ричардом Ишбулдыевичем в Красный уголок играть шербатыми шарами в американку?

А Загогуйла вдруг понял, что смеются не столько над Антониной, сколько над ним. Поэтому коротко и ёмко послал Любу по назначению, Сереге пообещал в его смену загнать свой троллейбус на техобслуживание, потребовал у Ричарда Ишбулдыевича вернуть долг в пять рублей двадцать копеек, а Денису Выдову, как гостю, всего лишь посоветовал ехать отсюда куда подальше поступать в какой-нибудь стихотворный техникум. И гневно вышел из комнаты. Антонина выбежала следом:

– Вась, а может, и вправду в кино ходим?

– Чего?! – глянул на Антонину сверху вниз долговязый Загогуйла, сплюнул сквозь два передних зуба в позолоченных коронках на протертый до тканевой основы линоле-

ум и презрительно развернулся на каблуках чрезвычайно модных в позапрошлом году туфель.

Отчаяние охватило Антонину:

– Вася! У меня болгарская «Плиска» есть!

– Чего?! – Загогуила притормозил и опять развернулся, откинул в бок и одновременно назад свой чуб Григория Мелехова, лишив Антонину остатков самообладания, и повторил, понизив голос до хрипотцы интимного регистра:

– Чего?

– Давай, Вась, тогда у меня посидим, музыку послушаем, немного коньяка выпьем?

В это время в конце коридора открылась дверь, и послышалась музыкальная заставка вечерних новостей.

– Нет, музыку слушать не будем, – вдруг испуганно поправила себя Антонина.

Первой новостью после музыкальной заставки было сообщение о том, что глава государства отбыл с дружественным визитом в столицу Германской демократической республики – правую половинку города Берлина. Антонина облегченно вздохнула:

– Лучше просто культурно проведем время, а?

Загогуила опять откинул кудрявый чуб, раскрыл украшенный орлами, крестами и кинжалами портсигар, привезенный ему в подарок двоюродным братом Стасом из колонии общего режима, достал из него и сунул в рот небольшую туго свернутую коричневую сигару, выигранную в очко месяц назад у фарцовщика Жоржика Кукина.

– Ну, давай.

– Только я сейчас, Люську попрошу, чтобы это... Я сейчас, подожди пока в коридоре, ладно?

– Ну я подожду, – Василий шелкнул никелированной зажигалкой и чуть отстранился от высокого желтого пламени.

Антонина стремглав бросилась на свой этаж, Загогуила положил сигару обратно в портсигар, сунул зажигалку в маленький кармашек джинсов, достал пачку беломора и долго чиркал спичками у окошка под плакатом со строгим капитаном милиции, любовно перезаряжающим пистолет Макарова и запрещающим в общежитии образцового порядка пьянство, курение, азартные игры и прочий разврат с космополитизмом.

* * *

– Да ты что, дурында?! С Васькой?! Да он всю общагу уже оприходовал, одна ты осталась, да председатель профкома Ольга Львовна, – наотрез отказывалась немного погулять Люся.

– А ты, как же?... – почему-то спросила Антонина, вместо того, чтобы продолжать плаксиво уговаривать подругу покинуть помещение.

Люся Кренделькова вдруг вспыхнула и неестественно скривила маленький ротик:

– Ой, да нужен мне твой Васька, у меня таких Васек как грязи зимой, как штабелей нерезанных, как собак э... Если ты думаешь, что я о себе беспокоюсь, то ты глубоко ошибаешься!

Люся вдруг шмыгнула носом и резко поменяла первоначальное решение:

– Ладно, давай семьдесят копеек, я в кино схожу, пока ты тут развлекаешься. Любка Лесопосадкина говорила, что в «Победе» двухсерийный фильм про настоящую и от-

того несчастную любовь идет, она уже три раза ходила и каждый раз ревела как эта...
– Люся вдруг озадачилась фонетическому казусу: – вроде бы стерлядь, но вроде бы на букву «бэ»...

* * *

– Не суетись, Тоня, мы люди простые, нам закуска почти ни к чему. – Василий снисходительно следил за бегающей от холодильника к столу и обратно Антониной.

– Ну как же без закуски, – не соглашалась Антонина и выкладывала на стол все запасы, – по радио говорили, что для здоровья очень вредно пить без закуски и вообще пить...

Василий поморщился:

– Да сядь ты, хватит мельтешить.

Антонина села и тут же стала накладывать Василию в тарелку вчерашний салат.

– Ничего не забыла? – помрачнел Загогуyla.

– Нет, все как положено, сначала у меня зеленого горошка не хватало, но Люсе как раз Верка-буфетчица две банки за полфлакона лака для ногтей дала.

– Я говорю, на стол ничего не забыла поставить? – заметно занервничал Василий, – горошек, ё-моё!

– Ой! – вскрикнула Антонина, бросилась к платяному шкафу, распахнула дверцу, выпустив густое нафталиновое облако, и достала из зимнего сапога фабрики «Скороход» бутылку коньяка.

Василий приободрился и произнес свой любимый тост про девушку, ступающую в море и приподнимающую при этом платье.

– А я никогда на море не была, – взгрустнула Антонина и сделала маленький глоточек из скособоченной, но хорошо протертой рюмки.

– При чем тут – на море не была! – Василий раздраженно отставил свою рюмку, взял чайный стакан, налил половину и одним махом влпеснул в свое горло, – тут смысл в другом, кулема!

– В чем, Вася? – робко спросила Антонина, приготовившись совсем обмякнуть от мужской последовательной мысли.

– Ну в том, что она идет, а вода все выше, а платье надо поднимать и поднимать, ну и видно ноги там, живот, грудь и вообще.

– А кому видно, разве она при людях в воду заходит? – удивилась Антонина.

– Да откуда я знаю! – Василий налил себе еще полстакана и тут же выпил.

– Вась, ты совсем не закусываешь, – Антонина придвинула к Загогуyle тарелочку с нарезанной ровными кружками любительской колбасой, – а если кто и есть на берегу, девушка, ведь, в воду заходит, и вода ее скрывает, а когда девушка будет из воды выходить, она платье опять будет вниз спускать.

– Ну тебе только анекдоты рассказывать, в смысле эти, забыл как называются! – Василий проглотил кружок колбасы и опять налил себе полстакана и опять тут же выпил.

– Тосты?

– Чего тосты?

– Тосты мне не надо рассказывать?

– Тосты... – Василий потянулся за бутылкой, но почувствовал, что не улеглась еще предыдущая доза, – ты, наверное, как Сонька Иванова, тоже под подушкой книжки держишь?

– Нет, у меня под подушкой ночнушка, – покраснела и отчего-то расстроилась Антонина, – я ведь не библиотекарша, чтобы государственные книги под подушкой прятать. Вась, а может, на гитаре сыграешь?

– Ну давай, – Загогуyla взял гитару, брезгливо посмотрел на розовый бант, повязанный на конце грифа, ударил по струнам и запел мимо аккордов песню про молодого вора, которого злые менты везут на расстрел.

Антонина почему-то представила, что молодой вор – это сам Васька Загогуyla и, подперев кулаком щеку, пустила по ней крупную слезу.

Василий закончил песню, ударив по звонким струнам три раза подряд, и, удовлетворенный достигнутым результатом, обнял Антонину правой рукой, а левой принялся расстегивать декоративную пуговку на ее груди.

– А ты молодец, понимаешь в искусстве, не то что эти соплячки практикантки, им все итальянцев из Сан-Ремо подавай.

– Вась, не надо, – Антонина прикрыла пуговку ладонью.

– Да чего не надо-то?! – раздраженно спросил Загогуyla.

– Вась, не надо ее расстегивать, – жалобно попросила Антонина.

– Да ладно, чего как маленькая? – удивился сопротивлению Загогуyla.

– Вась, она не расстегивается, она для красоты пришита.

Василий чертыхнулся и полез к Антонине под юбку. Люсиная кровать ойкнула, потом взвизгнула, затем, недолго повздыхав, напряженно затихла, держа в своих пружинных объятиях непривычную тяжесть двух взрослых тел.

– Вась, ты меня хоть немного любишь?

– Ну... Это... Конечно... Вот давай за любовь выпьем.

Василий налил себе остатки коньяка, выпил, спел еще одну песню про то, как молодого вора не дождалась любимая, покурил в открытую форточку, побарабанил пальцами по столу и хлопнул себя ладонями по выпирающим коленным чашкам:

– Ну ладно, Тонь, побегу, надо еще и то, и это, и туда, и сюда. Дел полно, а времени в обрез, жизнь проходит, Тоня, ничего не успеваю! В общем, побежал.

Антонина сняла с Люсиной кровати простыню, тщательно застирала небольшое вишневое пятнышко, прогладила утюгом и аккуратно заправила постель. Потом достала из-под своей кровати радиоприемник и чуть повернула ручку громкости. Приемник равнодушно шипел, Михаил Сергеевич осуждающе молчал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Близость счастья номер два

20 мая

Антонина аккуратно сложила в железный шкафчик синий комбинезон, отдельно повесила оранжевый жилет, взяла полотенце и пошла в душ. Тщательно намылив свое тело детским мылом, Антонина смыла пену и вытерлась махровым полотенцем. Застиранный желтый утенок на бледно-голубом фоне легко впитал влагу и на мгновение стал таким же ярким и молодым, как тогда, когда мама Антонины Валентина Петровна принесла его в целлофановой упаковке из иглинского промтоварного магазина и, несмотря на протесты дочери, положила вместе с другими вещами в большую брезентовую сумку – «Ничего, ничего, выучишься в Уфе на медсестру, вернешься к нам в Иглино фельдшером, станешь работать доктором, тогда будешь и мать-старуху бесплатно лечить и полотенцев ей сколько надо надаришь». Антонина потом всю дорогу до Уфы думала: «Почему бесплатно, когда и так бесплатно?» Но думала недолго, потому что сожитель мамы шофер

почтового фургона Колька-баянист высадил ее на краю города около троллейбусного депо № 2 и напутствовал: «Учись, Тонька, на шофера – это самая лучшая в мире специальность. Тут среди троллейбусников женихов знаешь сколько? А то придумали с мамашей: медсестра, фельдшер! Это мне, что, через всю Уфу на Зорге тащиться, а потом обратно?!» И уехал в Тимашево к Лильке-почтальонке, у которой упился самогоном и в тот же день помер.

Антонина протянула руку к висящему на вешалке ситцевому платью в голубой горошек, но неожиданно для себя вместо платья взяла с полочки яркую коробочку польского дезодоранта, который Верка-буфетчица передала для Люськи за клятвенное обещание достать билет на Валерия Леонтьева, когда тот когда-нибудь придет в Уфу на гастроль, вытащила из коробки флакон с пульверизатором и брызнула себе под мышки резковатое, сладковатое, почти вражеское средство от запаха людей физического труда.

Антонина не спеша вышла из раздевалки и так же не спеша пошла к проходной. Мимо промчался завгар Шишкин. «Говорят, Зинку бросил, аккуратный, бережливый, лысоватый, но зато в строгих очках, а брюки жена не гладит, и рубашку ему надо купить белую с бордовым галстуком – начальство чать», – тихо разговаривала сама с собой Антонина, попутно как бы приглашая к беседе и Генерального секретаря. Шишкин пробежал в одну сторону, потом в другую, потом встал как вкопанный:

– Чем это от тебя воняет?! В смысле, Загубина, ты к техосмотру готовишься?!

Антонина покраснела и слегка опешила:

– Так я же, Павел Семенович, его на прошлой неделе прошла, вы меня еще ругали за просроченный огнетушитель.

Шишкин втянул воздух и опять озадачился:

– А куда передовика производства Выдова дели? Из Свердловска звонили, говорят, всего на день его к нам посылали.

– Не знаю, Люся Кренделькова говорила, что женился, Серега Шептунов, что поехал в Москву на Мустая Карима учиться, а Любка Лесопосадкина плачет, что на Сахалин сбежал.

– Да... Лучше бы запил, – почесал затылок Шишкин, но тут же встрепенулся: – А на политинформацию ходишь? Последнюю речь Генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза законспектировала?! Чем это от тебя воняет?! Ну-ка зайди ко мне в кабинет!

Антонина послушно зашла в прокуренную бытовку завгара, увидела на заваленном промасленными путевыми листами столе газету «Правда» с портретом руководителя страны и потупилась:

– Я Михаила Сергеевича по радио слушаю.

– Какого еще Михаила Сергеевича? – не понял Шишкин.

– А у нас один Михаил Сергеевич! – вдруг твердо сказала Антонина и показала коротким указательным пальчиком на газету.

Завгар, от неожиданности втянул в себя живот, плечи, щеки и тут же залепетал слабым голосом:

– А я и ничего вовсе, я даже и нисколько, Михаил Сергеевич сам разрешил гласную э-э... стройку, – но самообладание быстро вернулось к Шишкину, он вновь расправился до размеров своего пиджака и опять перешел на начальственный басок: – ты, Загубина, тут не того, у нас теперь другие времена! Поправлять меня вздумала! Напугать решила!

– Разве вы испугались? – искренне удивилась Антонина.

– Я?! – усмехнулся Шишкин, – да я никого не боюсь! Хочешь знать, так мне даже антиалкогольный указ – не указ!

Шишкин вдруг открыл несгораемый шкаф и достал оттуда бутылку «Плиски».

– Я и выпить могу, когда захочу! Держи стакан! За гласность, за ускорение, за борьбу с нетрудовыми доходами!

Антонина испуганно отхлебнула коньяк и как-то обреченно подумала: «Опять «Плиска!» А Шишкин поставил свой нетронутый стакан на стол, прижал Антонину к несгораемому шкафу и зашептал:

– Ну и запах у тебя! Так моя одноклассница Светка пахла, до того, как замуж за моего друга Игорешку вышла, теперь в Москву переехали, в Химках живут, большие люди!

– Павел Семенович! – шепотом запротестовала Антонина.

Но Павел Семенович уже смял старательно выглаженное с утра ситцевое платьишко в голубой горошек.

– Ну ты и демагог, Шишкин! – гневно зашипел селекторный приемник, а Михаил Сергеевич продолжил: – запудрил мозги девушке нашими светлыми лозунгами, воспользовался силой нашего демократического слова! Да мы тебя, Шишкин! Да я тебя, Шишкин! – и стал Генеральный секретарь материться так, словно он не Генеральный секретарь, а начальник троллейбусного депо Калмыков.

– Давай, давай скорее, в раздевалке у себя сделаешь там что надо, не слышишь меня начальство зовет! – Шишкин быстро застегнул штаны, слил из стаканов недопитый коньяк обратно в бутылку, закрутил пробку и спрятал в несгораемый шкаф, – пригодится еще! Ты это, не болтай там в общаге-то! А то знаю вас – чуть что, сразу порочащие слухи распускать!

Антонина хлюпнула носом, одернула мятый подол, вышла из бытовки завгара и пошла к проходной.

2 июня

Вроде бы никому не рассказывала Антонина о приключившихся с нею событиях, даже подруге Люсе почти ничего не сказала, но пошла по троллейбусному депо молва, что скромница Антонина редкая в своей безотказности деваха. Правда, только эта любопытная тема повисла в электрических троллейбусных проводах, как победа сборной СССР на чемпионате мира по футболу над сборной Венгрии со счетом 6:0 тут же унесла ее мексиканским торнадо на заросшую бурьяном свалку у бетонного забора за ремонтными мастерскими.

29 июня

Июнь, словно мяч, посланный через все поле Марадоной под сокрушительный удар Бурручаге, пролетел. Пролетел, но закончился, как показалось двести четырнадцатой комнате на день раньше обычного, потому что все помнили, как вскочили, возликовали, взметнулись, а куда делось потом 30 июня – никто внятно сказать не мог. Одна лишь Антонина твердо знала, но никому не говорила, что весь этот день грустила. Грустила и беззвучно соглашалась с Михаилом Сергеевичем – ей тоже было жалко проигравших безалаберным аргентинцам дисциплинированных немцев, у которых дома за океаном остались верные друзья в коротких кожаных штанишках, крепкие семьи за дубовым столом, уставленным тушеной капустой, свиными сосисками и пенистым пивом, пожилые родители в накрахмаленных белых фартуках и остроконечных шляпах с перьями и все – с надраенными до солнечных зайчиков «мерседесами» и «бенцами». Михаил Сергеевич так же уверял Антонину, что, несмотря на нордический характер, бургеры всех феде-

ральных земель очень ранимы и сильно переживали за своих белокурых целеустремленных атлетов. Переживали, незаметно поглаживали правой ладонью левую грудь и наливали в столовые серебряные ложки лечебный бальзам Биттнера.

– Все налили?! – спрашивал Василий Загогуyla бюргеров и чокался с ними своим граненым стаканом.

– Ничего, погоди, я найду, чем утешить жителей ГэдэРа и эФэРГэ! – обещал Антонине Михаил Сергеевич, подливая ей в скосбоченную, но хорошо протертую рюмочку тоже очень полезный для здоровья бальзам «Агидель».

16 июля

К середине лета работники депо перестали радоваться десятому месту сборной СССР и огорчаться несправедливому проигрышу бельгийцам. Появилась у них новая забота – многие почувствовали какую-то оставшуюся недоговоренность. И недоговоренность эта неприятно давила, вызывая неявный дискомфорт, легкое раздражение, потерю сосредоточенности, снижающие капризную трудовую дисциплину. Но душным летним днем все вздохнули с облегчением: благополучно приземлился космический корабль «Союз Т-15» с Кизимом и Соловьевым, а Антонину стошнило прямо на расширенном отчетно-перевыборном собрании комсомольской организации депо. Про космонавтов всей стране рассказал диктор Кириллов, а по поводу Антонины рабочий коллектив вспомнил оставшуюся недоговоренность и договорил: догулялась шалава!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тернии и прочие неприятности на жизненном пути водителей общественного транспорта

16 июля

– Что это с ней? – спросил только что присланный из обкома комсомола за приобретением бесценного опыта в гуще пролетариата секретарь Саша Антонов у соседа по президиуму комсорга бригады ремонтников Сереги Шептунова.

И Серега Шептунов, заменяя могучие короткие русские слова плоховыговариваемыми нерусскими выражениями, обрисовал моральный облик водителя Загубиной из бригады передовика Василия Загогулы.

– Так надо бороться с этим безобразием! – сообразил Антонов, что у него есть шанс начать работу в рабочем коллективе с многообещающего начинания – движения за еще большую чистоту морального облика строителя коммунизма, – которое непременно заметят в обкоме, подхватят молодежные газеты, взрослое телевидение, а там, глядишь, ЦК ВЛКСМ, Москва, Кутузовский, Елисеевский...

– Необходимо! – согласился Серега, выдохнув в рукав вчерашний аромат портвейна «Кавказ», за которым стояли с Идрисовым три часа, а выпили потом за пятнадцать минут.

– Товарищи! – звонко взял слово секретарь комсомола депо Антонов, – все мы знаем, что главное зло на пути к нашему светлому будущему – это алкоголизм! После империализма, конечно. Но есть у этих злов, в смысле злов, тихая и как бы незаметная сестра, имя которой... – Саша Антонов запнулся, потому что забыл приличное имя «сестры».

– Половая распущенность, – шепотом пришел на помощь комсомольскому вожаку Шептунов.

– Половая распущенность! – дал петуха Антонов, но никто не рассмеялся, потому что решили, что резкая смена октавы соответствует пафосу момента, – вот вы, товарищ Загубина, поднимитесь на сцену и расскажите нам всем, как вы, комсомолка, докатились до такой жизни?!

– Какой «такой»?! – не поняла Антонина, но побледнела и расправила полиэтиленовый пакет на случай повторного приступа тошноты.

– Какой такой?! Я вам скажу, какой такой! Такой жизни, как у Клеопатры Египетской! Екатерины Второй! Царицы Савской! – вдруг почувствовал вдохновение Саша Антонов, – гетеры японской! Выходите, выходите, Загубина, расскажите всему коллективу о своем разврате!

Зал, задавленный звучными, но далекими, как первая учительница начальных классов, именами венценосных особ, тревожно затих, лишь библиотекарь Соня Иванова влюблено посмотрела на Сашу Антонова.

Антонина заплакала, сквозь слезы пропищала, что на трибуну ни за что не пойдет и никакая она не японка, у нее папа был, рассказывала мама, полярным летчиком, героически заблудившимся во льдах Арктики.

Антонов махнул рукой на Антонину и кивнул комсorghу ремонтников. Перешли к обсуждению.

– Предлагаю осудить проступки Загубиной! – предложил Серега Шептунов, подмигнув Антонине: мол, он не причем – люди подневольные.

– Ну, поставить на этот, на вид, – промямлил насильно поднятый волей президиума с последнего ряда бригадир Антонины Василий Загогуyla.

– Провести разъяснительную работу, – чуть смущенно высказался куратор из партийного комитета депо Павел Семенович Шишкин, когда ему, как куратору, дали кураторское слово.

– Да премии квартальной лишить и на год перевести во вторую смену, чтобы времени на блудство не было, а то развелось этих давалок! – вдруг выкрикнула из глубины зала диспетчер Зинаида.

– Тихо, тихо, Зинаида Геннадиевна, не надо ругаться, – одобрительно остановил ее Антонов, – какие будут еще предложения? Как будем, товарищи, выводить грязное пятно с белоснежной простыни, в смысле накрахмаленной скатерти, то есть репутации коллектива?! Может быть, такой человек, как Загубина, не достоин быть в комсомоле?!

И поняла Антонина, что сейчас вопрос об ее исключении из молодежных рядов поставят на голосование и, как всегда бывало на собраниях, все дружно за первое выдвинутое предложение единогласно проголосуют. И зашептала Антонина: «Михсергенч, миленький, помоги!»

И сидящая у двери, рядом с новеньким белорусским телевизором «Витязь Ц-281Д1», председатель профкома Ольга Львовна не выдержала. Достала носовой платок и протерла от пыли, на которую с ненавистью поглядывала все собрание, экран кинескопа, боковые панели и все торчащие из телевизора ручки и кнопки. Сияющий «Витязь» неожиданно зашипел, затрещал и включился на полную мощь.

– Это кто там во время собрания позволяет себе телевизор вклю... – в гневе зарокотал президиум, но тут же осекся и в растерянности потупился.

Игорь Кириллов посмотрел телезрителям прямо в глаза и голосом, от которого замирало в груди даже у замужних женщин, сказал, что Генеральный секретарь ЦК КПСС посетил город Иваново. Глава государства, как он любил, прямо на перекрытой по всему периметру площади Ленина остановил кортеж из правительственных ЗиЛов, вылез из

самого затонированного и самого длинного, подошел к народу и предложил вопросы ему задавать нелицеприятные и острые. Тут вместо Героя Социалистического Труда Зои Пуховой, бесцеремонно отодвинув ее плечом, вперед шагнула мотальщица со второй трикотажной фабрики Зульфия Коромыслова и задала смелый перестроечный вопрос:

– Когда правительство матерям-одиночкам начнет помогать, а то у меня еще один от груди не оторвался, а уже второй ногами в живот бьет. Хотите послушать?!

И к ужасу недавно назначенного первого секретаря Ивановского обкома Князюка Михаила Александровича и всех других секретарей помельче, выпятила в сторону главы государства круглый, как земной шар, живот.

– Товарищ мать-одиночка, на ваш вопрос у меня есть простой короткий ответ, – сказал Михаил Сергеевич и за полтора часа рассказал, как с помощью хозрасчета и ускорения собирается углубить проблему, а потом перейти от экстенсивного пути развития страны к интенсивному.

Полтора часа внимало Генеральному секретарю комсомольское собрание депо, полтора часа вытирал пот со лба Саша Антонов, терзаясь вопросом: «Что же делать?». Разрешил его вопрос начальник депо Калмыков, по-хозяйски наотмашь распахнувший дверь в актовЫй зал и тут же столкнувшийся взглядом с открытым ртом главнокомандующего космической, ядерной супердержавы. Не в своей весовой категории оказался начальник троллейбусного депо, дрогнули его колени, холодок по спине пошел, присел он на свободное место около председателя профкома и прошелестел пересохшим языком:

– Чё случилось?

– Кажись, Горбачев гуляющим квартиры велит давать, – вышла из дремотного состояния Ольга Львовна.

– А мы чё?

– А Сашка Антонов хочет наоборот Загубину из комсомола выгнать.

– Он чё, сдурел что ли?!

– Остановить гонку вооружений – наша основная с вами задача, товарищи! – закончил свой ответ Зульфии Коромысловой Генеральный секретарь, под бурные аплодисменты ивановцев сел в огромную черную машину, но, прежде чем позволить загорелому двухметровому и голубоглазому офицеру КГБ в неприметном сером костюме среднестатистического инженера среднестатистического завода среднестатистического города захлопнуть дверь, помахал рукой Антонине: – выше нос, Загубина!

– Слово предоставляется начальнику троллейбусного депо номер два товарищу Калмыкову! – еле успел прокричать Саша Антонов уже стоявшему за трибуной Калмыкову, хотел громко захлопать, но здраво рассудил, что две оваии одновременно – это перебор, возможно даже с оргвыводами.

– Не тем заняты, товарищи комсомольцы! – рявкнул Калмыков залу, зал равнодушно зевнул, – с чем бороться вздумали?! С материнством?! – рявкнул Калмыков президиуму, президиум скукожился, – от линии партии решили отойти?! На чью мельницу ветер пускаем, комсомолец Антонов?! – рявкнул Калмыков Антонову.

«Может быть, куда-нибудь убежать и спрятаться в какой-нибудь сундучок?!» – малодушно подумал Антонов, но собрал силу воли в кулак и стал вспоминать, какой еще профессией владеет, кроме комсомольской.

– А куда смотрит партком, коммунист Шишкин?! – распаялся начальник депо, – чем занимаются кандидаты в депутаты, товарищ Идрисов?! Хрен знает чем! – уже рычал Калмыков, – меж тем, объявленная руководством страны борьба за трезвость ведется спустя рукава, без энтузиазма, без огонька! Где огонек, Шишкин?! Где огонек, спрашиваю, Идрисов?! Вот сейчас возьму и самолично проверю, что хранится в тумбочках и

несгораемых шкафчиках каждого работника депо и, если у кого чего найду, тут же отправлю в лечебно-трудовой профилакторий под Магадан лес валить!

– Без ордера на обыск право не имеет, – завгар Шишкин толкнул в бок сидящего рядом Ричарда Ишбулдыевича и натужно, тоненько и чуть слышно захихикал.

Ричард Ишбулдыевич посмотрел на Шишкина, как на покойника, но сжалился и, вспоминая осужденного на пять лет предыдущего завгара Кучемасова, сумевшего спisać на металлобазу города Кутаиси только что полученный новенький троллейбус ЗиУ-682В, вполголоса согласился:

– Да, когда вашу с Кучемасовым бытовку обыскивали, в нее только одних понятых половина депо набилось!

Хихиканье Шишкина самопроизвольно перешло в нервный кашель, он привстал и, пригибаясь почти к коленкам сидящих, перебрался на другой ряд, поближе к Идрисову, удивительным образом как бы бледнеющему и в тоже время как бы краснеющему.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Осенние напасти Советского Союза

1 сентября

– Ну что ты будешь делать, Антонина! Опять!

– Что такое, Михсергеич?

– Нахимов утонул!

– Ой! У нас в Иглино на Бессоном озере тоже соседский Егорка утонул! Прямо перед школой! Карасей удить ему приспичило! Второгодник! всю землю под нашим забором изрыл – червей искал...

– Какие караси, Антонина?! Телевизор включи, там новости с картинками! Я распорядился, чтобы ничего не замалчивали, у нас на социалистическом дворе с человеческим лицом как-никак гласность! Мы теперь народу всю правду будем говорить, и о достижениях, и даже о временных трудностях!

Антонина прибавила громкость.

– Достала ты со своим приемником, Загубина! Ладно бы музыку нормальную слушала, а то ведь шипение или треск или опять шипение! – Люся Кренделькова выгатила из пакета присланные Антонине свежие иглинские огурчики с колючими пупырышками, выбрала самый симпатичный, нервно порезала его на сочные ароматные кружочки и нежно разложила на своем лице.

Тем временем «Маяк» сообщил, что 31 августа в 23 часа 12 минут теплоход «Петр Васев» с 28638 тоннами ячменя в трюмах врезался своим носом в борт круизного парохода «Адмирал Нахимов» с 1234 пассажирами в комфортабельных каютах. Через восемь минут «Адмирал» затонул на глубине в сорок семь метров.

– Кошмар! – сказала Люся Кренделькова и перевернула на лице огуречные кружочки, – я ведь с детского сада мечтала познакомиться с капитаном дальнего плавания!

– Н-да! – добавил Генеральный секретарь, – 423 человека погибли, 64 из них даже достать не сможем – так и останутся в морской могиле. А капитану «Нахимова» Маркову и капитану «Васева» Ткаченке, думаю, лет по пятнадцати впаем!

20 сентября

– Включай скорее свое радио! – одновременно крикнули Антонине бригадир Загогуила и завгар Шишкин.

Крикнули, посмотрели друг на друга оторопело и даже неприязненно, но отвлекаться не стали.

– Не могу, – тихо ответила Антонина.

Загогуила и Шишкин перевели оторопелые взгляды друг с друга на Антонину.

– Вэфик под кроватью лежит, – добавила Антонина почти шепотом.

– Кто?! – чуть не сплюнул Загогуила.

– Где?! – перекосило Шишкина.

Но ни тот ни другой ничего ёмкого сказать не успели, потому что председатель профкома Ольга Львовна позвала всех работников депо в радиусе доступности своего зычного голоса в актовЫй зал смотреть по телевизору новости про то, как бандиты из воинской части № 6520 захватили в уфимском аэропорту самолет ТУ-134А, летевший из западноукраинского Львова в приполярный Нижневартговск.

– В Уфе! Самолет! Террористы! Когда такое было! Это ж, на весь мир! – пробежал мимо Антонины комсомольский вожак Антонов.

К телевизору в актовом зале было не протиснуться. Сидящая у экрана Ольга Львовна транслировала новости через правое плечо, Верка-буфетчица передавала их библиотекарше Соне Ивановой, Соня повторяла их всем стоявшим за ней плотной стеной.

– Громче! – кричали Соне.

Соня краснела, расстраивалась, чуть не плакала и повторяла срывающимся голосом:

– Милиционеров убили! Из автоматов и пулеметов! Монтажника Ермоленко убили! Электрика Тиханского тяжело ранили! Наркотики потребовали! В Пакистан хотят!

– В Пакистан?! – резонно удивлялся рабочий коллектив и справедливо возмущался: – У-у! Предатели!

– Тихо! – зычным голосом осаживала гнев коллектива Ольга Львовна и продолжала трансляцию: – Ихнему главному главарю Ягмурджи наши ногу отстрелили! А его дружка Манцева наша «Альфа» и вовсе на месте изрешетила!

– Что же вы там такое в своей Уфе вытворяете, Антонина?! – сквозь поднявшийся гомон тихо, но грозно задал вопрос главнокомандующий.

– Это хулиганы, Михсергеич, они вместо водки наркотики из стаканов пьют! – растерялась Антонина.

– Их же не пьют! – удивился подкованный во всех областях и сферах Серега Шептунов, – странные какие-то наркоманы! Явно не из Цыганских дворов, у нас на Кольцевой их бы быстро обучили шприцами пользоваться, все до одной вены на своем язвенном теле бы знали!

Антонина побледнела, облокотилась на худенькое плечо Сергея Шептунова и обречено вздохнула:

– Меня, наверное, сейчас опять стошнит.

6 октября

– Ой! – вскрикнула Антонина.

– Дерется? – Люся Кренделькова оторвалась от журнала «Бурда», подняла голову и заморгала на живот подруги красными, осоловевшими глазами.

Но Люба Лесопосадкина не позволила ей отвлекаться по пустякам:

– Давай еще и эту выкройку срисуем, а то сейчас Сонька Иванова хватится, побежит к Ольге Львовне, и начнут они вдвоем свой журнал по всем комнатам искать – ушные перепонки лопнут!

Но Люся с Любой срисовать не успели, незапертая по девичьей непредусмотрительности дверь распахнулась, в комнату ворвалась Ольга Львовна и прошмыгнула Соня:

– Это он?!

Соня выглянула из-за плеча Ольги Львовны:

– Это он. Там еще в уголке штампик синенький должен быть: «Троллейбусная библиотека имени депо № 2».

– Воровки! – от могучего контральто Ольги Львовны содрогнулось общежитие.

Ричард Ишбулдыевич смазал верный шар в среднюю лузу, Серега Шептунов забыл на полуслове смешной анекдот про русского, татарина и еврея, Идрисову не в то горло пошла «Пшеничная», Саня Антонов неожиданно предложил семенящим за ним комсомольцам закончить обход на втором этаже и на всякий случай снял нарукавную повязку ДНД, Загогуйла вдруг ощутил неприятный сбой в организме, выпустил из объятий практикантку Луизу и, оставив ее в полном недоумении, зашагал журавлиным шагом по делам, скопившимся по самое горло.

Но Ольга Львовна только начала. Она обрисовала Крендельковой во всех смачных подробностях моральный облик Лесопосадкиной, а Лесопосадкиной – моральный облик Крендельковой, потом прожгла взглядом Антонину:

– А ты, Загубина, как в эту шайку попала?! Тоже захотелось на доску позора?! Ничего, Соня всю вашу троицу в стенгазете прорисует, все ваше пьянство, разврат, грабеж, разбой, бандитизм! Еще и в районную «Трибуну» напишет! Напишешь, Соня?

– Напишу... – зловеще пропищала Соня.

– Я тут живу, – попыталась вдогонку тираде председателя профкома возразить Антонина.

Но Ольга Львовна выдернула из-под рук Люси и Любы «Бурду», сунула под мышку, бросила Соне: «Через неделю верну», – и вышла из комнаты.

Лесопосадкина матюкнулась и закурила. Люся встала из-за стола, подошла к своей кровати и плашмя на нее упала:

– Легче две смены в День садовода отработать, чем чертежником чертежи чертить!

Антонина всхлипнула:

– В стенгазете нарисует, а сама книжки библиотечные под подушкой прячет!

* * *

Но вредные для здоровья будущей мамы расстройства в этот день не закончились. Когда уставшая Люся, наглотавшись аспирина от головной боли, протяжно захрапела, Антонина плавно повернула ручку настройки радиоволн. Сквозь треск и нарастающий гул интеллигентный человек с хроническим насморком прежде, чем в этом треске исчезнуть, успел ей радостно сообщить, что Советы в 680 милях от Бермудских островов утопили свою атомную подводную лодку К-219 проекта 667АУ «Налим». Михаил Сергеевич подтвердил:

– Ракета взорвалась во внутренностях нашего «Налима», вода пошла, на 350 метров провалились, пришлось экстренно всплывать. Тут еще, представляешь, американцы со всех сторон окружили, помощь свою безвозмездную нагло предлагают. Придумали: от-

буксируем для ремонта вашу К-219 на нашу ближайшую военную базу! Но командир Британов им и сам в руки не дался, людей спас, и лодку, чтобы не досталась нашим врагам, с которыми мы еще только планируем дружить, на пятикилометровую глубину отправил. Мы, конечно, ему больше не доверим службу в ВМФ, зато матросу Сергею Преминину посмертно Красную звезду торжественно вручим за то, что атомный реактор ценой своей молодой жизни заглушил.

– Так разве ему не Героя Советского Союза положено? – удивилась Антонина.

– Ты, Загубина, своим троллейбусом управляй, а мы, тут в Кремле с Советским Союзом сами как-нибудь справимся, – осадил Антониноу главнокомандующий.

11 октября

О том, что Васька, Ричард Ишбулдыевич, Серега Шептунов купили в складчину у Жоржика Кукина маленький цветной японский телевизор «Шарп» и теперь не знают, куда деть большой черно-белый советский «Горизонт», Антонина узнала от Зинки еще на маршруте, когда на «Трамплине» зашла в диспетчерскую отмечаться. Но она никак не ожидала, что вечером после смены Загогуила с Шептуновым этот «Горизонт» занесут в их комнату.

– Вот, девочки! Почти новый! Первый канал без помех, второй – антенну повертите туда-сюда и тоже будет ничего! – Шептунов удовлетворено хлопнул по крышке «Горизонта».

– А свой приемник, Антонина, выбрось или Ричарду Ишбулдыевичу отдай, он из него диоды с конденсаторами выпаяет и на «радиотучу» за ДК «Синтезспирт» отнесет, – добавил Загогуила и слегка замялся: – У тебя в зимнем сапоге ничего не осталось, а то бы вспрыснули приобретение?

– Только полусладкое «Советское шампанское» на Новый год берегу, – грустно сказала Антонина, представив, как Ричард Ишбулдыевич вскрывает ее «ВЭФ» и разбирает на мелкие разноцветные детальки.

– Не надо! – одновременно поморщились Серега с Василием, включили телевизор и вышли по неотложным делам.

* * *

Игорь Кириллов внимательно посмотрел в глаза Антонине и сообщил: «Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев и бывший посредственный актер Ронни Рейган встретились в Рейкьявике».

– А по программе художественный фильм обещали, – скривила губы Люся и ушла к Лесопосадкиной гададь на бубнового короля.

«...вышли на обсуждение следующего решения, – продолжал Кириллов, – стороны соглашаются ограничиться исследованиями, разработками и испытаниями на период в пять лет до 1991 года, в ходе которого будет осуществлено 50-процентное сокращение стратегических ядерных арсеналов. После этого обе стороны продолжат теми же темпами сокращение остального оружия с целью полной ликвидации наступательных баллистических ракет...».

– Ты представляешь, Антонина, – произнес за спиной Кириллова одними губами Горбачев, – этот начальник генштаба Ахромеев против американских предложений! Ведь до чего додумался: «Это ловушка, – говорит, – в результате американцы сохранят свой

основной стратегический потенциал: тяжёлые бомбардировщики, крылатые ракеты и базы вокруг СССР, где расположены тактические ракеты с ядерным оружием, способные достигать территории СССР!».

Антонина вздохнула. А Горбачев продолжил:

– А ихний Рональд – тоже фрукт! Сидим, разговариваем себе, вдруг этот Рейган встает и уходит! Не, ну так же не делается, мы ему встречные предложения, мы даже своего Ахромеева уже не слушаем, а президент США берет встает и уходит!

Игорь Кириллов сделал многозначительную паузу и чуть добавил в регистр своего голоса мужественности: «На состоявшейся по итогам встречи пресс-конференции Михаил Сергеевич Горбачёв заявил, что Рейкьявик – это прорыв в холодной войне!»

Камера взяла крупным планом катящуюся по щеке Раисы Максимовны крупную слезу умиления.

– А ничего, – сказала вернувшаяся от Лесопосадкиной Люся, – молодая, симпатичная, одевается не как предыдущие бабуси.

– Ничего не молодая! – вдруг резко возразила Антонина, – лицо злое, надменное, самовлюбленное. И деньги государственные на наряды тратит!

Люся удивленно посмотрела на подругу, а Михаил Сергеевич нахмурился:

– Не о том говоришь, Антонина, не о том! Мы, между прочим, с Рейганом не только о разоружении говорили, отныне повседневным и признанным пунктом повестки дня советско-американских переговоров станут права человека! Еще скажу: мы договорились, правда устно, что необходимо Варшавский блок и блок НАТО распустить – хватит воевать! Вот как приеду, так начнем распускаться, может, заодно и Прибалтику в свободное плавание отпустим – давно просятся – пусть себе.

– Ой, Михсергеич, родименький! – всплеснула руками Антонина, – страшно-то как! Не обманули бы нас американцы!

– Ты чего, Тоня?! – встревожилась Люся.

А Генеральный разнервничался:

– Ну ты, Загубина, как будто сговоришься с Ахромеевым! Ловушка! Обманут! На слово верить нельзя! Кроме вас тут что, одни дураки остались?!

22 ноября

– Привет, Загубина! – бодро сказал Ричард Ишбулдыевич, бодро входя в комнату.

– Здравсьте, – устало ответила Антонина, только что пришедшая со смены.

– Как жизнь?! – еще бодрее спросил Ричард Ишбулдыевич.

– Мы же утром перед выходом на маршрут виделись – ничего не изменилось, – Антонину стал утомлять физкультприветный тон коллеги.

– Н-да... – потерял ритм коллега, – телевизор работает?

– Работает... – Антонина присела на кровать и мечтательно посмотрела на подушку.

– Тут это... – перешел к делу Ричард Ишбулдыевич, – Загогуяла говорил, что у тебя старый ненужный радиоприемник есть, на помойку собралась его выбрасывать. Так ты это, лучше отдай его мне!

– Он не ненужный, он – нужный, на помойку я его не хотела, я его слушаю, – речитивом проговорила Антонина.

– Да что там слушать-то, когда телевизор есть! – Ричард Ишбулдыевич быстро потерял терпение.

– Ну много чего, – сонно растягивая слова, проговорила Антонина.

– Например? – насмешливо спросил Ричард Ишбулдыевич и презрительно осклабился, – вот что сегодня ты такого услышала?!

Антонина вдруг встала и отчеканила:

– Я услышала, что в американском городе Лас-Вегасе негритянский боксер Майк Тайсон стал новым чемпионом мира в тяжелом весе, нокаутировав во втором раунде другого негритянского боксера Тревора Бербика!

– Ну ты, Загубина, даешь! – попятился к двери Ричард Ишбулдыевич.

6 декабря

Люба Лесопосадкина ходила вокруг Люси Крендельковой и наставляла:

– Зайди и потребуй! Так и скажи: «Библиотека создана не только для библиотекарей и председателей профкомов!»

Люся стояла у дверей библиотеки и не заходила, а только хныкала:

– Там этот... вожак комсомольский. Подшивку «За рулем» листает.

Но Люба не отступала:

– Вот так и скажи: «Не только для библиотекарей, председателей профкомов и комсомольских вожakov!»

И тут Люся преобразилась:

– Тоня!

Антонина, поддерживая рукой небольшой аккуратный животик, шла по коридору общежития в сторону Красного уголка, где Васька Загогуyla только что положил с разбоя шар в правую угловую лузу.

– Загубина! – еще раз крикнула Люся.

Антонина подошла.

Люба Лесопосадкина тут же приоткрыла дверь в библиотеку:

– Загубина, заходишь и требуешь: «Библиотека создана не только для библиотекарей, председателей профкомов и комсомольских вожakov!»

– А я умираю от Жанны Агузаровой! – донесся через приоткрытую дверь восторженный голос Сони Ивановой.

– Чего требовать-то? – спросила Антонина и бесстрашно добавила про себя, что очень ее, Лесопосадкину, недолюбливает.

– Что значит, чего?! – одновременно удивились Люся и Люба, – «Бурду», конечно! Так прямо им и скажи: «Я беременная, а библиотека создана не только для библиотекарей, председателей...»

Антонина распахнула дверь и шагнула в малюсенький читальный зал.

– У меня один знакомый, Рустик Кайбышев, – тоже из комсомитета – ездил в Оренбург на межобластное совещание, ну там возили их перед ужином туда-сюда, и в одном интернате, не поверишь, Сонь, музыкальный кружок организовали, в котором тринадцатилетние пацаны с такими голосами! – Саша Антонов сидел на столе рядом с подшивкой «За рулем» и размахивал руками.

– Соня! – твердо произнесла Антонина, – дай мне, пожалуйста, журнал «Бурда», ведь он не только для библиотекарей, председателей...

Соня, не сводя глаз с Антонова, достала из ящика письменного стола четыре журнала и все четыре, не сводя глаз с Антонова, протянула Антонине.

– Эти пацаны, не поверишь, Сонь, уже группу сколотили, «Ласковый май» называется, солист у них то ли Миша Шатунов, то ли Юра Ушатаев. Рустик Кайбышев кассету с их концертом привез, на два дня мне дал, хочешь послушать?

– Хочу, – без раздумий согласилась Соня и, возможно, сразу на два дня.

Антонина вышла.

16 декабря

На «Восьмиэтажках» Антонина притормозила на светофоре, в приоткрытую переднюю дверь легко протиснулся маленький, худенький Идрисов. Идрисов проскользнул в кабину, присел около инструментального ящика и, сияя медным пятакон, которым не расплатился за проезд, радостно сообщил:

– Началось!

Антонина с трудом объехала перпендикулярно припаркованный «жигуленок» Жоржика Кукина:

– У меня тоже вот-вот начнется, сегодня последний день работаю, – и добавила в микрофон: – Следующая остановка «Дворец Орджоникидзе».

Идрисов потерял руки:

– Казахи в Алма-Ате Советскую власть в свои руки берут!

– Как берут?! – Антонина открыла двери, прижалась животом к рулю и слегка зажмурилась.

– А так! Не захотели наши братья и сестры, чтобы Горбачев без народного спроса Куняева на русского Колбина поменял! – стал заводиться Идрисов.

– Михаил Сергеевич – главный! Право имеет! – возразила Антонина, закрыла двери и объявила: – Следующая остановка «Улица Конституции».

– Кто главный?! Я сам, например, себе главный! Эх, молодежь в Алма-Ате Советскую власть свергает, а мы тут сидим в троллейбусах и ничего не делаем! Надо же тоже чего-нибудь требовать, собираться, протестовать, а то так и пройдет жизнь, как у пингинов! Надо же бурлить, свергать, электрические провода рвать, троллейбусы переворачивать, поджигать и вообще! Как буревестники, альбатросы, грифы! – уже кричал Идрисов.

– Вы не выпимши? – осторожно спросила Антонина.

Идрисов окатил ее презрительным взглядом:

– Чего?! – Идрисов дыхнул на Антонину трезвым перегаром омлета из пяти яиц, закусенным двумя головками чеснока и запитым полулитами кофейного напитка «Утро», – у меня, к вашему вороньему сведенью, отгул, я триста граммов крови, чтобы зря не пропадала, родному номер три сдал! А студенты в Алма-Ате, к вашему воробыному сведенью, Советскую власть вместо зачеток в свой карман кладут! Да что с тобой говорить! Ну-ка выпусти меня, вон Васька с опущенными дугами ремонтников ждет, пойду его свежим воздухом свободы порадую.

* * *

Антонина прошла мимо набитой водителями бытовки Шишкина.

– Да не бил я его! – узнала она голос Загогулы.

– Ему чуть пятнадцать суток не дали, – начальственным баском Шишкина сказал, видимо, сам Шишкин.

– Триста грамм крови за один присест из такового маленького организма! – кажется, тенорок Шептунова, решила Антонина.

– При Брежневе кроме денег еще и стакан красного вина наливали?! – донесся до Антонины хор из нескольких удивленно-задумчивых голосов.

– Нет, ты только послушай, Антонина! Казахов в этой Алма-Ате всего ничего, ну от силы процентов двадцать пять! – скрипнула дверка шкафчика голосом Михаила Сергеевича, – мы им там сразу все телефоны отключили, всю милицию подключили, а они через сарафанное радио стали общаться, в институтах и университетах сорганизовываться! Вышли к зданию ЦК Казахстана со своей демагогией: «Даёшь ленинскую национальную политику!», «Требуем самоопределения!», «Каждому народу — свой лидер!» Это что, Антонина, гласность, демократия?! Они же меня перед западными товарищами в каком неперестроечном, брежневском свете выставляют?! Ну пришлось, конечно, рабочие дружины задействовать, внутренние войска, сухопутные...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Житель планеты Земля номер 4928021966

19 декабря

Тревожно спал Загогуyla, ворочался во сне Шишкин, задумчиво смотрел в потолок Михаил Сергеевич, прерывисто посапывал главврач роддома № 3 Вехновский.

– Куда под колеса лезешь! – прошептал кому-то Загогуyla и погрозил свесившимся с кровати кулаком.

«Калмыков опять обещал рейд устроить, а вдруг сунет свой нос не только в несгораемый шкаф, но и в ведра пожарные? – переживал Шишкин и переворачивался на другой бок, – надо было эту проклятую бутылку домой унести, тем более у Лёли завтра годовщина свадьбы или послезавтра или послепослезавтра. Утром у тещи уточню, аккуратно, конечно, чтобы потом карга дочуре не пересказала, а то та поставит любимую пластинку про напрасно истраченные на меня молодые годы и, конечно же, про свою липовую задержку даже не вспомнит».

– Рая, а что, если эту сталинскую лепнину на потолке затянуть белым полотном? – спросил верного соратника Генеральный секретарь, – французы давно для этого виниловую пленку используют.

– Спи, Миш, спи, – ответила из соседней спальни Раиса Максимовна.

Вехновский вдруг перестал посапывать, внятно произнес: «Тужься!» и опять засопел.

* * *

– Тужься! – привычно приготовилась принять новую жизнь самая известная среди водительниц троллейбусов и трамвайных вагоновожатых Орджоникидзевского района акушерка роддома № 3 тетя Роза, – и как тебя, товарищ шофер, угораздило раньше срока рожать?!

Но Антонина в ответ потужилась и через мгновение отдала в большие теплые руки акушерки трехкилограммового мальчика. Тетя Роза подняла правой рукой красного

сморщенного человечка за ноги, освободила ему указательным пальцем рот от слизи, хлопнула по попке и, когда он заорал миру о своем присутствии, усмехнулась:

– С почином, мамаша! – и добавила тихому застенчивому интерну Аленушке: – Смотри, Синицына, вполне себе доношенный. Что интересно, троллейбусные мамашы все время крикливых рожают, а трамвайные – сплошь одних молчунов. И еще запоминай: если недоношенный, то семь месяцев всегда лучше, чем восемь!

– Почему, Роза Ибрагимовна?

– Потому Синицына, что у восьмимесячных смертность в два раза выше, чем у семимесячных – статистика!

– Отдайте мне сына! – потребовала Антонина.

* * *

Михаил Сергеевич поздравил Антонину позже всех. Перед этим он выказал оприметчивое желание поговорить по телефону с трижды Героем Социалистического Труда диссидентом Сахаровым, и тому в нижегородскую квартиру полдня тянули телефонный кабель, подключали телефон, проверяли гудки, вежливо инструктировали. Но после задержки со связью и недолгого разговора с отцом русской водородной бомбы, генсек голосом Калмыкова все же объявил по радиоузелу уфимского троллейбусного депо номер два о премировании Павла Васильевича Шишкина и Василия Степановича Загогуйлы десятью процентами от оклада за плодотворный труд в достижении целей, поставленных перед страной партией и правительством.

26 декабря

– Два килограмма, девятьсот тридцать граммов, сорок девять сантиметров! – Аккуратно взяла на руки маленький сверточек Валентина Петровна. – Вот это богатырь!

– Мама, в нашем отделении я самого маленького родила, – попыталась возразить Антонина, но с легкостью согласилась: – Хотя, конечно, – богатырь!

– Ой, весь в Кольку, ну просто вылитый! – нежно приподняла белоснежный уголок свертка Валентина Петровна, – давай его Радиком назовем!

– Мама, но ведь дядя Коля стал приходить к нам на баяне играть, когда я уже школу заканчивала, – удивилась Антонина, хотела удивиться и по поводу Радика, но, заметив блуждающую на лице мамы тихую улыбку, решила, что сейчас не время рыть далекий арктический снег.

– Улыбается! Какая ты Тонька счастливая! – прослезилась Люся и заботливо поинтересовалась: – С отчеством-то уже определилась?

– Нет еще, – задумалась Антонина, сравнивая благозвучность Васильевича и Павловича, – наверное, лучше Михайловича и не найти.

– Хм, – хмыкнул в крепкий кулачок потомственного комбайнера Михаил Сергеевич, хмыкнул слегка смущенно, но в целом одобрительно.

– Какого Михалыча, подруга?! – быстро перебрав в памяти все возможные кандидатуры, вытаращила на Антонину коровьи, с поволокой глаза Люся.

– Да так, – не стала напоминать о своем собеседнике и покровителе Антонина.

– Да выключи ты это радио! – раздраженно бросила Люся, вдруг осознав, что ее соседка по комнате вовсе не так проста, как она ее всем описывала.

31 декабря

«Загубин Радик Михайлович» – аккуратно вписала в свидетельство о рождении Матильда Крамарова. Протянула желтоватую плотную бумагу Антонине и, поправив тяжелые очки на носике-пипочке, равнодушно сказала:

– Училась я в третьей школе на Пушкина с углубленным английским с одной Загубиной.

«Мотя!» – хотела радостно вскрикнуть Антонина, но Матильда монотонно продолжила:

– Все время у меня домашние задания списывала.

«Ничего я не списывала! – решила не радоваться встрече Антонина. – И немецкий у нас в Иглино был мельче Шугуровки, кроме ауфидерзейна с хенде хохом ничего в голове не осталось». И зачем-то стала объяснять:

– Мы долго думали и решили назвать мальчика в честь...

– Да мне все равно, я после Нового года уезжаю из этой страны, – монотонно сказала Матильда, с ненавистью закрашивая черным фломастером фотографию Лёвки Иванова, который до дома проводил, по телефону позвонил, на подпольный концерт группы «Дуст» сводить обещал и так подло не расстроился ее отъезду.

– Зачем? – удивилась Антонина.

Матильда еще раз поправила тяжелые очки на носу-пипочке, с усмешкой взглянула на молодую мамашу и вдруг звонко резанула:

– Чтобы черную икру на бутерброд мазать и за ливерной колбасой в очереди не стоять, чтобы в собственном бассейне, а не в хлорке «Буревестника» по утрам плавать, чтобы вместо троллейбуса в роллс-ройсе на работу ездить, чтобы не за стоматолога Иванова, а за Тоту Кутунью замуж выйти! Не задерживайте очередь, гражданин!

Антонина испуганно обернулась: за ней стояла только ее мама, Валентина Петровна. Хотела добавить, что за Тоту Кутунью в СССР все разумные девушки хотят, но на столе Матильды зазвонил телефон. Матильда подняла трубку, и Антонина услышала, как Михаил Сергеевич им обоим пообещал: «Погодите, уважаемые одноклассницы, пройдет каких-нибудь совсем ничего, и настанет продуктивное и промтоварное изобилие светлого будущего с человеческим лицом! С совсем нетрудным для широких масс образованием, с легально оплачиваемым для всех слоев здравоохранением, без мерзкого уголовного преследования тунеядства и мужеложства, с такими доступными кредитами и ипотеками под имущество предыдущих и будущих поколений!»

– Кстати, не спеть ли нам гимн по этому поводу? – предложил Генеральный секретарь уже из сетевого радиоприемника, висевшего над головой Крамаровой.

И вся страна от немецкого Калининграда до чукотского поселка Уэлен, от почти ничейной Земли Франца-Иосифа до туркменского городка Кушка из всех радиоприемников и репродукторов во всю свою могучую социалистическую грудь запела гимн Советского Союза.

(Продолжение читайте в ближайших номерах)

Белая слониха на шахматной доске

Стихи

* * *

Обрастаю я щетиной,
Брей, не брей.
И холодный ветер в спину
Всех Ябрей.
Не согреют сединою
Абрь и Варь.
Воцарится над страной
Месяц Враль.
Только верю, что разбудит
Птицы трель.
Верят в Ай извечно люди,
В Арт и Прель.
И тогда до малой части
Сердца пусть
Юль и Юнь нам дарят счастье,
Веру – Густ...
А потом – опять щетина,
Брей, не брей...
И холодный ветер в спину
От Ябрей....

* * *

С.К.

Сегодня не будет ночи.
Я в это наивно верю.
Всему поставлена точка
Закрытой за мною дверью.
Смотрю без усмешки в небо:
Сегодня погаснут звёзды.
А был я, или я не был –
Все смоят мои же слёзы.

Дмитрий Борисович Масленников (ДБ) родился в 1969 г. в Елабуге ТатАССР, окончил СШ № 1 в г. Магадане и филфак БГПИ. Автор пяти поэтических сборников, руководитель ЛИТО «Тысячелистник», кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, ученый секретарь ученого совета БГПУ им. М. Акмуллы. Член Союза писателей РБ. Лауреат журнала «Бельские просторы» (2011).

.....
мозг
.....

Отчаянье в горле комом.
Зачем я живу – не знаю:
Я глупый, бездарный клоун,
Который на фото – с краю.
Плевать! Заметет всё снегом...
И тысяча
многоточий

.....
.....
Смотрю без усмешки в небо:
Сегодня не будет ночи...

* * *

Сегодня я, утра не дожидаясь,
За полчаса до зябкого рассвета
Уйду туда, где снег спокойно тает
Под южным ветром...
Не опасаясь россыпей простуды,
Изобличён, изоблачен, исхлѣстан,
Я простою каких-то две минуты
На перекрёстке.
Потом – покой... Посеребрятся тени,
И сам я талой вывездью опудрен,
Когда назло вчерашним сновиденьям
Увижу утро...

* * *

Глаза, разверзшиеся в жизнь.
С утра и жизнь сама – не в жилу..
Зима решила пошутить,
И первого апреля запуржило...

* * *

Я различаю то, чего раньше различить не мог,
Вот, например, одно откровенье вчерашнее:
В слове «демонстрация» есть одновременно и демон, и монстр,
И еще что-то странное и очень-очень-очень страшное.....

* * *

Пан-монголизм... Хоть имя дико, но мне ласкает...

Россия – сфинкс... Ликуя и скорбя, и обливаясь...

А.Б.

Я ненавижу пан-славянство...
Любя, и горбя, и гробя,
Неумолимое пространство
Нас извергало из себя,
Как выпитое ночью зелье...
Хрустели сладостно мослы,
И на развалинах Козельска
Я видел надпись: «Все – козлы!»
Но небо наклонялось ближе,
Струя закатное вино,
И с Китежем надежда выжить
Неумолимо шла на дно...
Раззор на площадях торговых,
Рязанский кремль опять сожжён...
И симпатичные монголы
На наготе славянских жён...

* * *

Разве можно написать что-нибудь путное,
Когда всё время навеселе?..
Я знаю, счастье исчисляется минутами,
Которые тают, как сосульки в тепле.
И когда, пытаясь остановить его,
Я споткнулся губами о губы твои,
Это было сделано по наитию,
Это был приступ Вселенской Любви...

* * *

Нет, я никого не зову за собой,
Я так же, как все, слеп...
Любить – это, муку смешав с мукой,
Лепить из этого хлеб...

* * *

*У неё была точеная фигурка, но она была
лишь белой слонихой на шахматной доске...*

Д.Б.

Если не вином, то сладеньким чаем
Мне казался хлорированный водопроводный сироп,
Когда ошёптывая, поцелуями молчала,
Я твои губы укутывал в одеяло из слов...
И когда, заходясь в эпилептическом припадке,
Я упал на колени – слова пеной у рта...
Ты сказала: «Знаешь, чай твой несладкий...
Мне кажется, это просто... водопроводная вода...»

* * *

А ты – моё божество, ты – моя королева...
Но возвращает в реальность окна открытогоутренний птичий гвалт...
И я выхожу во двор... и на меня медленно падает небо.
Я для тебя дождевой его на ладонь поймал...

* * *

Ещё утром я понял, что приходит пора
Поднимать паруса и отправляться в неведомое, туда, где ты...
Но для того, чтобы построить летучий корабль,
Надо научиться не бояться ни воздуха, ни тебя, ни огненной воды...

* * *

Никому меня не перепить,
Только трезвому...
В стакане – дольки Луны,
Тонко порезанные...

* * *

Хлеба чёрного корку я натру чесноком.
И крупной соли щепотку, как велось испокон...
Да под такую закуску всё – живая вода...
Материться по-русски – это классика... Да...

* * *

Как живешь, как дышишь – так и пиши.
И в хрестоматии по местной литературе
Напечатают: «Вот и ДБ здесь когда-то жил
И от этого, что не удивительно, умер...»

* * *

О, как же вечны замки из песка,
Построенные детскими руками.
А вечность? Вечность разрушает камень,
Но пощадит берёзку из леса.
И канет время сахарным песком
Или песком удушливой Сахары,
Шеломом Дону черпнут комиссары
И я, непохудевшим дураком...
О, как хрупки соцветия цветка
Июля, половинящего лето.
Мою судьбу решают два билета:
Один – в трамвай, другой – на ЦСКА.
И так вся жизнь – пометой на полях
Забывшей ученической тетради...
И, Бога ради! Следует ли тратить
Огонь души на мясо на углях?
Вот по стеклу – дрожаньем амальгама.
Пусть всё не так, но мы переживем...
И если день закончится дождём,
То, значит, обо мне всплакнула мама...

Бои местного значения

Повесть

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемая вниманию читателя книга – запоздалый дебют автора в качестве сочинителя некоего подобия литературного произведения, жанр которого определить точно затрудняюсь. Писать по жизни приходилось немало – статьи для газет и журналов, всякого рода справки и аналитические записки, тексты лекций, выступлений, методические пособия и даже книги – научно-популярное изложение своей диссертации. Но на такую серьезную вещь замахнулся впервые.

В основу сюжетной линии положены эпизоды, пережитые за годы службы в органах госбезопасности. В рядах серьезной организации с грозным названием КГБ трудились обыкновенные парни, которым ничто земное не было чуждо. Могли и пошутить, и разыграть, за что иногда получали нагоняй от своих суровых руководителей. Как раз такие случаи и стали основой повествования. Но это не мемуары. Все имена и факты вымышлены, возможные совпадения случайны. И так, действие происходит в некоем городе одного из субъектов Союза, позже – Российской Федерации...

ПРОЛОГ

Одноэтажный особняк, расположенный в тихом дворе центрального квартала провинциального города, внешне напоминал небольшой детский садик. Но прохожие, обращающие внимание на решетчатые окна, железную дверь с кодовым замком, отсутствие детишек во дворе, понимали, что здесь находится какое-то необычное учреждение. Тем, кто соизволил прочесть незаметную вывеску на бетонном заборе возле калитки, становилось ясно, что в этом заведении трудятся бойцы невидимого фронта – сотрудники местного подразделения КГБ.

Город республиканского подчинения славился тишиной и спокойствием, относительно благополучной криминогенной обстановкой. Основной костяк его жителей составляли рабочие, численность которых регулярно пополнялась за счет притока из окрестных сел и деревень. Интеллигенция в лице преподавателей школ, ПТУ, техникума и филиала одного из столичных вузов составляла местную элиту. Гордостью города был национальный театр, который вносил заметный вклад в культурную жизнь города и округи.

Рифмир Рахматуллович Мардамшин родился в 1954 г., окончил исторический факультет Башкирского государственного университета. Подполковник запаса, кандидат исторических наук, директор Октябрьского коммунально-строительного техникума.

Некий колорит размеренному ритму жизни городка добавляли редкие экземпляры из числа молодежи – жалкие подражатели западных панков и рокеров. Любители поп- и рок-музыки втихаря фарцевали фирменными пластинками, джинсами и прочей атрибутикой «загнивающего Запада». На танцах, которые с недавних пор стали называть дискотеками, иногда случались драки, но сотрудники милиции и дружинники быстро наводили порядок. Негативные, антисоветские явления пресекались мощным пропагандистско-воспитательным аппаратом партии и комсомола, с подключением общественности и ветеранов.

Единственное, что омрачало местного обывателя, – за чертой города находилось исправительное учреждение, где отбывали наказание осужденные из разных уголков необъятной Родины. Строгий режим изоляции от внешнего мира исключал возможность контактов с этим контингентом. Но иногда ходили слухи, что якобы сбежал опасный рецидивист, потому их «источники» по секрету советовали без надобности по ночам на улицах не появляться, всякое, мол, может случиться.

Важных объектов с государственными и прочими секретами здесь и близко не лежало. Словом, шпионам и контре прочих мастей в городе делать было нечего. О так называемых диссидентах жители знали лишь по газетам и телевизионным новостям. Соответственно и будни сотрудников местного городского отдела КГБ проходили размеренно, без всплесков, что порой у некоторых порождало сомнение в целесообразности их присутствия в забытом богом городе. В штатах подразделения постоянно имелись вакантные должности. Набравших определенный опыт оперативников то и дело перекидывали в другие подразделения комитета.

Но неожиданно их жизнь заметно оживилась. В высоких инстанциях было принято решение построить в городе совместно с иностранной фирмой комбинат по производству минеральных удобрений. Предполагалось привлечение специалистов из самой настоящей капиталистической державы – Франции.

Местные контрразведчики начали готовиться к встрече с вероятным противником заблаговременно. Столичное руководство потребовало составления всякого рода планов, настраивая на серьезную работу по поиску и разоблачению лиц, возможно связанных с западными спецслужбами. Все были уверены, что таковые среди гостей обязательно будут. Предстояло также принять меры по ограждению соотечественников, в первую очередь молодежь, от тлетворного буржуазного влияния. Чекисты заранее потирали руки от предвкушения живой работы, возможных наград и поощрений.

Но надежды не оправдались. Энтузиазм постепенно начал затухать, когда выяснилось, что так называемых иноспециалистов прибыло совсем мало. К тому же постоянно проходила их ротация. Одни, быстро закончив свое дело, уезжали, их сменяли другие. Вели они себя тихо, усердно работали и абсолютно не занимались «разведывательно-подрывной деятельностью». Контакты с советскими гражданами были сугубо деловые. Исключение составляли лишь некоторые местные красавицы, которые, как ночные бабочки, стали порхать вокруг подъезда дома, где поселили французов. Готовые поменять невинность на любую иностранную безделушку, девушки, тем не менее, мечтали о возвышенном – выскочить замуж и уехать со своим принцем куда-нибудь под Париж.

САНЫЧ И ЕГО КОМАНДА

Каждый день, около восьми утра, к зданию городского отдела КГБ не спеша подходил мужчина. Этот среднего роста, плотного телосложения неприметный человек

с короткой стрижкой возглавлял местное подразделение контрразведки. Величали главного чекиста города Вадимом Ахсановичем Касимовым. На службу он ходил пешком, благо дом, где проживал, располагался совсем недалеко. Только в исключительных случаях вызывал служебную машину к подъезду. К тому же имеющийся автотранспорт в последнее время находился в состоянии перманентного ремонта. Как правило, по пути обдумывал планы на предстоящий рабочий день, прокручивал какие-то комбинации контрразведывательного характера.

Саньч, как к нему обращались немногочисленные подчиненные, а также близкие и знакомые, возглавил городской отдел КГБ недавно. На руководящую должность его выдвинули с учетом заслуг перед Родиной. Среди коллег он был одним из немногих, кто прошел Афганистан. Получил очередное воинское звание – подполковник. Никаких амбициозных планов уже не строил, рассчитывая именно здесь завершить службу и выйти на заслуженный отдых. Как-никак за плечами около двадцати лет, отданных службе Отечеству. До этого его изрядно помотало по стране: вначале с отцом – кадровым военным, затем уже со своей семьей сменил несколько мест жительства.

Все отмечали его спокойный нрав, скромность. Несмотря на солидную по местным масштабам должность, своим служебным положением не злоупотреблял, с подчиненными обращался тактично, голос не повышал, к ненормативной лексике прибегал редко. Спиртным особо не увлекался, лишь изредка позволял себе основательно принять на грудь – сказывались нервные последствия борьбы с моджахедами в тяжелых климатических условиях Афгана. Какой-нибудь пережитый им стресс требовал периодической разрядки, в таких случаях подвергнувшемуся под руку собеседнику приходилось выслушивать его афганские байки и в обязательном порядке – рассказ о том, как купался в каких-то горячих минеральных источниках Кандагара, после чего беспробудно проспал двое суток подряд.

...Набрав нужный код в бесхитростном дверном замке, Саньч вошел в отдел.

– Здравия желаю, товарищ начальник! Происшествий не случилось, – отрапортовал ему у входа в отдел вахтер Михаил Петрович – бывший военный, обосновавшийся здесь после долгих лет скитаний по гарнизонам, недавно переквалифицировавшийся в «ночного блюстителя порядка».

– Доброе утро, доброе, Михаил Петрович! Как ваше драгоценное?

Последовало традиционное короткое обсуждение последних новостей в стране и в мире, как правило, плавно переходящее на садово-огородную тему. Петрович привычно получил разрешение уйти домой пораньше. Ему по графику полагалось быть на посту до девяти утра, и этот лишний час, впрочем, как и каждому из его коллег по вахте, был приятным подарком.

– Отдыхайте, до прихода ребят буду здесь.

«Ночной дозор», собрав свои пожитки, быстренько удалился, словно опасаясь, что начальник может передумать.

Доложив по оперсвязи обстановку дежурному по комитету, Саньч открыл свой сейф, произведенный, судя по узорчатым вензелям, еще во времена царя-батюшки. Сей антиквариат уже многие десятилетия хранил важные секреты. Тем, кто впервые посещал его кабинет, Саньч обязательно демонстрировал этот шедевр, стоявший якобы когда-то в кабинете шефа местной жандармерии.

– Обратите внимание на год выпуска – конец девятнадцатого века! – говорил он своим гостям.

Двери ячеек сейфа закрывались настолько плотно, что слышно было, как выходит прессующийся воздух, а замки были результатом творчества настоящих мастеров своего дела. Весил шкаф, наверное, с полтонны, и, если приходилось делать

в кабинете перестановку, передвинуть его с места на место было непросто. А внешне смотрелся очень даже изящно.

– И в огне не сгорит, и в воде не утонет, – говорил Саныч, и в шутку добавлял: – Не надейтесь, что можно избавиться от содержимого, а там на всех вас досье имеется!

Некоторым от этих слов становилось как-то не по себе.

Ближе к девяти начали подтягиваться подчиненные. Первым прибыл молодой сотрудник Анвар Салахов. Принятый недавно на службу прямым зачислением по так называемому андроповскому набору (до этого он в соседнем районе возглавлял местный комсомол), молодой чекист проходил период становления. Поселили его в ведомственной гостинице, где он должен был обитать до предоставления обещанной квартиры. Ему объяснили, что решение жилищного вопроса ускорится, если он обзаведется семьей. Не имея пока ни знакомых, ни друзей, Салахов не знал, как коротать свободное время. Потому вечерами засиживался на работе, по утрам тоже не ждал девяти. После бурной комсомольской деятельности на новом месте Анвар чувствовал себя не совсем комфортно. Повседневная текучка постепенно разрушала его романтические, сложившиеся по кинофильмам и рассказам о легендарных чекистах представления о службе в таинственных органах безопасности. С тех пор, как сотрудники отдела КГБ стали изучать его в качестве кандидата на службу, он был готов ко всему, но только не к рутинной бумажной работе.

Позже прибыли старший оперуполномоченный отдела Александр Васильевич Крымов и Наталья Васильевна – делопроизводитель. Капитан Крымов, за плечами которого было более десяти лет службы в органах, звезд с неба не хватал. Он уже смирился с тем, что особых перспектив роста у него нет. Давно должен был ходить в старших операх под майорскими погонами, но его постоянно кто-то обходил. Объяснялось это отсутствием особого рвения по службе. Правда, как опытный опер, он умел в нужный момент выдать на-гора необходимые показатели. Предъявлять претензии по работе к нему формально оснований не было, но восторга от его деятельности начальство не испытывало.

В штате отдела у Саныча значились еще два оперработника. Дмитрий Юсупов, которого он считал своей опорой и делал ставку как на возможного преемника, находился в длительной командировке. В далеком Узбекистане в составе бригады КГБ СССР боролся с «перегибами на местах» и буквально на днях должен был вернуться. Саныч ждал его как из печки пирога. Без него нагрузка на сотрудников, естественно, увеличилась. Начальнику тоже приходилось заниматься больше оперативной работой, чем управленческими делами. Вторая вакантная должность должна была заполниться по завершении учебы на Высших курсах КГБ курсанта Малика Искужина. Саныч мечтал о том дне, когда он будет командовать полноценным отделом и решать вопросы, не выходя из своего кабинета.

– У кого на отправку есть документы, прошу не задерживать! – звонко проголосила Наталья Васильевна. Приветствуя вышедшего из своего кабинета начальника, она поинтересовалась, кто будет сегодня ее сопровождать до почтового отделения, ибо по инструкции ей запрещалось одной пешком следовать по улицам города с секретными документами. Служебная машина вторую неделю стояла на очередном ремонте, и это напомнило Санычу, что опять предстоит искать какую-то запасную часть. Водитель Расих в последние дни постоянно стоял над душой с просьбами достать то одно, то другое.

– Сейчас решим, Наташенька, машина наша все еще на приколе. Так что и сегодня вам предстоит прогулка в сопровождении кавалера из отдела. Так сказать, подышите свежим городским воздухом.

– Да уж, свежее не бывает, – пробурчала Васильевна, имея в виду очередной ночной выброс отравляющих веществ одного из местных предприятий. – Когда

только начнете заниматься этими душегубами. Отвлечитесь вы от своих шпионов, повернитесь лицом к природе-матушке, толку от вас будет больше! – с присущей ей прямою выпалила она.

Возразить было нечего.

Тем временем из кабинетов стали раздаваться звуки открывающихся дверей сейфов, затренькали телефонные аппараты. Начиная очередной рабочий день отдела.

«Ну, процесс пошел», – подумал про себя Саныч и направился в гараж с маленькой надеждой, что там его ждет отремонтированный «уазик», готовый вести хоть на край света. Но, к великому огорчению, его ждала знакомая картина: из-под капота торчит задняя часть тела Расиха и раздается привычный свист на мотив одной из любимых песен.

– Практически мы на ходу, – бодро доложил он, заметив Саныча. – Если достанете новый бензонасос, цены вам не будет: уже сегодня сможем поехать куда угодно!

Далее последовал изрядно надоевший за последний год монолог о том, что колымагу пора менять.

– В конце-то концов, когда мы, как белые люди, будем кататься на приличной машине?

– Да прекрати ты наступать на больную мозоль, – пробурчал Саныч. Ему давно уже изрядно надоело ходить по местным предприятиям, выпрашивая то одно, то другое.

Обойдя вокруг машины, попинал колеса и пробормотал:

– Ну что ж, придется снова пообщаться за рюмкой чая с директором какого-нибудь автохозяйства. Все здоровье кончаешь, пожалуй, из-за этой развалюхи.

Вопросы по техобслуживанию служебной машины, элементарному материальному обеспечению приходилось решать на месте. Хозяйственники из центра были скупы на помощь.

– Ладно, потерпи немного. Недавно эту тему снова обговорил с руководством, обещали «Волгу» зампреда нам передать, она практически новая.

Саныч представил, как поднимется его престиж в среде городской номенклатуры, когда начнет разъезжать на такой солидной тачке. Расих же размышлял о том, как будет катать в сторону леса своих красавиц бальзаковского возраста – несмотря на солидный возраст, амурные дела частенько отвлекали его от семейных проблем, что как-то даже стало предметом обсуждения на партсобрании – жена пожаловалась. Поставили на вид, отметив (без внесения в протокол), что за столько лет работы в конторе мог бы у оперов набраться навыков конспирации.

Время до обеда всегда пролетает быстро. После традиционного чаепития Саныч ознакомился с поступившей корреспонденцией, завизировал ее и попросил Васильевну раздать адресатам.

– А это письмо я сам вручу Крымову, пусть заглянет ко мне, надо обсудить.

Через пару минут Крымов появился в кабинете шефа.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ

– Александр Васильевич, серьезный запрос от коллег из Белоруссии. Разрабатывают одного фашистского пособника. Во времена Отечественной сотрудничал с оккупантами. В показаниях свидетелей по делу проходит некто Улемаев, проживающий ныне на обслуживаемой тобой территории. Якобы вместе служили в карательных органах. Просят установить и опросить, если еще жив. Так что придется срочно съездить. Под контролем руководства дело, требуют ответить в крат-

чайший срок. В фильтрационных списках наш подопечный не значится, неужели сумел перехитрить «Смерш»?

Крымов спросил:

– А на Расиха можно рассчитывать?

– Скорее всего, придется тебе ехать автобусом, так что оформляй командировочные, проезд оплатим.

Крымов огорчился. Как раз на завтра им были запланированы кое-какие строительные работы на садовом участке, уже договорился насчет техники. Да и перспектива трястись по ухабам в автобусе была совсем непривлекательной. Надо бы поискать попутку приличную. Конечно, у него была своя личная автомашина – доставшийся от отца «Москвич-401», музейный, можно сказать, экспонат. На нем он временами гордо развезжал по городу, если при этом ещё был и в военной форме и забывал снять фуражку, прохожие находили сходство со Штирлицем из «Семнадцати мгновений весны». На такое дальнее расстояние, да по таким дорогам, ехать на ней было рискованно.

Еще раз внимательно изучил содержание запроса и набрал номер телефона начальника районной милиции Гаскарова:

– Слушай, дружище, это я – Крымов. Давно не общались, есть повод встретиться.

После обмена мнениями о житие-бытие, Саша приступил к изложению сути дела:

– Попроси участкового, пусть послезавтра доставит твоего нелегала в отдел, там и побеседуем. Неохота мне в эту дыру ехать из-за старика-бендеровца, устроит еще там засаду, вспомнив молодость. Записывай фамилию...

«Вот и славно, – подумал он, положив трубку на место и потирая руки. – С утра спокойно займусь своими делами, а выеду ближе к вечеру. Гаскаров встретит на высоком уровне, нет сомнений, тем более, давно не бывал в его епархии. А допрос с пристрастием пособника оккупантов отложим на следующий день».

С утра Крымов успешно решил свои строительные дела, а после обеда со спокойной душой отправился рейсовым автобусом в райцентр. После утомительной дороги встреча с Гаскаровым была особенно приятной. Шашлычок, банька, пиво, водка, сигареты – все по полной программе...

Утром следующего дня настроение было тоже неплохое, не считая небольшой тяжести в голове. Ее быстро сняли в кабинете начальника милиции стопочкой. Но вскоре последовала головная боль иного характера. Явился участковый, которому была поставлена задача обеспечения явки Улемаева. По выражению его лица можно было догадаться, что произошло что-то неординарное.

– Товарищ подполковник, – начал он растерянным голосом, – не смог я выполнить ваше задание – доставить Улемаева.

– В чем дело? – тихо спросил настороженный Гаскаров.

– Дело в том... одним словом, он повесился...

– Вот ни черта себе! – воскликнули в унисон Крымов и Гаскаров, подпрыгнув на стульях.

– Пришел я, значит, вчера к нему домой, – продолжил лейтенант, – говорю: «Собирайся, завтра в райцентр поедem, тебя КГБ ищет». Он явно растерялся, попросил время собрать вещи. Я ему: «Не надо, с тобой хотят лишь поговорить». Рано утром, как договорились, заезжаю за ним. Дверь в дом открыта, а там пусто, никого нет. Решил поискать его в сарае, может, думаю, хозяйством занимается. Заглянул, а там... висит, одним словом.

Первым пришел в себя Крымов.

– Точно, паразит, предателем был и жил все это время в страхе от разоблачения. А вы, молодой человек, выходит, покарали его, так сказать, воздали по заслугам. Но мог

бы промолчать про КГБ-то! А вы, товарищ начальник, почему не проинструктировали подробно теперь уже вечного лейтенанта, если он язык за зубами не умеет держать?

Расстроенный участковый направился к выходу, понуро склонив голову, словно его отправили встать в угол.

– Стой, а кто хоронить-то его будет, дети у него есть? – поинтересовался Гаскаров.

– Жил он один. Но вроде сын у него есть, кстати, где-то в вашем городе проживает, – сказал участковый, направив взгляд на Крымова.

– Ну ладно, дорогой хозяин, поехал я домой, делать мне здесь больше нечего. Остальных контриков сами добивайте. Не забывайте, вы ведь тоже внуки Феликса Эдмундовича, – сказал Крымов, показывая рукой на висящий в кабинете начальника портрет. – Единственная просьба: повели выслать по почте копию свидетельства о смерти бабая!

* * *

– Ты что сдурел, поручил такое дело милиции?!

Саньч, выслушав доклад Крымова, расстроился. После небольшой тяжелой паузы с ехидством продолжил:

– Почему уж тогда не остался на похороны? Наверняка понаедут проститься коллеги-ветераны по карательному корпусу, пообщался бы хоть с ними!

– Ну поехал бы к нему я сам, где гарантия, что он не умер бы от разрыва сердца прямо на моих руках? – тихо попытался возразить Крымов. – Потом бы нас же и обвинили, что КГБ без суда и следствия...

– А что, нельзя было попросить вызвать его под благовидным предлогом в военкомат, в сельсовет, наконец? – перебил его Касимов. – Я-то думал, тебя уж таким мелочам учить не надо. Как будем отвечать белорусам?

– Подсказали бы, на самом деле, заранее, может, так и сделал. Задним умом все мы хороши.

– Особенно ты, – уточнил Саньч.

– А ответ у меня уже готов, – произнес, смеясь, Крымов и положил на стол начальника свою рабочую тетрадь.

«В связи со смертью запрашиваемого вами Улемаева, опросить его не представляется возможным. По свидетельству окружающих, о своих фронтовых годах не рассказывал, был замкнут», – прочитал Саньч каракули Крымова и, ворча, завизировал текст.

– Слушай, пока тебе особо делать нечего, не считая, конечно, стройки века на садовом участке, займись-ка нашим молодым сотрудником – Анваром. Уже скоро месяц на службе, а все штаны протирает в кабинете. Нормативную базу, литературу проштудировал – сам держал под контролем. Пора его выводить на оперативный простор. Поделись-ка с ним своим богатым опытом, товарищ капитан.

– Как это делать нечего?! На мне висят все объекты Димы, а там иностранцы, как-никак. На сегодняшний день самый ответственный участок, – попытался возразить Крымов.

– Пока не заметно, что на последнем издыхании трудишься. Ладно, иди, займись делом. И знай, заработал очередной минус. Об этом случае с Улемаевым я, конечно, промолчу, но предел терпения у меня тоже имеется.

«До возвращения Димы осталось не так уж долго, – размышлял Саньч, оставшись один. – Как только вернется, сразу возьму отпуск, не отдыхал уже больше года».

НАСТАВНИК

– Слушай сюда внимательно, – обратился к Анвару Крымов, заходя в его кабинет. – Хватит тебе штаны здесь протирать, когда все прогрессивные силы борются с происками империализма. Сидишь тут, понимаешь, бездельничаешь. С сего дня будешь под моим чутким руководством работать. Шеф наставником твоим назначил, понял? Ты бывал за границей? Тут в Финляндию собрались люди, случай серьезный. Наша задача – за кордон выпускать только благонадежных людей, и каждый второй из них должен быть нашим человеком, понятно? Ближе к делу. Вот тебе десять анкет. Для начала внимательно изучи саму анкету, потом человека, возможно уже упаковывающего чемодан в приятный вояж. За каждого должны поручиться и дать гарантию, что не подведут страну, как минимум, двое. В свою очередь, они сами должны быть надежными товарищами, желателен партийными. Вот у них и спросишь, стоит ли выпускать того или иного за кордон. Имей в виду, если, не дай бог, кто-нибудь останется там, скандал будет, врагу не пожелаешь. Срок исполнения – сегодня.

Полистав анкеты, Анвар высказал сомнение в реальности исполнения в столь короткий срок такого ответственного поручения. Чтобы встретиться и побеседовать с таким количеством людей, требуется несколько суток.

– А где твоя оперативная смекалка, комсомольская закалка? Зачем тебе поставили на стол телефонный аппарат? Смотри со стороны и учись, как это делается, – сказал Крымов, набирая номер телефона отдела кадров одного из предприятий города.

– Алло, это капитан госбезопасности Крымов. У вас работает Иван Иванович Соломин?

– Да, работает, – последовал ответ со стороны абонента.

– Прекрасно, как он там у вас, на хорошем счету?

– На хорошем.

– Отлично, – продолжил Крымов, закуривая папиросу. – Как он, морально выдержан, политически подкован?

– Да, член профкома завода.

– О, это очень важно, профсоюзы – школа коммунизма. Значит, можно его выпустить за границу и не переживать за последствия?

– Думаю, что можно.

– Вот и славно, с кем это я говорил?

– С Иваном Ивановичем Соломиным, заместителем начальника отдела кадров...

Крымов приоткрыл рот, недокуренная папироса упала на пол. Придя быстренько в себя, произнес как ни в чем не бывало:

– Однако, товарищ, от скромности вы не умрете. Ладно, в Суоми, так уж и быть, поедете, но с одним условием: по возвращении лично мне расскажете, как там вели себя остальные наши сознательные граждане. Вопросы есть?

– Вопросов в принципе нет, – раздалось из трубки, – но до сегодняшнего дня со мной контактировал ваш коллега Дмитрий Николаевич, потому я бы хотел встретиться с ним лично.

– Я вам докладываю, что пока его нет, так что лично со мной будете иметь дело. Чтобы снять сомнения и ответить на ваши вопросы, приглашаю завтра в отдел. Конец связи, – буркнул в трубку раздраженный Крымов.

Поднимая с пола окурки, Крымов пробурчал, что кабинет у Анвара совершенно не оборудован.

– Слушай, к тебе будут приходиться люди, некоторые курящие, еще больше – пьющие. Здесь должна быть пепельница, а где-то в закромах вот этого книжного шкафа – бутылочка с парой рюмок. Итак, считай, что первый урок по профессиональной подготовке ты уже получил, причем бесплатно. Завтра утром жду доклад о результатах по остальным выезжающим. За работу, время пошло!

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

За окном стояла ясная весенняя погода. В лучах солнца ослепительно блеснул снег, во дворе щебетали птички, принимая на появившихся лужах водные процедуры. В кабинете Крымова царил тишина. Когда Анвар заглянул к нему с очередным вопросом, тот листал толстые иностранные журналы. Это была периодика, получаемая французами из родных краев, которую они после чтения выбрасывали. Следуя инструктажу, уборщица их подбирала и добросовестно передавала Крымову. Анвар также углубился в созерцание «Пари матч».

– Представь себе, – заметил Крымов, – если эта зараза окажется в руках нашей неустойчивой молодежи, мигом и французский выучат, и в посольство побегут. Будут проситься к ним на постоянное жительство. Смотри, какие рекламы, так и хочется закурить «Мальборо» и выпить «Баккарди». А машины-то какие! – успел сказать Крымов перед тем, как в кабинет ворвался вернувшийся из горкома партии Саныч.

– Чем вы тут занимаетесь, бездельники, контру читаете? Живо ко мне, совещание буду проводить, – строго произнес он, расстегивая пальто...

Саныч нервно побарабанил по своему рабочему столу и с нотками волнения в голосе сообщил, что из города аж в ЦК партии направлено анонимное письмо враждебного характера, содержащее угрозы физической расправы кое с кем.

– В том числе в адрес самого, – многозначительно указав пальцем в сторону горкома партии, начальник замолк. Затем, после короткой паузы, добавил, что только что поставил об этом в известность начальника пятого отдела. Там по линии обкома уже получили оригинал. Через день-другой из Центра прибудет оперативно-розыскная группа во главе с заместителем начальника отдела Малаховым.

– Считайте, на наши головушки упала большая беда. По своему опыту знаю – пока не найдем автора, не слезут. На всякий случай быстренько приведите в порядок свои дела. Малахов любит копошиться в бумагах. Кстати, справка об оперативной обстановке по пятой линии устарела, надо ее обновить. Почитаешь – у нас все хорошо, тишь да благодать, все любят партию и Советскую власть, – добавил Саныч, трясая литерное дело. – А народ волнуется.

– А кто справку-то составлял? – острый на язык Крымов часто сначала говорил, потом думал.

– Это уже не столь важно, – ответил Саныч, умолчав о том, что последний вариант был написан им самим.

– Так, Анвар, у тебя бумажных дел пока мало, вот и займись.

Весь остаток рабочего дня Анвар корпел над документом. Изучая литерное дело, он узнал много интересного. В нем довольно объективно была отражена окружающая действительность. Справку он слегка обновил, но план дальнейших мероприятий рождался с трудом. Застряв на первых же строках, в поисках свежих мыслей снова отправился к Крымову. Тот тоже сидел, обложившись бумагами, и вносил какие-то записи в свои пухлые дела.

– Комар носа не подточит! – заявил он вошедшему Анвару. – Ну, мон ами, как у тебя дела?

В лексиконе Крымова в период работы с иностранцами стали появляться иностранные словечки.

– Я слышу, чтение французских журналов явно идет вам на пользу. Скоро, значит, будем свободно говорить на языке Буонапарте. «Французский бы выучил только за то, что им разговаривал...»

– Ты что в такое напряженное время занимаешься пустословием? Чаво явился? – прервал его Васильич.

– Подсобите, пожалуйста, своему подопечному довести до ума планчик, – сказал тот, почесывая затылок.

Взглянув на практически не начатый проект, Крымов вальяжно раскинулся в своем старом скрипучем кресле. Из-под расстегнутого пиджака вывалился бугорочек живота.

– Да-а-а, жидковато, однако. Где находится ближайший гастроном, знаешь? Как говорит в таких случаях один наш остряк из центрального аппарата: с тебя стакан вина и ведро пельменей! Ладно, бери ручку, диктую.

Закурив папиросу, Крымов устремил свой взгляд в потолок, выпустил изо рта дым кольцами и произнес:

– Поставь это первым пунктом: «Направить усилия оперсостава, агентурного аппарата и доверенных лиц на противодействие идеологической диверсии противника». Ответственным назначь Саньча, срок – постоянно.

Анвар усердно начал записывать, но вскоре остановился и возразил:

– Так это что-то наподобие наших комсомольских планов: «Улучшить политико-воспитательную работу среди молодежи». Нет конкретики.

– Ах, тебе, молодой человек, конкретика нужна?! Ну, хорошо, записывай: «В целях предотвращения нежелательного контакта с академиком Сахаровым принять исчерпывающие меры по предотвращению выезда в город Горький объекта оперативного наблюдения – «Н».

– А что это за объект «Н»?

– Да, есть у нас один такой тип. Тебе, кстати, придется понаблюдать за ним. Один раз уже попытался к академику прорваться. Наслушался вражеских голосов, «контру ФРГ», вот и поехала крыша. Временами совсем стал терять рассудок, поехал в Нижний (так он раньше назывался). Естественно, наши там его задержали возле дома, где живет ссыльный, опросили и отправили домой.

Неожиданно Крымов ударился в воспоминания.

– Сижу я как-то в кабинете, – продолжил он после небольшой паузы, – в отделе тогда один остался. Не знаю, где были братья по оружию, то ли на выезде по делам, то ли на конспиративном отдыхе. Так вот, сижу себе, никому не мешаю, а главное, никто мне не мешает. Хорошо так, тишина. И тут звонок по оперсвязи. Дежурный говорит: «Прими груз драгоценный, очередным рейсом летит к тебе такой-то, встречай и нейтрализуй». Одним словом, передают этапом нашего доморощенного диссидента, про которого мы знать не знали. Пока самолет был в воздухе, я установил адрес его матери, встретился с ней. Та рассказала, что у сына на самом деле не совсем в порядке с психикой, на учете в диспансере состоит. В аэропорту вычислил его в толпе прилетевших, представился, пригласил пройти к машине. Лет под тридцать молодцу, на вид такой спокойный, ничем не выделяется из остальной массы. И разговаривает нормально. Ну, думаю, что с ним делать? Взял да и отвез прямиком в нашу психбольницу... До сих пор каюсь. Костя (так его

зовут) просил, бедолага, дать возможность заглянуть домой, помыться, привести себя в порядок после дороги. А я не пошел ему навстречу. Испугался, подумал, убежит еще. До сих пор на душе кошки скребут, что я с ним так сурово обошелся. Как после этого не скажут наши враги, что КГБ народ по психушкам прячет. Выпустили его, правда, оттуда быстро, обнаружив туберкулез. Не жилец, одним словом...

Помолчав немного, Крымов оторвал взгляд от окна, его внимание снова сосредоточилось на подопечном.

– Ну ладно, давай иди к себе, пиши. Завершающий пункт забей, как гвоздь: «Действовать по обстановке, по строго намеченному плану» и много-много восклицательных знаков!

Анвар понял, что надеяться на помощь ветерана ему не стоит. Над документом сам проработал до позднего вечера. Видимо, не зря, ибо следующим утром после небольших правок и некоторых дополнений Саныч отдал его Васильевне отпечатать.

РОЗЫСК

Ближе к вечеру жизнь отдела оживилась. Из Центра самолетом прибыла небольшая группа розыскников. После чаепития все собрались в кабинете начальника. Руководитель бригады Малахов в начале своего выступления кратко охарактеризовал международную обстановку, рассказал о непростой ситуации в стране, об активизации подрывной деятельности спецслужб противника.

Отметив, что партия и правительство оказывают органам КГБ большую поддержку, уделяют им огромное внимание, гость напомнил, что сегодня от сотрудников требуется соответствующее отношение к порученному им делу.

– А на вас, товарищи, – продолжил Малахов с пафосом, – возлагается весьма ответственная миссия. Все знают, Саныч, о письме в ЦК?

– Да, вкратце.

– Хорошо. Слушайте внимательно. Перед нами поставлена задача в кратчайший срок установить автора данного анонимного письма. Декларировать громко его гнусное содержание не буду, каждому из вас раздадут фотокопии фрагментов. Но обращаю внимание на то, что автор порочит нашу советскую действительность, угрожает расправой местному руководству, обещает, как он пишет, «начистить морду» первому секретарю, предупреждает, что тот «взлетит в воздух на своем членовозе». Это уже угроза теракта. Но страшнее всего оскорбительные выпады в адрес одного из членов Политбюро. А теперь слово главному розыскнику комитета майору Смолину.

Пожилой майор ознакомил с результатами экспертизы относительно психологического портрета человека, бросившего вызов сильному миру сего. По его мнению, судя по стилистике, это мужчина лет тридцати – сорока, со средним или средним специальным образованием, по характеру скрытный.

– Обратите внимание, какой безобразный почерк. Люди старшего поколения так не пишут. У них, как правило, почерк намного красивее. Впрочем, анонимщик мог его специально исказить, вводя нас в заблуждение. Но это маловероятно.

Раздав чекистам отдела фотокопии анонимки, остановился на характерных особенностях написания отдельных букв. Установилась тишина, все читали послание незнакомца. Автор возмущался пустыми прилавками, бюрократизмом и чванством местного начальства, которое заботится только о себе, жирует, пользуется спецобеспечением и т.д. и т.п.

Тишину нарушила реплика Крымова:

– Да, раньше как-то поинтереснее писали, помню, даже стихами:

Сколько можно терпеть у руля

Старого этого дурака из Днепра?!

– Крымов, утомонись! – прервал его недовольно Саныч и продолжил, – Какие есть предположения, кто мог сочинить этот пасквиль?

– Да любой мужик с бодуна, многие же бурчат на власть! – не успокаивался Крымов.

– Прекратите умничать! – вмешался в разговор Малахов. – Пока не найдем его, о продвижении по службе и не думайте! Образец этого почерка должен лежать у каждого под подушкой, чтобы даже в темноте могли с первого взгляда сличить с оригиналом. Разрешается ознакомить своих надежных помощников, может, они «выстрелят». Только строго предупреждайте всех, чтобы лишнего не болтали. А то поставим весь город на уши, негодяя этого насторожим. Завтра же начинаем физический розыск. Саныч, составьте график посещения предприятий, организаций города. В первую очередь, как сказал Смолин, надо обработать ваши учебные заведения. Там же много умных. Возможно вполне, что кто-то из ваших недорослей сварганил эту чепуху. Итак, опера твои заранее обеспечивают место работы в курируемых заведениях. Собирают как можно больше всякого рода заявлений, объяснительных и прочей ерунды из отделов кадров, профкома. Вопросы есть? Вопросов нет. Тогда за дело.

Настроив личный состав на серьезную работу и убедившись, что «процесс пошел», Малахов на следующий день уехал.

Неделя поисков результатов не дала. Перелопатили огромный массив рукописных документов, надыхавшись вдоволь бумажной пылью. Нашли несколько образцов, вроде бы идентичных тому, что искали. Но Смолин вдохновенным операм регулярно портил настроение, доказывая обратное. Что вызывало раздражение поисковиков и остужало их пыл.

– Ну, согласен, есть сходство – буква «а» и еще некоторые бьют, но остальные-то близко не подходят. Ищи дальше! – опускал он на землю уже витавшего в облаках возбужденного коллегу, примчавшегося с очередным образцом.

В последний день пребывания бригады, в субботу, работали в горторге. В актовый зал Крымов понатаскал кипу папок, раздался привычный шелест бумаг.

– Не торопитесь, будьте внимательны, на каждом просмотренном экземпляре ставьте свою отметку, факсимиле, так сказать, – предупредил Смолин. – Если выяснится, что именно ты по беспечности своей пропустил нужный лист, будет большой минус и общественное презрение. И прошу: болтайте поменьше!

В этот день на самом деле говорили уже не так много. Все анекдоты, последние новости и сплетни были пересказаны. Чувствовалась усталость. Энтузиазм спал, надежда на скорый результат таяла.

Тишину нарушил один из молодых розыскников из Центра, обнаруживший в одной из папок фотографию.

– Слушайте, чья это физиономия, – спросил он у местных. – Похож на солидного чиновника из фильма «Карнавальная ночь». Смотрели? Ну, точно Огурцов.

– А-а, это же шеф горторга, сам товарищ Ахметов, – пояснил Крымов, глядя на фотокарточку. – Мой хороший знакомый. Кстати, через него достается всякий дефицит. Сегодня он должен нас навестить и ужин прощальный организовать.

– Ты все надеешься отправить нас домой? Учти, если уедем с пустыми руками, сами тут будете до победного конца кувыркаться, – напомнил Смолин.

Взгляд Крымова упал на стенд с членами Политбюро. Фотография главного торговца города по размеру совпадала с их портретами. Откуда-то вытащил клей и, немного поразмыслив, аккуратно поместил изображение Ахметова на пустующее место. Портрет вписался весьма гармонично – и все рассмеялись.

Только майор Смолин устало проворчал:

– Ты что делаешь? Аполитично поступаешь, сними немедленно!

Никто не ожидал, что именно в этот момент заявится сам Ахметов.

– Здравствуйте, товарищи! Как идут дела, какая требуется помощь? – спросил он, учтиво пожимая руку каждому.

– Уважаемые коллеги, сам товарищ Ахметов Мирас Салихьянович! Прошу любить и жаловать, – представил его Крымов, а затем, обращаясь к хозяину заведения и тыча пальцем в стенд, ехидно произнес: – Слушай, а мы и не знали, что среди кандидатов в члены Политбюро ЦК партии есть наши люди. Почему ТАСС не сообщил об этом? И почему до сих пор не отметили это дело? – сказал он, показывая указательным пальцем на стенд.

Ахметов не сразу осмыслил увиденное. Через несколько секунд его рот начал медленно приоткрываться, лицо побледнело, затем покрылось красными пятнами. Придя в себя, он произнес:

– Это мои замы под меня копают, гады. Пригрел тут некоторых на свою голову, а они нож в спину. Узнали ведь откуда-то, что вы придете. Клянусь, сам никому не говорил о вашем визите.

– Да не переживай ты, знаешь же, мы умеем молчать, тем более ты наш человек. Успокойся, не под тебя же копаем. Или грешки есть? Сознайся добровольно. Ну ладно, с тебя обед, плавно переходящий в ужин, и чтобы на столе не только закуска была! – похлопал его по плечу Крымов.

– Да, да, обязательно, непременно. Пойду все организую, но об этом, – говорил он дрожащим голосом, отрывая свое фото, – вы уж никуда не сообщайте: юмор у нас не все понимают.

Как только Ахметов покинул комнату, раздался гомерический смех оперов. Даже на лице сурового Смолина изобразилась улыбка.

Бригада из Центра уехала, так и не добившись желаемого результата. В первое время подчиненные Саньча по инерции продолжали поиск, но вскоре успокоились, и об анониме забыли практически все.

ПРОДОЛЖЕНИЕ УЧЕБЫ

Завершая очередное оперативное совещание, Саньч напомнил Крымову, что благородное дело по просвещению Анвара надо продолжить.

– Слушай, Саша, если дело так пойдет, наш юный контрразведчик разочаруется в выбранной профессии. Хватит ему сидеть в кабинете да бумаги перебирать. Пора его выводить на оперативный простор. Давай, начинай конкретно делиться опытом, определи, кого из своих можешь передать ему на связь.

– Не волнуйся, Саньч, сделаем как надо! – бодро отреагировал Крымов, уводя Анвара к себе в кабинет.

Открыв свой сейф, Крымов вытащил оттуда дело (как оказалось, это было досье содержателя одной из явочных квартир отдела). И с важным видом начал расска-

зывать о необходимости соблюдения конспирации в работе, о том, что чекисты не могут организовывать приемы граждан в кабинетах отдела, что с нужными людьми надо встречаться инкогнито.

– Минут двадцать хватит тебе для того, чтобы заочно познакомиться с нашим уважаемым дедулей? Быстренько полистай, и пойдем к нему. Встретимся, познакомлю вас. Время пошло.

Анвар внимательно прочитал материалы, узнав при этом много любопытного. В этой квартире проходят встречи с некими таинственными людьми. Расписано все: подходы, контакты, действия в случае возникновения нештатных ситуаций. Например, если кто поинтересуется, что он делает в этом подъезде и к кому идет, не надо теряться. Идешь, мол, навестить дальнего родственника или знакомого книголюба.

– Пошли. Положи дело в свой сейф и не забудь сделать отметку, что принял на связь! – гаркнул Крымов, проходя мимо кабинета Анвара. – Я пока во дворе покурую на свежем воздухе.

По пути Крымов прочитал небольшую лекцию о роли конспирации в работе чекиста. В итоге Анвар понял, что явочные квартиры в местных условиях – это анахронизм и угроза расшифровки.

– Я их, дедов наших, честно говоря, посещаю только тогда, когда надо отдать гроши за их беспокойство. Посидеть, чайку попить, поговорить о том о сем. А с нужными людьми встречаюсь в кинотеатре. У меня там забронировано два места по договоренности с директором. Звоню нашему штыку, предлагаю сходить в кино, напоминаю, чтобы не забыл взять с собой «шкурку». Перед входом продаю ему якобы лишний билет – и смотрим кино. Сочетаем, так сказать приятное с полезным. А приглашать людей в гости к кому-то неудобно, да и неловко себя там чувствуешь. Кстати, ты предупредил Андрея Петровича по телефону, что мы к нему в гости собрались?

– Не было такого указания. А что за шкуру приносит твой, как ты сказал, штык? – поинтересовался Анвар, переходя на ты.

– Э-э, салага! Это мы, старые волки, так называем информацию в письменном виде. Не будет же он шептать мне на ухо последние новости, отвлекать от приятного просмотра. А штыками мы называем своих помощников потому, что они наше самое острое оружие. Ты думаешь, техника, прослушка дает нам основную информацию? Это же железяки, они не могут разговорить объекта. Читал басню Крылова про лису и ворону? Так вот, лиса – великий опер. Похвалила, охмурила птицу, та раскрыла рот – и информация в виде сыра в кармане! А про кинотеатр – между нами. Захочешь, кстати, в кино, обращайся, два билета на все сеансы всегда есть. У тебя девушка здесь еще не появилась? Тебе же надо жениться, обязательно.

– Слушай, Васильич, я о чем подумал, прочитав ваши легенды. Ведь наша работа строится на обмане, ну можно сказать и помягче: на введении в заблуждение окружающих о настоящей своей деятельности.

– А как ты хотел? Разведка и контрразведка – это сплошной обман. Побеждает тот, у кого это лучше получается.

– Мой дед, покойный, поучал меня, что обманывать нехорошо. Пророк Мухаммад, – говорил он, – в одном из хадисов обман причислил к ряду тяжких грехов.

– Так что за годы службы наберешься ты этого греха... Ну ничего, выйдешь на пенсию, будешь замаливать. Так значит, мы идем без предупреждения. Возвращаться в отдел – плохая примета, преподнесем сюрприз ветерану нашему.

Потихоньку, мирно беседуя, дошли до нужного дома. Возле одного из подъездов наблюдалось скопление народа.

– Что происходит, почему собрались больше трех? – поинтересовался Крымов у первого встречного из толпы.

– Да вот, Петровича в последний путь провожаем, царство ему небесное, – объяснил пожилой мужчина в поношенном военном плаще.

...Вскоре Крымов пришел в себя.

– Да-а, хороший был человек. Что поделаешь? Все мы там будем, – произнес он негромко.

После небольшой церемонии прощания, медленно побрели обратно.

– Жаль, не суждено было тебе познакомиться с таким прекрасным человеком, – сказал, вздыхая, Крымов. – Виноват я, грешный, давно не бывал у него, текучка заедает. Только недавно супругу проводил в последний путь. Недолго протянул он без нее... Давай заглянем в забегаловку, помянем Петровича, – предложил он после небольшой паузы.

Опрокинув, не чокаясь, пятьдесят граммов, расстроенный Крымов, словно разговаривая сам с собой, тихо пробормотал, что в последнее время сталкивается с какими-то роковыми обстоятельствами. Уже второго старика не может застать в добром здравии.

– Общение с Петровичем пошло бы тебе только на пользу, – продолжил он. – Узнал бы, например, какие хорошие люди были Иосиф Виссарионович и Лаврентий Павлович. Такой сталинист был, слушай, ортодокс настоящий. Говорил, это их заслуга, что нас, гэбэшников, сегодня все еще уважают. Сколько времени прошло, а в памяти у народа сохранился страх перед органами. Конечно, мы нынче не то племя, более пушистые и культурные стали. Ведь если подумать, с какой стати нас бояться? В отличие от ментов, никаких рычагов власти не имеем. Не можем ни задержать, ни в подвал опустить, ни побить, в конце концов. А вот благодаря тем зубрам люди до сих пор трепещут перед нами.

– Знаешь, Васильич, – продолжил разговор Анвар, – я тоже частенько задумывался о роли страха в жизни человека вообще. Религия, например, пугает страшным судом, власти страшат народ империалистами да таинственными их спецслужбами. А убери чувство страха – начнется полная анархия, упадок морали, канибализм.

– Ну ты тоже, поставил на одну доску нас и религию. Кстати, тебе еще придется по долгу службы общаться с батюшками, мусдуховенством и баптистами разными. Но запомни, не для того, чтобы бороться с их верой, а чтобы предотвратить использование этого канала нашим идеологическим противником. Впрочем, об этом тебе подробно втолкуют в комитете, скоро нас должны собрать на чекучебу... Ну ладно, – сказал он после паузы – пусть Петровичу земля будет пухом. Давай еще по пятьдесят и пойдем. Саньчу ничего не говори, в обморок еще упадет. Сам доведу печальную новость после обеда.

(Продолжение следует)

Гимн солнцу

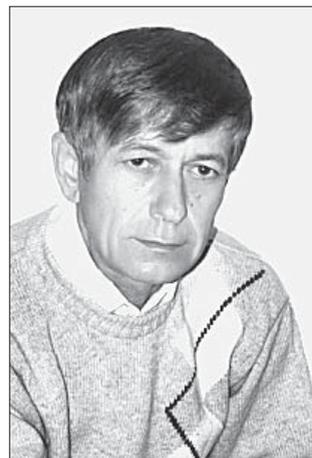
Стихи

Я НЕ ПОЭТ

Я не поэт, и никогда им не был,
Хоть с неких пор я все же им зовусь,
И потому стихами, словно хлебом,
Пусть сыроватым, все-таки делюсь.

И если то, что я порой слагаю
И отпускаю, помолясь, в полет,
Своей строкой кому-то помогает,
То моя радость сердца достает.

Я не поэт, а только самоучка,
И до великих мне не светит путь,
Со мной блокнот, бессонница и ручка,
И мне назад уже не повернуть...

Я ТОЖЕ БЫЛ КОГДА-ТО МОЛОДЫМ

Я тоже был когда-то молодым
И грыз былых запретов удила,
Но молодость рассеялась, как дым,
Как будто никогда и не была...

Тогда я был напорист и горяч,
Волна любви несла вперед меня,
И, забываясь, устремлялся вскачь,
Но лишь напрасно взмывливал коня...

Оглядываясь мысленно назад,
Я видел, что разменивал гроши –
Стремился в рай, а сам готовил ад
Для чистой от рождения души.

Валентин Иванович Осадчий родился 21 апреля 1950 года в Киеве. Живёт в Ишимбае. Автор трех сборников стихов, компакт-диска с песнями на свои стихи. Обладатель почётных дипломов: II Международного конкурса переводчиков «Ак Торна», Союза писателей Казахстана и Евразийского фонда культуры; победитель в специальной номинации «За лучший перевод с башкирского языка» (2012 г.). Председатель лито «Феникс» г. Ишимбай.

И вот теперь на перепутье лет,
Когда назад отрезаны пути,
Я увидел вдали неяркий свет,
Но только вот успею ли дойти?

ТЕ ДНИ

Те дни, длиною в пачку сигарет,
Шли как всегда – не лучше и не хуже,
В забвеньи исчезая, словно след,
Затерянных в барханах стад верблюжьих.

Они текли, начавшись с огонька,
Теряя смысл в дыму самообмана.
Я пил те дни, как рюмку коньяка,
С постыдной ненасытностью гурмана.

В круженье повседневной суеты,
В своей душе не ощущая света,
Я подошёл к порогу пустоты,
В руках опять мерцала сигарета.

Оглух мой мир без песен звонарей,
Терзался дух потерянными днями,
Мой поезд мчал в туман без фонарей,
Светясь лишь станционными огнями.

А где-то шла весенняя страда,
Призывно было грохотанье грома,
И облаков весёлая орда
Манила убежать скорей из дома...

НЕ ЗНАЮ

Как пахнет прелостью с пруда,
Заросшего осокой,
Что привело меня сюда
Из юности далёкой?

Тоска по невозвратным дням,
Иль жажда очищенья?
Не знаю, если честно, сам,
Но хочется прощенья.

СОЛНЕЧНОЕ ЯБЛОКО

Солнечное яблоко
С яблони сорву,
И под тенью облака
Упаду в траву.

Надкушу медовую,
Без червинки плоть,
И скажу три слова я:
Благость всё – Господь.

ИШИМБАЙ

Ишимбай, Ишимбай, стал навеки ты мой
В нефтяном приуральском краю,
Возвращаюсь к тебе каждый день, как домой,
Как в свою трудовую семью.

Ишимбай, Ишимбай, стал навеки ты мой
Покорил ты всю душу мою,
Ты прекрасен всегда: и в морозы и в зной,
О тебе свои песни пою.

Без тебя вдалеке я прожить не смогу,
Что ты сделал, мой город, со мной –
Ты зимой утопаешь в пушистом снегу,
Расцветает садами весной.

Город мой, ты растёшь, поднимаешься ввысь,
Каждый год разрастается вширь,
Хоть тебе тяжело, но ты верь и держись –
Ишимбай – нефтяной богатырь.

Как тебя не любить, как не помнить тебя,
Если в сердце моём ты живёшь,
Хоть полсвета пройди, мир огромный любя, –
Лучше города ты не найдёшь.

КАКОЕ СЧАСТЬЕ!

Какое счастье, когда дома ждут,
Уставшего, нервного с работы,
И создают не показной уют,
А полный женской трепетной заботы.

Какое счастье быть в кругу семьи!
Дороже золота любви минута,
И даже за сокровища земли
Не променяю этого уюта.

КОКОН

Закрыв глазницы окон
Шторами обвислыми,
Совью себе я кокон
Паутиной – мыслями.

И кану в сокровенную,
Как до рожденья, тьму.
И тогда, наверное,
Я многое пойму.

УЛЕТЕТЬ БЫ...

Улететь бы в небо птицей,
В море рыбою уплыть,
Стать невидимой частицей;
Чтоб себя в себе забыть.

Чтобы страсти человечьи
Не гибли пополам,
Чтобы думать было нечем
По утрам и вечерам...

...Мне в земной юдоли тесно,
В скуке жизни я ропщу,
И в зените поднебесном
Я себя в себе ищу.

ЗОВ ЛЮБВИ

Жизнь пролетает тающим облаком,
И не вернуть – хоть зови, не зови,
Лишь отзываясь нечаянным откликом,
Зовом непознанной, светлой любви.

Может быть, там, за неведомой далью,
Где не бывает обманчивых слов,
Счастьем заслуженным, светлой печалью
Мне на ладони прольётся любовь...

Я в водопаде любви искупаюсь,
И, написав о влюблённых стихи,
Встав на колени, смиренно покаюсь
За совершённые в жизни грехи.

НЕТ В СЕРДЦЕ ТРЕВОГИ

С каждым днем, с каждым новым рассветом,
Звонкой трелью в саду соловья
Ощущается явственной лето –
Расцветает в истоме земля...

Нету в сердце тревоги вчерашней,
Все свершается точно и в срок.
Вот уже на ухоженной пашне
Наливается силой росток.

И уже в захолонувшем сердце,
Что способно страдать и любить,
Открываются окна и дверцы,
Чтобы летнее солнце впустить.

ГИМН СОЛНЦУ

Заалел горизонт на востоке,
И ожил голубой небосвод;
И уже мы не так одиноки,
Когда солнце над нами встаёт.

И уже мы спешим на работу,
А вот кто-то за письменный стол;
И уже мы прощаем кого-то,
Кто от нас, не простившись, ушёл.

И уже мы светлеем душою,
И храним этот свет про запас;
Потому, что хоть солнце большое,
Оно всё умещается в нас.

Срочный наряд

Рассказы

КОЗЫ ДЕТИ

В детстве мы придумываем свою взрослость, во взрослости – детство.

Человек, независимо от возраста, живет иллюзиями, пытается найти им хоть какое-то практическое применение. На это уходит жизнь. У кого-то она долгая, у кого-то – короткая. В зависимости от размеров этих самых иллюзий. И от того, насколько они тебя захватили.

Примерно об этом думал Николай Веткин, сидя у окна электрички, которая со стальным звоном вспарывала желтое пространство августа, нанизывая на себя, как на зеленую иглу, последние волны ускользающего лета. На душе было легко и спокойно, голова отдыхала от городской круговерти. Обычное состояние вернувшегося после отдыха на юге отпускника.

Николай намеревался, как и раньше, поехать к матери в деревню на машине с женой. Чтобы проведать и сына заодно забрать к школе. Но жена закутила носом – устала от перелета, хочу побыть одна. Возражать не стал. Хотя прекрасно понимал: не горит уже Светка желанием навещать в его родительский домик. Утратил он для нее с годами ореол соломенной романтики, не манил уже, как прежде, первозданным уютом оконных занавесок, из-под которых с любопытством тянула к свету красные шары цветов неизменная герань.

Николай Светку не осуждал. Он и сам давно стал ловить себя на мысли, что словно стыдится родительского домика, который когда-то снился ему в армии. Снились запахи веранды, где мать обычно хранила до холодов вызревший укроп, прохшие лук и чеснок. Прогретая солнцем комнатка наполнялась тогда огородным ароматом, сохранявшимся до больших морозов. Снилось баня, где отдавало сушеной польнью с примесью дымка. И даже – крапива. Это бесполезное, как считали многие деревенские, растение. Отец оставлял небольшую ее полосу, чтобы весной можно было в суп добавить, а позже – и в банный веник. После июльского дождя цветущий сорняк, а на самом деле – мощный источник витаминов, источал такой терпкий запах, что, казалось, затмевает все остальные, витающие над крестьянским подворьем.

Альфред Брониславович Стасюконис родился 27 мая 1957 года на станции Тавтиманово Иглинского района. Более двадцати лет проработал в газете «Советская Башкирия» (ныне – «Республика Башкортостан»). В настоящее время – заведующий отделом публицистики еженедельника «Единая Россия-Башкортостан». Лауреат первого окружного фестиваля Приволжской прессы и премии им. Шагита Худайбердина. Заслуженный работник печати и массовой информации республики. Автор трех книг – «Срочно в номер», «Таежные встречи» и «Портреты на фоне войны».

И вот – все это уже в прошлом. На фоне появляющихся местами кирпичных коттеджей дачников домик выглядел хило и убого. Николая раздражали скрипучие петли калитки, простое, дощатое крыльцо, рукомойник над ведром, выцветший половик, старомодный буфет на кухоньке со скромным набором такой же старой посуды.

Николай осознал, что поддается, помимо собственной воли, какому-то странному, разрушительному для его души сравнению того, что он имеет в городе и что осталось у него в деревне. Да и осталось ли? Провокационный, невесть откуда взявшийся вопрос отточенным ножом полосовал сердце все чаще и чаще, но он не находил на него ответа.

Интересно, а если бы не сын Сережка, которого оставили у матери, поехал бы он сейчас к ней? От неожиданного признания самому себе сделалось неуютно, как в холодном, сыром подвале. Николай даже машинально повел плечами – будто и вправду оказался в стыллой западне. Но подмеченное сравнение лишь вызвало на лице едва уловимую улыбку: он ведь намеренно поехал электричкой. С единственной целью: чтобы не только предаться таким размышлениям, но и окунуться в атмосферу прошлого, далекой юности, когда переполненные вагоны несли в город рабочих, студентов, всех тех, кто бежал от убогой действительности. Бежал за комфортом, зарплатой, возможностью ходить по асфальту в туфлях, а не месить сапогами грязь при каждом походе в магазин. Все деревенские везли с собой сумки с мясом, маслом, яйцами, зеленью – всем тем, что позволяло им откладывать денежки на мебель, одежду и всевозможные поездки. Но в этот раз здесь все было иначе. Сам салон выглядел современнее и привлекательнее. А вот пассажиров – заметно меньше.

Напротив Николая разместились две женщины средних лет. Appetитные, как только что вынутые из печи пироги.

– Ну что я взяла? – как бы подводила итог поездки одна из них. – Как всегда – сыр свой любимый, сметану, масло развесное. Наше – сама знаешь – надоело. Везут черт-те откуда.

– Не говори, – поддакнула другая. – Я еще и молока прихватила. Обычное, не долгоиграющее. Дня на три хватит.

Николая одолело любопытство. Еще раз украдкой смерил взглядом подруг. Статные, со вкусом одетые. Наверняка либо в школе работают, либо в сельсовете.

– А что, коров не держите? – спросил.

– Каких таких коров? – рассмеялась первая и, в свою очередь, смелым взглядом окинула фигуру Николая. – Им же сено надо заготавливать.

Во взгляде попутчицы читалось искреннее удивление: с Луны, что ли, мужик, свалился?

– Понятно, – смутился Николай, – что надо. Без мужей что ли?

Женщины переглянулись и прыснули со смеху:

– С мужьями, с мужьями, – затараторили. – Только мы их бережем. Не для того в деревню сорвались, чтобы их гробить. Наши мужики в горячих точках пенсии заработали. И сейчас нам ничего, кроме чистого воздуха, не нужно.

Николай отвернулся к окну, давая понять, что разговор закончен. За стеклом мелькали все те же, узнаваемые, пейзажи, деревеньки, не меняющиеся на протяжении десятилетий. Чем больше вглядывался Николай в эту картину, тем больше становилось на душе. Как будто ехал туда, куда ехать не следует.

Электричка со свистом проветривала сознание. Его опять продолжали заполнять давно мучающие мысли, которым в городе, в гигантском муравейнике, просто нет места.

Николай отметил про себя, что соскучился по этому состоянию – когда ты остаешься один на один со временем, со своей памятью, лгать и изворачиваться перед ними не имеет никакого смысла. Это ведь от назойливого коллеги можно отмахнуться, либо послать его куда подальше, можно напести с три короба начальству, много чего еще можно предпринять ради какой-то сиюминутной выгоды, лежащей в основе современного существования человека, заключенного в железные объятия мегаполиса. А как отбиться от попыток души заставить себя признаться в том, в чем ты не желаешь признаваться?

Николай вновь бросил взгляд на симпатичных женщин. И почему-то позавидовал им. Наверное, потому, что они, в отличие от него, имеют возможность жить там, где когда-то жил он и откуда попросту сбежал. Как из ненавистного, опостылевшего заточения, в которое угодил не по своей воле.

Так получилось, что незадолго до смерти отец повез его к знакомому на завод – показать предприятие. Большое, мощное. Где платили такие же большие, мощные зарплаты. Нескончаемая вереница людей, которую проглатывала проходная, грохочущий цех, конвейер произвели впечатление. Ни о чем другом, как о работе инженером, уже не помышлял. А когда стал студентом, отец и умер. Глупо умер. По причине бедности деревни и людского безразличия. Напился из родника холодной воды и слег. Фельдшер выписала какие-то таблетки, а они – как мертвому припарка. Повезли через несколько дней в райцентр – там руками разводят: поздно, ничего сделать не можем. Мать умоляла в город отправить – отказали: не захотели брать на себя ответственность. Так и скончался батя – вечный труженик и пахарь – в старой больничке на окраине поселка, где панихиду об усопшем отслужили грачи на берегах. Они на себя такую ответственность взяли. Ох, как потом психовал Николай от безысходности, от бессилия что-либо изменить. Даже мать винил в нерешительности и бездействии. А что толку? Отца не вернешь. Остыл, но обозлился на свое захолустье, так его возненавидел, что до сих пор не расстался с этим чувством. Оно-то и мешало ему с трепетом относиться к своей деревне. Это он сейчас понял вполне определенно.

Электричка сбавила ход и остановилась у перрона. Несколько бабулек торговали огурцами, помидорами, молоком, банки с которым были вставлены в ведра с холодной водой. Торговки оживились, встречая пассажиров, а он зашагал в деревню, до которой было не больше двух километров.

Калитка скрипнула, и Николай ступил во двор детства. До боли знакомый, близкий, но теперь уже одновременно далекий и даже какой-то нереальный. Такие чувства вызывает, очевидно, немощный старик, сполна поживший на этом свете, которому ты ничем не можешь помочь.

Мать показала из-за веранды – немного сгорбленная, сосредоточенная. Увидела сына – и улыбка озарила ее потное лицо. Отставила ведро, заспешила навстречу. Николай обнял мать за плечи, чмокнул в разгоряченную щеку.

– Привет.

– И ты здравствуй, – засияла глазами. – Чего один? Все в порядке в вашем юге-то?

– Нормально. Устала Светка. Хочет отлежаться.

– Во, дают, – усмехнулась. – Лежали-лежали на песках, да еще устали. Чудеса ноне.

– Ладно, мам. Та же знаешь – раз в год такое. Все остальное время вкалываем. Пусть понежится.

– Изнежились уже. Оттого по врачам и шастаете. А мое лекарство вот, – повела мать рукой в сторону огорода и сарая, – отыми его – тотчас же слягу. Ей-богу.

– Знаю, знаю. Сережка-то где?

– К табуну пошел. Где ему еще быть? Помогает пасти наших козлят. Да не ворчи, не ворчи, ничего не случится. Там и соседская девчонка крутится. Чего бояться хорошего дела? Бояться надо плохого – подъездов ваших вонючих, тех, кто там околачивается. А животное добру учит. Лучше иного человека. Ну, все, пошли в хату – кормить буду.

Через пять минут Николай хлебал домашнюю окрошку. Только что из холодильника. На своем квасе.

– Дело у меня к тебе, Николай, – начала мать тихо, но уверенно, давая понять, что все решила. – Ты до отъезда молодых коз зарежь. Да. Сена на зиму не хватит. С тебя помощник известно какой – вечно занятый. А я и платить больше за пастьбу не хочу. Вот Манька до весны попоит молочком – там и с ней определимся. Силов-то с каждым годом убывает. А ты готовься. Не пойду ж соседу кланяться и еще бутылку обормоту ставить. Ну, и мясца опять же свежего увезешь.

Николай поморщился.

– Ты же знаешь – не ест Света козлятину. И баранину.

– Потому и упрямая, как эта рогатая скотинка, – посуровела мать. – Где это видано – врозь едут в родной дом.

– Мам, ну, сколько можно! – повысил голос Николай. – Мы с тобой договаривались.

– Не шипи, не шипи, – потеплел голос матери. – Надо только так сделать, чтоб Сережка ничего не прознал.

– Легко сказать, – почесал затылок Николай. – Двух живых существ жизни лишить – и чтоб ребенок не увидел.

– Эх, Колька, – усмехнулась мать, – даром что инженер – не сообразишь. Завтра с утра Маньку в сарайке закрою – и делов-то. Пока Серенька спит, ты управиться должен. Понял?

– Как – завтра? Я ж сегодня последней электричкой хотел вернуться.

– Мало ли что – хотел! – опять посуровела мать. – Ничего не случится с твоей принцессой – понежится. А ты мне подсобишь. В кои-то веки.

Сережка явился вместе с табуном – загорелый, посвежевший и радостный. Бросился к отцу на шею, соскользнул, закрыл загородку за козами.

– Пап, они меня понимают. Правда, – делился радостью сынишка. – Каждое мое слово.

Мать Николая стояла в сторонке, наблюдая за сыном и внуком. Думая о чем-то своем – заветном, несбыточном. А потому – печальном.

Все спали. Но Николай никак не мог заснуть. Чем больше он представлял себе завтрашнюю казнь козлят, а главное – как он это будет делать, тем тревожнее становилось на душе. Сердце предательски перескакивало через положенные интервалы импульсов и, казалось, вот-вот выпрыгнет из реберной решетки. Нечто подобное пришлось испытать давно в детстве. Отец задерживался в поле, и мать решила: пришла пора становиться сыну полноценным помощником. И наказала забить крола. Известие окрылило. Николай впервые почувствовал, что приобщен к взрослому, настоящему делу. А был-то он тогда меньше Сережки. По-деловому взял отцовский нож, прихватил по пути под навес полено. Но когда ухватил извлеченного из клетки крола за задние ноги, свои собственные сделались ватными, руки задрожали и едва

не выпустил гиганта на волю. Лопухий трепыхался, его выпученные глаза, словно когтями, цеплялись за мальчишеский разум, молили о пощаде, передние лапы беспомощно молотили воздух с бешеной частотой. С частотой его, Николая, сердца. Он готов был сорваться отсюда, как и его жертва, едва сдерживая слезы, уже душившие его горло. Но в самый последний момент Николай вдруг представил, как придет с работы голодный отец и сядет за пустой стол. А мать скажет:

– Вот, у Коли сил не хватило. Видать, мал еще...

В отчаянии он схватил приготовленное полено и с размаху, как отец, вдарил по кроличьему черепу. Крол сжался. Сжался и сам Николай. И в тот же миг самец издал пронзительный писк. Такой, что зазвенело в ушах. Он бросил его наземь, наступил ногой и полоснул ножом по шее. Алая струйка крови вылетела вперед под давлением, а потом иссякла. Только крол еще какое-то время дергался под его сандалией.

Как отец ни нахваливал ужин, а Николай к нему не притронулся. Впервые лег спать голодным. Во сне его тельце дергалось, как дергался большой крол, впервые забитый им по причине собственного взросления.

Впоследствии Николай успешно справлялся не только с кроликами, но и со свиньями. Вместе с отцом, разумеется. Но тот свой первый экзамен на крестьянскую состоятельность запомнил на всю оставшуюся жизнь. И сейчас, когда обстоятельства вынудили вспомнить о далеком событии, Николай с удивлением сделал поразившее его открытие: житель села заботится о своей скотинке, лелеет ее с единственной целью – чтобы однажды пустить под нож, а мясо съесть или продать. Странная любовь. С двойным дном. Если не сказать – дикая, пещерная. Может, и правильно, что свернули колхозы, а людей опять вынудили разбегаться по городам? Теперь бычков на тех же заводах выращивают. Конвейерным способом. Никто, кроме нескольких человек, не видит, как забивают несчастное животное. Не травмируются и детские души. Может, так и должно быть? А деревня со своими средневековыми страстями действительно отжила? Как и его мать, и этот дом? Но тогда что после них? Пустота?

Николай привстал на диване, высунул голову в распахнутое окно. В небе ранней изморозью мерцали звезды. Из сада тянуло не просто свежестью – холодком. Звонко ударились о землю упавшее яблоко. Вот так и мы, подумал Николай, пока держимся за что-то – ощущаем себя частью большого целого. Оторвало – и нет нас. Лежим, гнием. Как со Светкой на пляжах. И думаем – живем. А к ветке с земли уже не прицепишься – поздно. Вышел срок.

Он засыпал, а яблоки падали и падали, глухо барабанив по остывающей земле, будто отмеряя свое, особенное время.

Серезка провалился до обеда. Когда встал, на столе уже дымились в большой тарелке горка только что сваренных пельменей. У порога отец паковал две спортивные сумки.

– Умывайся, малыш, скорее, – напомнил он, – электричка ждать не будет.

Пельмени Серезка любил. Особенно – со сметаной. Мог навернуть не меньше отцовской порции.

– Ба, а чего Манька кричит? Почему не в табуне?

– Так хватит уже, – бабушка, будто ища поддержки, посмотрела на сына, – дома начну держать.

– Все верно, сын, – подтвердил Николай, – травы и здесь хватит. В огороде. А то платить пастуху с бабушкиной пенсией даже разорительно получается.

– Так добавь! – парировал Сережка, наворачивая очередной пельмень.

Теперь Николай взглянул на мать.

– Нечего, нечего, – взмахнула она рукой. – У вас в городе расходы не в пример нашим. А мне уже скоро и не до коз будет.

Манька опять закричала.

– Хватит о грустном, – оптимистично подвел черту обеденному разговору Николай. – Нам пора.

Сережка отодвинул тарелку и спрыгнул со стула:

– Я только с Манькой прощаюсь! – и бросился за порог.

С загонки во двор, к калитке, где дожидались отец с бабушкой, Сережка подошел медленно, со стеклянными глазами.

– Вы зачем это сделали? – тихо спросил он. – Я же пас их. А вы...

Губы мальчишки дрожали, длинные, как у девчонки, ресницы, беззвучно скользили то вверх, то вниз.

– Ты что, голубчик? – бабушка попыталась обнять внука. – Так надо. Тяжело мне. Зато какие вкусные пельмени, Серенький, вышли! Да?

Внук отстранился от бабушки, проскользнул между нею и отцом, распахнул калитку.

– Ненавижу вас. Вместе с вашими пельменями...

Прижал ладони к глазам, втянул голову в худенькие плечи и побежал по тропинке в сторону станции.

Николай схватил сумки, бросился следом, остановился, намереваясь попроситься с матерью, но она упредила:

– Догоняй уже!

Но как ни пытался он это сделать, не получалось. Его сын убежал из его деревни, из которой Николай сам когда-то убежал сломя голову. Убежал от суровой правды жизни, не видя в ней никакой романтики. Романтика была там, в городе, который, подобно жерлу вулкана, манил к себе огнями страстей и тайных желаний, очертаниями неясных надежд непонятно на что.

– Сережка, подожди, – Николай звал сына, но тот не хотел слышать. А нагнать его не получалось – мешали сумки со свежей козлятиной и картошкой.

У родительского домика продолжала молча стоять сторбленная мать Николая. Думая о чем-то своем. И только Манька, ее старая коза, взобравшись в загородке у сарая на покатую крышу пустой собачьей будки, смотрела в прямо противоположную сторону, в поле, куда уходил табун, и жалобно, пронзительно блеяла. Она не замечала висящие на заборе свежие шкурки ее козлят, вывернутых к солнцу скользким нутром. Откуда ей было знать, что это? Она же всего-навсего коза, а не человек...

СРОЧНЫЙ НАРЯД

Начавшийся январь зажег несусветно. Запряженные в сани лошади резво поднимались в гору по расчищенной дороге. Каждую покрывало старое одеяло, из-под краев которого вырывался пар, источаемый нутром животного. Уцелевшие на тряпке ворсинки, будто алмазами, обросли ожерельем инея, напоминая прихваченную морозцем молодую отаву. Морды коняг облепила такая же махровая паутина – стылая и липкая одновременно. Копыта со звоном рвали поверхность накатанного

большака, и звон этот невидимым пропеллером ввинчивался в упругий, похожий на ргуть, воздух, затихая далеко позади, в придорожных кустах онемевшего леса.

Все три подводы скользили в молоке стужи, сковавшей, казалось, все живое.

Мужики в санях молчали и не двигались. Лишь возникшее время от времени поднимали натянутые до носа шапки, терли варежками глаза, распаивая холод ресниц, и вглядывались в морозное марево – далеко ли до векового сосняка, куда лесников снарядили сразу после Нового года.

– Вот ведь, сволочи, – подал голос один из них, самый старший, пятидесятидвятилетний Петро. – Как дробину из задницы выковыряли. С кровью – баба колбасы домашней нажарила, пузырек достала. Слазь, говорит, с печи, скотину накормила, теперь тебя буду. А у меня от вчерашнего сердце ходуном ходит – восьмеркой на колесе. Вот, думаю, радость: тепло и жинка ученая. Чего еще надо? И тут хрен этот, инженер. В ботиночках, при галстукке. Окунем из лунки. Как он своего «бобика» завел? Не глушил, что ли? Как человека за стол приглашаю. Брезгует, сволочь. Кончай гулять, козыряет: срочный заказ от начальства. Чтобы через два часа были на месте. А еще через два машина придет. За кругляком, значит. Всю малину обломал, сука интеллигентская. Сам не отдыхает и нам не дает.

Мужики молчали. Лошадки храпели на подъеме, как Петро после отключки на своей печке.

Через пару километров монотонный скрип полозьев перекрыл клич с головной подводы:

– Принимай влево!

Мужики нехотя вывалились из саней – будто тюлени, потревоженные сиплым гудком ледокола. Первая лошадка так же, без энтузиазма, подгоняемая правщиком, вскарабкалась на снежную гряду и ухнула в топкий снег, утопая в нем по брюхо. Лесник, не выпуская из рук вожжей, едва успел плюхнуться в сани – с легкостью спичечного коробка их понесло к темному сосняку. Коняга надрывно, рывками, вздымая снежные фонтаны, преодолевала белую целину, издавая глухие утробные звуки. Антрацитовые зрачки ее ошалело металась в расплавленной глазной выпуклости, в которой отражались изумрудные лапы исполинов на фоне белесой круговерти.

– Давай, Ромашка, давай, – хлестал ее лесник, не давая надежды на передых, – вперед, зараза такая! Наддай!

У посадки возникший заставил лошадь сделать несколько кругов, расчищая площадку для пристанища. После чего по проложенному пути подтянулись остальные подводы, а за ними – спешившиеся.

– Ну что, будем тропу торить? – подал голос техник. – Сколько тут до большака? Метров пятьдесят? Потом и зачем валку.

Мужики без разговоров встали в ряды по три человека, плечом к плечу, и направились к дороге. Дойдя до нее, повернули обратно.

– Сойдет, – окинул взглядом проложенный маршрут Петро. – Не увязнем. Давай, Сидорыч, расставляй. До темна бы управиться.

Сидорыч взял топор, ступил под сосновый шатер, где снегу было намного меньше, и, навскидку определяя толщину ствола, начал делать затеси. Взыли бензопилы. Мужики разбились по парам: один работал «Дружкой», другой срубленным дрыном направлял дерево к предполагаемому месту его падения.

Через пять минут сосняк наполнился едким, синим дымом. Он висел над снегом, приобретая фиолетовый оттенок, проникал в носоглотки мужиков и легкие, заполняя собой не только лесное пространство, но и внутренности человека. Лесники

матерились, схаркивая на снег желтые сгустки слизи, и продолжали остервенело валить сосняк. Стволы с нарастающим шумом падали промеж соседних деревьев, цепляясь мощным ответвлением за такое же, остающееся на весу нетронутой сосны. Затем громадины с железным звоном ударялись о комель предыдущей жертвы, дергались, будто пригвожденные ко дну острой рыбыны, и затихали.

Сто лет назад десятки заботливых рук бережно высаживали здесь крохотные саженцы в надежде, что они будут радовать своим присутствием внуков и правнуков, всех, кто проезжает мимо этого настоящего памятника природы, а сейчас внуки безмянных лесоводов безжалостно, по приказу чиновника, для его личных нужд уничтожали рукотворную красоту. Уничтожали с рабским рвением, с какой-то разбойничьей удалью, не утруждая себя осознанием того, что творят. Не оттого ли и пришла в запустение земля российская, что души наши сковало морозом безразличия и безучастия к тому, что происходит с нами, со страной, с судьбой каждого в отдельности? Природный ум сменился животной способностью приспособливаться к обстоятельствам, угождать начальству с единственной целью: лишь бы сохранить свое место и жалованье, ради которого можно и совестью поступиться, и честью. Да и остались ли они после всего того, что с нами произошло? Выпилили их, как эти сосны. До последнего дерева.

Вой бензопил уменьшился на одну.

– Шабаш! – раздалось сквозь треск и шум. – Перекур!

В прореженном сосняке воцарилась тишина. Сизая пелена дыма висела плотной завесой, окутывая каждую фигуру лесника, каждый ствол – поверженный и еще стоящий.

– Как после боя, – присвистнул самый молодой – Артем, устроившийся в лесничество после армии. – Куда столько?

– Как куда? – ухмыльнулся Петро. – Шишаку большому. На дачу. Ему захотелось – мы сделали. Эка, невидаль.

Мужики собрались в кучу – разгоряченные прерванной работой. Запалили «Примы» и «Беломорины». Закашляли, втягивая вперемешку с едким дымом стогрешего автола и бензина колючий воздух замороженного января.

– Ну что, Петро, захватил ты выставленный бабой пузырек? – задал ободряющий всех вопрос техник. – Или забыл?

– Такое разве забудешь, Сидорыч, – расплылся в улыбке Петро. – И колбаску свою прихватил. Как всегда. Может, промочим горло?

– Не гони, – осадил Сидорыч. – Скоро машина придет. Не ручаюсь, что инженер не притащится. Опять начнет мораль читать. Уж лучше потерпим. А сейчас надо быстро сучья рубануть да раскряжевать. И – на дорогу бревна.

– Ни хрена себе – на дорогу, – присвистнул Петро. – Все кишки с пупом здесь оставим. А у Артемки спина еще вообще пластилиновая.

– Ты мне молодежь не порти, – посуровел Сидорыч. – Наши деды в его лета не такое сносили. Из армии вернулся – не из яслей. Так ведь? Сдужишь, Артем?

Артем хмыкнул, сплюнул под ноги.

– Не калека, чай.

– Ну, вот. Чего тебе на твоём Байконуре больше всего запомнилось? – подобрел Сидорыч. Сам он в армии не служил – не взяли из-за грыжи, но с уважением относился к тем, кому довелось носить погоны. – Как там ракета стартует? Страшно?

– Да нет, вздохнул Артем, не страшно. Захватывает. Страшно, когда зам по тылу, подполковник, из солдатской столовой продукты тырит. Никогда бы не подумал. Бе-

рет водитель говяжьё ляжку – и в «уазик». Картошку, тушенку грузит. Я с такой наглостью первый раз в жизни столкнулся. Его же, гниду, расстрелять мало. А он никого не боится. Пацанов объедает. Мне потом из-за этого служить противно стало.

– Привыкай, малец, – засмеялся Петро. – Вся наша жизнь этим дерьмом перемятана. Если на каждое изводиться – силов не останется. Пошли, что ли? А то хребет промерзать стал.

Лесники отсекли топорами сучья, распилили на нужную длину стволы, облепили первое бревно.

– А ну, взяли!

Девять мужиков подняли красняк – с криком и гиканьем, отчего дернулись морды притихших лошадей. Выдержав паузу, бригада шаг в шаг засемила из сосняка. Головы рабочих были неестественно скособочены, они как бы не давали соскользнуть бревну, выполняли функцию ограждения. С другой стороны его придерживали руки в ватных рукавицах. По этой причине фуфайки поднялись, рубашки выбились из-под штанов, оголяя на более чем сорокоградусном морозе разнокалиберные тела лесников. Но никто из них не обращал на это внимания, не чувствовал, как по поясице проходит рашпилем леденящая стужа. Сознание каждого занимало одно: как бы не упасть. Упадет один – рухнет вся шеренга. Всех придавит бревном неимоверного веса. Вот так элементарный инстинкт самосохранения, природное стремление выжить парадоксальным образом превращались в коллективную ответственность. Возможна ли она при иных обстоятельствах? Когда ни на кого не давит груз опасности? Когда размывается роль и участие каждого в общем деле? Не в этом ли и заключается парадоксальная загадка нашего существования: военную угрозу выдерживаем, пусть и ценой неимоверных усилий, а вот мирное переустройство Отечества оборачивается вселенской катастрофой. Почему?

Мужики добрались до стоптанного снежного откоса, развернулись боком к дороге и, выдохнув, сбросили ношу.

– Это ж сколько рейсов надо сделать? – перевел дыхание Артем.

– Все зависит от размеров дачи начальника, – разогнул на ходу спину Петро. – Так, Сидорыч?

– Наше дело маленькое, – снисходительно отвечивал техник, – бери больше – носи дальше. Не заморачивайся.

Часа два, без передыха, мужики вытаскивали на большак толстые лесины. Они раскатывались по проезжей части, их тянули обратно, к левой стороне, кидали друг на друга, подставляя под крайние обрубленные сучья – чтобы, не дай Бог, не обрушились на людей.

Мокрые, в испарине, которую не брал и мороз, лесники расселись на санях, тяжело дыша открытыми ртами. Артем сбросил рукавицы, протер лицо, как полотенцем, ладонями. Только сейчас он почувствовал, что руки налились свинцовой тяжестью, он их почти не ощущал. Ноги предательски дрожали. Чтобы этого никто не заметил, откинулся на спину, таращась в мглистую высь. Парню показалось, что теперь он уже не сможет поднять и десятой части того, что держал на своем загривке. Даже пошевелиться боялся – каждый суставчик давал знать о себе ноюще-колкой болью.

Суровая реальность не имела ничего общего с представлениями Артема о работе лесника. Причем, за этот каторжный труд, как оказалось, практически ничего не платили. Но возвращаться в райцентр, в контору, он все равно не желал. Тем более, попал туда случайно – познакомился с инженером в военкомате, куда после службы пришел вставать на учет. Слово за слово – сговорились.

– Поездишь со мной, пообвыкнешься, – наставлял лесничий, – а весной – в Воронеж, в академию. У меня там знакомые. Окончишь – должность получишь. В люди выйдешь. Только с этим сбродом, с лесниками, не связывайся – сопьешься. В два счета. Я их знаю.

Очень скоро Артем понял, что попал не туда. Каждое утро начиналось с того, что женщины бухгалтерии кипятили чай, вынимали из сумок домашнюю снедь и под дружный хохот начинали перемалывать косточки знакомым и соседкам. «Как же так, – рассуждал вчерашний солдат, – время – рабочее, а люди черт знает чем занимаются? И никому до этого дела нет. И за эти чаепития получают больше тех, кто в лесу вкалывает».

Когда поделился мыслями с инженером, тот напыжился:

– А ты хочешь, чтобы всем все поровну? Так не бывает. Запомни: есть жизнь белая, а есть черная. Не можешь работать головой – работай руками. По-черному, значит.

Артем чувствовал себя не в своей тарелке. И выбрал последнее.

– Чего-то машин нет, – подал кто-то из лесников протуженный голос. – Может, костер запалим да перекусим, Сидорыч?

– В самом деле, – поддержали с других саней, – коченеет уже. Да и желудок стенками склеился.

Лесники попытались запалить лапник – срубленные сучья, но иголки хвои только плавилась под спичками, а не воспламенялись.

– Давай газеты из-под харча, – попросил разжигающий, – все! И хватит на саях валяться – дайте лошадям остатки сена сожрать. Им-то без работы хуже нашего.

Скомканная, пропитанная салом бумага вспыхнула, быстро прогорела, но лапник лишь испустил дух – сизую струйку дыма. Лесник, встав на четвереньки, принялся раздувать обуглившиеся иголки, но в этот миг с дороги посигналили.

– Все, машины пришли, – с досадой произнес истопник, – будем погрузкой греться.

На последний, третий «Зил» мужики затаскивали бревна в полной темноте. Сначала заносили конец ствола, затем четверо лезли наверх, принимали груз, оставшиеся внизу толкали его, и таким образом кругляк находил свое место.

Инженер сидел в кабине водителя, который время от времени зевал, поглядывая в зеркало заднего вида.

– Не пойму, что их заставляет так вкалывать? – удивился шофер. – Меня бы от такой напряги давно в инвалиды списали.

– Привыкли, – спокойно ответил инженер, – они же другой жизни не знают. И не хотят. Сегодня врежут по пузырю, заедят куском домашнего сала – и будут до обеда спать. Им же к девяти в контору не надо. Их контора – сарай. С боровком и коровой.

– Ну да, – согласился шофер, – это точно.

Дверцу со стороны инженера открыли с дороги. Свет плафона упал на раскрасневшееся лицо мастера.

– Ты прямо рак вареный, Сидорыч, – усмехнулся начальник. – Закончили что ли?

– Рак не рак, а стоим раком, – прерывисто хватал ртом морозный воздух лесник. – Все упаковали. Как бандероль. Дойдет в лучшем виде.

Конторский достал из внутреннего кармана дубленки большую записную книжку, раскрыл ее, отсчитал от пачки денег девять трешек. Затем прибавил еще одну.

– Держи. Раздашь. Тебе – двойной тариф. Спасибо за работу.

Лязгнула дверца. Надсадно взревел двигатель. Колеса, скрипя снегом, сделали оборот. Машина медленно начала движение. Вскоре лучи ее фар скрылись за спуском.

Тропа, по которой мужики таскали бревна, превратилась в асфальт. В темноте то расширялись, то уменьшались красные точки папирос.

– Голодные что ли поедем? – обратился ко всем один из мужиков.

– А как без костра? Всю бумагу спалили, – ответил другой.

– Бензина ни у кого не осталось?

– Сухо.

– И в моем бачке тоже.

– И в канистре.

Помолчали.

– А ну, посвети, – попросил Сидорыч. – У меня, похоже, пару капель есть.

Лесники стали по очереди чиркать спичками. Мастер извлек из кармана горсть трояков, сунул их под сосновые ветки, поднял пилу, открыл краник. С покрытого, как мхом, изморозью металла соскользнула тоненькая ниточка топлива.

– Поджигай быстрее, – поторопил Сидорыч.

Легкая вспышка охватила денежную бумагу, перекинулась на ветки, отчего они сразу же загорелись.

– Не жалко? – ткнул Артема вбок Петро. – Твоя зарплата полыхает.

Артем пожал плечами:

– Невелики деньжищи. А согреться – в самый раз.

Огонь вспарывал своим дергающимся острием темноту, поднимался все выше, по мере подкладываемого в костер хвойника. Мужики выставили прихваченные с собой бутылки с водкой, открыли одну из них. Жидкость вязко перетекла в стакан.

– Как кисель. За что пьем?

– А чтоб эта дача у этого шишкаря сгорела, – огрызнулся Петро. – Как наши трояки.

– Вот ты даешь! – крикнул Сидорыч. – Чего злой-то?

– Я не злой – справедливый. Но справедливости на нашей земле места нет. А она должна быть. Хотя бы в мыслях наших.

– Эх тебя разнесло, философ, – ухмыльнулся техник, – трибуны тебе не хватает.

– У меня вообще не хватает, – засмеялся Петро.

И все подхватили это настроение, переключились на него, гоготали над хорошей, как им казалось, шуткой.

Мужики опрокидывали стакан с «киселем» за стаканом, грызли мерзлую колбасу, которую ломали руками и молча смотрели на огонь. От него исходило тепло, вытесняющее мороз по периметру костра. Его было достаточно, чтобы каждый ощутил себя счастливым. Хотя бы на эти несколько минут. Из которых соткана вся наша жизнь. Короткая и длинная одновременно. В зависимости от того, кто и что в ней ищет. И ищет ли что вообще.

– А хочешь, я скажу тебе, почему ты злишься, – нарушил лирический настрой мастер, обращаясь к Петру.

– Ну? – оторопел тот.

– Вот у деда твоего земля была?

– Была, – все так же растерянно воспринимал Петро слова Сидорыча.

– Вот, – крикнул старший. – А у тебя – шиш. Огород, едрит твою калабак. Чтобы самому не околеть да двух-трех поросят выкормить. Все. Как ни кочевряжся, а

выше пупка не прыгнешь. Перспективы нет, дурья твоя башка. Как колхозы сорганизовали, так и пропала она. Оттого и злишься. Только не понимаешь этого.

Возникла пауза.

– Дядь Андрей, это ж антисоветчина натуральная, – нарушил молчание Артем. – Кулацкий мотив.

– Скажи, что еще я сын врага народа, – улыбнулся Сидорыч. – Скажи, не стесняйся, комсомолец ты мой дорогой. И будешь прав. Потому что так оно и есть. А я тебе скажу, – выражение лица мастера стало серьезным, – горжусь этим званием. Потому что давали его лучшим представителям народа. Понял, малыши? Вот как сосны эти их валили. По всей России. Такой стон стоял. А за что людей изводили? Работать могли! Такими делами ворочали! Тебе и не снилось. Кончится эта власть – помани мое слово. Потому как смысла в ней нет и учит она одному – воровству.

– Да кончайте вы эту политику на хрен, – прервал кто-то начинающийся спор. – Лучше наливайте.

Стекло вновь зазвенело о стекло, кисель потек в граненую посудину. Сосновые ветки трещали в пекле кострища с какой-то утроенной силой, свет пламени выхватывал из морозной темени раскрасневшиеся лица мужиков, рыжие контуры покрытых одеялами лошадей и обрывался сразу же за этим временным пристанищем. Что еще, какая сила могла заставить людей в такую неимоверную стужу сидеть здесь, в поле, у прореженного бора, пить замороженную водку и при этом еще размышлять о смысле существования? Только ли обреченность, зависимость от быта и профессии? Вряд ли. Люди просто радовались тому, что сделали, что от них требовалось, что никаких не может быть к ним претензий. Они радовались тому, что в состоянии еще таскать эти бревна, что их рано списывать со счета, что они живы, наконец. Так радовались когда-то выжившие после боя солдаты, чье чудовищное нервное напряжение снимал спиртовый градус. И никто из захмелевших не подозревал: если, не дай Бог, что-то случится, они все, как один, несмотря на свой возраст, возьмутся за оружие и будут так же, как и пятьдесят, как сто, как тыщи лет назад рвать на себе свои жилы ради одного – ради спасения Отечества. Не жалея себя ради его будущего. Каким бы туманным оно им ни казалось. И ничего при этом не потребуют взамен. Потому на них пашут, доят их, как коров, а они только смеются – от ощущения внутренней свободы, которой лишен вышколенный инженер и ему подобные.

– Легко на сердце от песни веселой, – начал задорно-протяжно Сидорыч, обводя взглядом захмелевших товарищей, – она скучать не дает никогда.

И тут же мужики поддержали. Над скованной морозом землей понеслось в космическую высь дружное и задорное:

– И любят песню деревни и села, и любят песню большие города...

Мороз крепчал. Если и было в этот час кому-то здесь зябко и неудобно, так это лошадям и зависшей над полем Луне. Спутнице Земли. Одинокой, безлюдной и действительно холодной.

Я переболею...

Стихи

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ

Вишня весенняя в кружеве белом,
словно невеста, платье надела.
В солнечных лучиках –
навек неразлучны!
Ветер непрошенный, с белой порошею
В мае поднялся некстати.
Нет уже радости,
что же тут хорошего?
И ни к чему стало белое платье...
Вишня весенняя
в платье поникшем.
Спутано белое: снег и цветы.
Зимняя вишня: тона черно-белые,
Я и ты...

ЧЕРНАЯ ДЫРА

Вечер. Люди. Замирает бег.
Как бинтами, землю покрывает снег.
Грудки снегирей кровавой краски алой...
Лучше б никогда я тебя не знала!
Ночь. Луна. Задиристый мороз
Свежее дыхание в черноту принес.
Инея мазками расписана стена.
Знаешь, а мне нравится, что я одна!
Черный кофе. Белоснежный сыр.
Синий день закрасит серый мир.
Ну а то, что ветер рвёт в душе дыру...
Я – переболею. Не умру...

Издательство

Ольга Чернецкая родилась в Башкирии в 1960 году. Окончила Башкирский государственный медицинский институт. В настоящее время работает врачом-неврологом в Уфе. Публикуется впервые.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Я бы тебя забрала домой.
И ты стал бы моим навеки.
Засыпала бы, смежив веки,
С мыслью: «Господи, Боже мой!
Я люблю все в родном человеке».
Но с тобой засыпает другая,
Потому что она – жена.
Я напрасно тебя ругаю,
Здесь совсем не твоя вина.
И захватывает дух.
Почему Бог не создал двух!?

ПТИЦЫ

Я бреду по осеннему лесу,
Листья желтые береду.
Время служит осеннюю мессу
и уводит меня от тебя.
Холод птиц собирает в косяк,
Улетают они на юг..
Почему у людей все не так?!
Есть и враг, есть и друг.
Мне бы стать этой легкой птицей,
Воспарить высоко в небо.
Позабыть знакомые лица.
Мне бы, мне бы...

РОЗЫ

Дыханье бледной чайной розы,
Росы слезинки в лепестках..
Кусочек жизни на морозе
Держу я бережно в руках.
Вздыхает роза об утрате,
И плачет о любви ушедшей.
Ее совсем помялось платье,
И лепестки шуршат, умершие.
Она – подарок и укор,
Надежда на любовь, аванс.
Укол шипа. Прозренье.... Вздор!
Еще один ненужный шанс.
А может быть? А вдруг?
Бывает разное.

Зачем себя обманывать, мой друг?!
Люблю я розы красные...

ОСЕНЬ

За окошками плачет осень,
Косы рыжие разметала.
По утрам на полянах проседь,
Да рябины в монистах алых.
По лесам золотая листва,
И багряные всполохи вишен...
Словно прошлого лета молва,
Ветер листья сухие колышет.
Забывается все, что было.
Солнце, море и жаркие ночи.
Я, наверное, тебя любила,
А, быть может, не очень....

УТРО

Пронзительно красивы облака.
И небо – словно взгляд ребенка.
Спросонья томная река,
Туман в низинах – пеленою тонкой..
Так пробуждается земля
И нежно к солнцу тянет руки.
Как в это таинство попала я?
Какое счастье – слышать эти звуки!

Голод

Роман

(Продолжение. Начало в №№ 1–3)

ВСТРЕЧА. ПУСТАЯ НАДЕЖДА

– Атай, Абдулла в нашу сторону идет! – ворвавшийся с улицы Зариф еле перевел дыхание. – Он плохой, атай, и бабушка его не любила.

– Не бойся, сынок, когда я рядом, никто вам зла не причинит. А с Абдуллой мы вместе росли, на фронте вместе были.

– Почему он тогда рассказывал, что ты погиб?

– Уж так получилось, улым, нас в то время немец гнал, мы в болото попали. Взвод Абдуллы вперед ушел. – Сильные руки Идриса легли на сыновние плечи. – Ты уже джигит, сынок, так что пойми: мужчины друг на друга обиды не держат, не мстят. Самое главное – я возвратился. Ладно, улым, поди поиграй на улице.

Через окно было видно, как Абдулла прошел во двор. Идрис откинул прядь со лба, одернул воротник рубахи, расправил плечи, выпрямился.

– Ассаламу-алейкум, хозяйева дома? – Из чуть приоткрывшейся двери высунулась голова Абдуллы. – Видать, нет никого...

И тут он разглядел фигуру Идриса. Их взгляды встретились. Полуоткрытые губы издали невнятные звуки. Волнение, рвущаяся из души ненависть и другие необъяснимые ощущения – все перемешалось и бурлило, как водопад.

– Ну, проходи, коли пришел, – произнес Идрис, обуздав клочущую внутри ярость. – Посиди, почаевичаем.

Абдулла не ответил. Сняв обувь у самой двери, поставил сапоги в сторону, повесил на гвоздь шинель.

– Ну, поздороваемся...

– Давай.

Они сжали друг другу руки. Обнялись. Обнялись искренне – то было прощение Идрисом Абдуллы и просьба о прощении другого. Оба расчувствовались.

– Прости, друг. Кабы сам не стал тонуть...

– Ладно, на войне чего не бывает. – Идрис проглотил подкативший к горлу ком.

– Не виню я тебя, Абдулла, одну войну клянц. Кабы не она да не переворот этот, не хоронили б нынче столько народу.

– Ошибаешься, Идрис. Переворот нужен был. Сам подумай, если один богатеет, а другой... – Абдулла почувствовал, что его заносит в нравочения. – Ладно, поживешь тут, поймешь. Мне председатель артели нужен, может, на тебя и возложим эту высокую должность.

– Ты меня пока не дергай. Я не в белых-красных играть вернулся. Надо семью на ноги поднять, сад вырастить. Чтоб не хуже, чем у Янгул-бая, был! Знаешь, немцы одними только садами...

Глава совета отмахнулся.

– Я на их капиталистическую гниль не заглядываюсь. А у таких, как Янгул-бай, дни сочтены уже.

– Довольно об этом. Подсаживайся ближе, чаю выпьем.

– Ну, рассказывай, Идрис, где бывал, что повидал.

– Что тут рассказывать, немецкая собака спасла.

– ?..

– Да, вытащила громадная овчарка, что должна была растерзать. Ее хозяин отправил меня в лазарет. Не хочется вспоминать...

– Я же пробовал подогнуть тебе березку – не согнулась, – начал было оправдываться Абдулла. Поняв неуместность своих слов, затараторил о другом: – А про Зулейху тогда сказал, чтоб только спасти тебя. Прямо как в старинном предании. Говорят, когда-то двое братьев вдвоем полезли на высокую скалу изловить орленка. Старший по веревке спустился внутрь скалы. А младший остался наверху с концом аркана. Старший положил орленка в мешок и начал подыматься. Веревка перетерлась о камни, возьми да и порвись. Ладно, тот успел ухватиться за краешек камня. Еще несколько минут – и упадет. А младший ему как закричит: «Вот и ладненько, брат, твоя женушка мне достанется». И спрятался. Старший изо всех сил начал карабкаться, цеплялся зубами-ногтями в каждый камушек – не хотел отдавать жену младшему брату. Старался-старался да и выбрался. Выскочил наружу, схватил братишку и скинул со скалы. Понял потом, в чем дело было, да поздно. Младший-то его подбодрить пытался. Что ему оставалось делать, веревка порвалась, а за руку не ухватишь...

Идрис ухмыльнулся. Хотел было спросить: «А кабы не собака в моем случае?», но сумел себя одернуть.

– Что было, то прошло, будем считать, ты для моего же спасения старался, и баста. Никаких обид. Зря себя не изводи.

– Врешь, Идрис, кипишь внутри, да не из тех ты, кто все наружу выплескивает. За этот нрав и уважаю тебя.

– Коль от чистого сердца говоришь, спасибо, конечно. Сказал же, забудем. Ты лучше выкладывай, когда женишься-то? – хозяин попытался сменить тему разговора.

– Да разве нынче женятся? Семья мешает революционной работе. А коли какой капиталист иль интервент голову подымет против Советов, я – туда, а семья тут, значит? Нет, не женюсь!

– А-а...

– Знаю, о чем ты. На одну ночь или на месяц я бабу всегда найду. Коли в руках власть и хлеб, девчонки сами прибегают.

– Как безбожник рассуждаешь, Абдулла.

– А ты все еще в прошлом остался. Нынче мы в совсем новой, свободной стране живем!

– От кого свободной-то? Я вижу только, что народ с голоду опух, детишек подкосило...

– А это, друг, из-за засухи. Еще, конечно, результат подрывной работы капиталистов, их подлости и шпионажа... А-а, что толку тебе объяснять...

– И правда, будто других слов нет, об одном лясы точим. Вот, гостинцев отведай.

Абдулла повертел в руках конфету в блестящей обертке и положил обратно. «Капиталисты это умеют, любую дрянь красиво завернут», – подумал он. Мол, хотя его сладостями задобрить...

– Гостинцы едал, Идрис, – сказал он и привстал с места. – Ты все-таки насчет председателя артели подумай, а? Смотри, Советская власть ответственное дело кому попало не поручит. Скажу в волости, что ты смелый солдат. А плен... Ничего, объясню, что и там дело пролетариата изучал. Вон Ленин тоже с немцами дружил...

– Ты меня пленом не подкалывай, Абдулла! По своей охоте туда никто не падает.

– А кто подкалывает? Говорю же, вождь наш тоже с немцами дружбу водил. Может, и к лучшему, что ты там был, все-таки мир повидал. Ладно, об артели подумай. Будущее все равно в руках артелей!

Как только за Абдуллой закрылась дверь, Идрис плюхнулся на лежанку. Зачем же приходил прежний друг – извиняться или задумал что-то? Артель, видишь ли... Разве Идрис после стольких мучений, после такой долгой дороги сунется в эти игры беснующихся? Упаси Аллах!

Словно еле дождавшись, пока за пришедшим захлопнется дверь, вбежал запыхавшийся Зариф.

– Атай, это самое...

– Что, сынок, испугался, кабы с отцом чего не случилось?

– Не-ет, атай, ты же сильный, – мальчик перевел дух. – Атай, на поле поросли вылезли, все мальчишки туда побежали. И взрослые тоже, даже мулла-бабай с Муратшой...

– Что вылезло? – Идрис понимал, что сын лопочет о чем-то очень важном для деревенских людей, но не знал, о каких «порослях» речь. – Улым, что, говоришь, вышло?

– Ну, вся пшеница, которую той весной сеяли, нынче всходить начала, зазеленела вся.

Почти сразу же вернулась Зулейха с малышкой и тоже радостно воскликнула:

– Знаешь, Идрис, поросли взошли! – она закружилась по дому. – Значит, живем, с голоду не помрем!

Поняв, в чем дело, Идрис обнял жену и детей.

– Вот так радость! – сказал он. Ему не хотелось огорчать своих домашних. – Только вот... будет ли прок от семян, коли они непроросшими лето и зиму пережили? Даже если колосья не пустые, большого урожая не жди. Заново сеять нужно...

Стало тихо, как в могиле. В глазах, только что искрившихся радостью, появились отблески уныния.

– Ч-что... П-пустые?

– Не горюйте, у нас есть деньги, посеем свежие семена. Что поросли взошли – хорошо, значит, земля нынче будет плодородной! Может, и правда семена хорошо сохранились, и ростки хорошие? Коли так, пшеницы вырастет во-о-от столько! – Он коснулся руками потолка. Мельком взглянул на своих детей. Пугающее уныние в их глазах постепенно исчезало, в глазах загорались искорки. – Айда, пошли на поле!

Край поля гудит, как улей. Детвора кидается комьями земли, взрослые поглаживают пробившиеся росточки, ложатся, чтобы обнять землю. В сторонке Муратша, Гайса-мулла, Исянгул, Кашфулла, еще несколько мужчин встали в круг.

На исхудавших бледных лицах чувство облегчения, в глазах играют отблески радости.

– Коли на то воля Аллаха, нынче год будет урожайный. Что б там ни было, будем верить, тугандар.

Мулла прочел молитву-пожелание. Его голос подрагивал. Голод не пощадил и старика – подумал каждый из собравшихся. Усы и борода, которые когда-то были ему к лицу, теперь словно наспех приклеены к заострившимся скулам; поверх длинных ровных пальцев будто натянули высушенную кожу, просвечивает каждый сустав; взгляд глубоко запавших глаз устремляется то на окружающих, то на горизонт – в неизвестность.

А со стороны аула не иссякает поток теней в обветшалых одеждах, медленно тянущихся к полю. Одним своим видом говоря «Мы тоже живы!», они, покачиваясь, с трудом поднялись на пригорок.

– Заодно и сход можно провести, – сказал Муратша. – Может, посоветуемся насчет весеннего сева?

Все завздохали. Многие отвернули лица в сторону, понурили головы. Будто вопрошали: «Ни кусочка еды, ни зернышка пшеницы, а ты нам о севе?» Забормотали наперебой:

– Помирать собирайся, а жито сей. Собрать все добро, самовары, монеты-подвески, да на базар!

– Зачем сеять, вот ведь прошлогодние взошли. Народу вдвое меньше стало, всем хватит...

Муратша и мулла не проронили ни слова. Молча размышляли, слушая других. Люди предлагали разное, но каждый думал, что привести к единому мнению, вынести решение должны именно эти двое. Прошедший голод окончательно уверил народ в этом. Однако в этот раз вышло иначе. Идрис кашлянул и, чуть выступив вперед, попросил слова у муллы.

– Давай, Идрис, ты мир повидал, наверняка найдется, к чему прислушаться, – отозвался Гайса-мулла. Все притихли. Стоявшие позади приблизились, наострив уши, заинтересованно поблескивая широко раскрытыми глазами, приоткрыв рты. «Ну, что скажет этот пленный, голода не выдавший?» – говорили их взгляды. «Видать, умничать будет, проку-то от его болтовни», – шурились другие.

– Братья, тут было мнение, что коли прошлогодний хлеб взошел, можно не сеять. Это не совсем верно. – Размышляя, стоит ли огорчать людей, Идрис окинул всех взглядом. – Даже если не все колосья будут пустые, хорошего урожая ждать не сможем. Какие еще в прошлом году проклюнулись, а какие...

Всех словно громом оглушило. Лишь спустя некоторое время собравшиеся взволнованно загалдели. Сжавшиеся кулаки рассекали воздух. Все разозлились на Идриса, будто именно он виноват в том, что колосья могут быть порожними.

– Тише, дайте дослушать человека. Пусть говорит!

– Да разве он голод видал?! Вон, кровь с молоком!

– Подтирал за немцем да вернулся, когда голод прошел, а еще поучать пытается.

Идрис стерпел. Стиснул зубы. Пожалел, что попросил слова. Лучше б уж послал их подальше да засеял свой участок: и на душе спокойно, и уши сплетен не услышат.

– Поймите, – начал он, когда собравшиеся смолкли, – может, и ростки хорошие будут, и колосья сытые, и урожай отменный. Хорошо бы, коли так было. Про-

сто остеречь хочу, чтоб и нынче не обманулись. Наверняка и Советы без помощи не оставят. Сделают, как за границей, – они там в кредит дают. По-нашему, в долг. Коли кредит на долгое время – окрепнуть сможете. И от долга быстро избавитесь. Однако, если семена получим, надо их посеять в землю все до зернышка. Из-за чего голодал-то наш народ? Да, продуктовый запас разграбили. Это одно. Но ведь, тугандар, и в нас самих беда. Не умеем о завтрашнем думать. Можно с сегодняшнего дня садами заняться или чем-то другим. Прошли те времена, когда только упованиями жили: мол, еда – от бая, смерть – от Аллаха. Что касается меня, я найду семена для сева. И лошадь куплю. Но голод одолеем, только когда за работу сообща возьмемся.

Когда Идрис договорил, наступила тишина. Каждый погрузился в раздумья.

– Может, и тебе есть что сказать? – Гайса-мулла взглянул на Муратшу. – Наверняка решил что-то, так доведи до народа.

– Идрис верно сказал. Тут и добавить нечего, – начал речь Муратша. – Я только одно предлагаю. Как бы там ни было, Советы помогут. Коли позабудут о своем народе, стало быть, бунт подымется. Кто б ни пришел к власти, нам надо сеять и жать. Нынче у меня хватит сил засеять пять-шесть десятин. – Он вспомнил свое зерно, которое берег всю зиму как зеницу ока. – Но этого мало, тугандар. Понадобится собрать все более-менее ценное, перебрать и поехать в город, на базар. Сколько пудов зерна сможем купить, столько и посеем. С тяпками, лопатами выйдем копать землю. Другого пути нет.

– Ку-ку... Ку-ку... Ку-ку...

Кукушечий голос словно ударил обухом: кто-то испуганно заозирался, кто-то попадал на спины, принялся, по обычаю, кувыркаться, кататься по земле. Муратша зажмурил глаза и опустил на корточки. Окунул руку в теплую землю. Захватил горсть. Открыл глаза. В ладони был росток! Ком земли был полон мелких корней, пуха, еще нескольких росточков! Он вспрыгнул и начал припевать, как малое дитя:

– У меня в ладони – росток! Росток! Ха-ха-ха... Росток!

Весь собравшийся люд сгреб по горстке земли. Рассматривали в ладонях и радостно осыпали ею друг друга. Обнимались. Изливали застывшие за зиму души, не могли совладать с заструившейся в иссохших телах жаждой жизни.

– Гляньте-ка, кукушка на нижнюю ветку уселась. Значит, будет дождь!

– На зеленой ветке сидит и кукует часто. Даст Аллах, год хороший будет.

– А я кукушку правым ухом услышал, к добру это, к добру, коли будет воля Аллаха.

Шум-гвалт не утихал. Но все разом насторожились, завидев скачущих из аула двоих всадников.

– Кто это может быть?

– Небось, опять из волости...

– Чтоб им пусто было, уже грабить нечего, а все разнохивают.

– Никак, один из них Абдулла?

– Он самый, – подтвердил Кашфулла. – Когда американские продукты забирал, слышал: ему и другим советским начальникам лошадей выдают.

Всех обуяла неясная тревога. Вид всадников со стороны аула внес смятение. Муратша старался выглядеть спокойным. Во всяком случае, не выдал волнения.

Чем ближе подъезжали всадники, тем тревожнее становилось Муратше, разные догадки вспыхивали в мозгу, тоскливо сжималось сердце.

– Кони Янгул-ба-ая... – проговорил Муратша нарочито громко. – Чистопородные башкирские лошади. Было время, его род тысячи голов держал...

Приблизившись, всадники натянули поводья.

– Здравствуйте, товарищи, – обратился к людям Абдулла, не сходя с лошади. – Почему посевной сход начали, власти не дождались?

Последние его слова прозвучали сухо и фальшиво, он явно хотел лишь порисоваться перед чиновником из волости. Так же прозвучало слово «товарищи». Кто-то оскалил зубы, кто-то вообще не понял его значения. У одного лишь Кашфуллы взгравшие чувства вырвались наружу.

– Маалейкум-ассалам*, Абдулла, – проговорил он и огляделся – мол, верно ли поддел. – Вроде как мужики да женщины собрались...

Всадники спешили. Приезжий чиновник подошел к недавно поднявшемуся холму большой могилы. Снял кожаную черную кепку с вшитой красной матерчатой звездой. Абдулла последовал его примеру. Взял в руки истрепанную буденовку и, склонив голову, тоже подошел к холму. Помолчав некоторое время, оба повернулись к народу.

– Давай, Абдулла Хызырович, держи речь. – Приезжий вскинул вверх кулак с зажатой в нем кепкой. – Скажи так, чтоб до каждого из этих пугал дошло. Пусть знают, до чего довели народ остатки буржуазии!

Абдулла деловито кашлянул. Шагнул вперед, выпятил грудь. И каким-то совершенно незнакомым, замогильным голосом начал свою речь:

– Товарищи! Э-э... Братья и сестры! Сейчас мы все должны стать опорой друг другу. Советская власть уравнила нас всех – и мужчин, и женщин, стало быть, мы все – тов-варищ-щи!

Его взгляд остановился на Кашфулле. Тот низко опустил голову и пробормotal: «Товарищи, конечно». И добавил так, чтобы расслышали другие: «Ага, товарищ... Коли надо, и клячу зятем назовешь. Мол, крестись, сынок, порадуй неверного...»

– А моя жена, к примеру, кто будет? – с любопытством спросил Исянгул. – Она тоже товарищ?

Абдулла запнулся, не найдя слов. Хорошо еще приезжий подоспел на подмогу.

– Не надо все на смех поднимать. Там, под землей, – ваши родственники! Кабы не империалистские шпионы и их здешние приспешники, Советская власть бы вас голодными не оставила. – Видимо, почувствовав, что перебарщивает, приезжий поспешил загладить свои слова. – Жену русские называют «спутница жизни», то бишь «тормош юлдашы». Если мусульманам это не нравится, есть выражение «товарищ по жизни», «тормош иптэше». А слово «жена» женщину унижает. «Тормош иптэше» звучит по-новому, означает, что мы равноправны.

Муратша не выдержал и рассмеялся.

– А если родит не жена – «халяль ефет», а, по-вашему, «товарищ», значит, ребенок-то незаконнорожденный будет?

Толпа, чутко следящая за реакцией Муратши и муллы, оживилась. Кто-то нашел в себе силы улыбнуться, похихикать, кто-то забормotal «тауба-тауба», некоторые вполголоса принялись читать суры Корана.

Абдулла потерял дар речи. Грудь, только что выпяченная, как у молодого петуха перед залившимся криком, опала. Помяв в руках буденовку, нахлобучил ее на голову.

* Нарочито неправильное произношение традиционного ответного приветствия мусульман «Маалейкум-ассалам!» («Да будет с тобой мир!»).

– Может, лучше вы скажете, товарищ Садриев, ваше-то слово доходчивей.

Приезжий не заставил себя упрашивать. Нагнувшись, взял горсть земли, с важным видом поглядел на зеленеющие проростки, потом на припекающее в небе солнце. Его движения приковали внимание: создалось впечатление, будто каждое его слово полно необъяснимо глубокого смысла. Он неспешно начал речь:

– Да-а... И чему же вы радуетесь? – Приезжий старался обжечь каждого взглядом, заставить всех смотреть себе в рот. – Главное, чтоб радость стала не такой, как эти поросли. Возможно, они и нальются колосьями, но, доверившись обещаниям буржуазной гнили, не согнуться бы вам снова от голода. – Головы совсем понурились, рты растерянно приоткрылись. – На следующий год не только сами замучаетесь от голода, но и рабочих Питера страдать заставите, а там и до бунта недалеко. Буржуйское отродье и религиозные прихвостни того и ждут. И все-таки сдаваться нельзя. Хочу сказать, товарищи, не волнуйтесь напрасно. Советская власть теперь бедного крестьянина голодным не оставит. Вот сегодня мы доставили из центра хорошую новость: вам для сева будет выделено немного семян. Конечно, раздадут в долг, в счет будущего урожая. Нужно быть за это признательным и благодарить Советскую власть. Кстати, мой помощник – из вашего аула. Думаю, вы все его знаете.

– Как не знать, это большевик, который вырос здесь, растерял здоровье в борьбе с врагами Советской власти, а вернувшись, был изувечен ими и вынужден был уйти, – встрял Абдулла.

Со стороны аула показался еще один всадник. Это был Вильдан. Да, тот самый Вильдан, которому прошлым летом за украденную корову Зулейхи отрезали кисть руки, избили и выгнали из аула. Народ сперва сердито загудел. Однако, когда племенной жеребец Янгул-бая, весь в пене, затоптался, взмывая вверх передние копыта, рассмотревшие всадника люди враз замолчали.

Наступила могильная тишина.

– Здравствуйте, земляки! – Вильдан, натянув правой рукой поводья, взгляделся в толпу и спрыгнул на землю. – Вот, вы не ждали, а возвратился я! Чтоб научить темных земляков из своего аула жить по-новому, чтоб укрепить новую власть!

Народ оторопел. Люди во все глаза смотрели на соседей: мол, что это? И с поникшими головами, мрачней лицами, осозная, что новые времена обещают быть хлеще голода, медленно двинулись в сторону аула. Ни мулла, ни Муратша не проронили и слова. Так и застыли на краю поля. Там же остались Исянгул, Идрис, Абдулла, Садриев, Вильдан и Кашфулла.

Не успели люди разойтись по домам, как снова высыпали на улицу.

– Ту-уча! Ту-уча!

– Лишь бы не к бедам опять, о Аллах...

– Не опасайтесь почем зря, раз уж Советы обещали семена, будем лучшего ждать.

– Не к добру, конечно, что молния без грома сухую землю колотит, но ведь и туча есть!

Поднялась буря, предвестник губительных ураганов: взвила в воздух песок и пыль, собранные в пути, закидала землей плоские кровли домов, захлопала дверьми, заставила свистеть вздувшиеся перепонки окон, закачала фигурки ослабевших людей. Некоторые, спотыкаясь, пытались шагать к своим домам, кто-то вцепился в воротные столбы, кто на карачках, кто ползком тщились уйти в сторону. Из тех, кто стоял на краю поля, трое – представители Советов – вскочили на лошадей и умчались в аул. Остальные сели кружком и, чтобы не поддаться беснующейся стихии, крепко обхватили друг друга...

КНИГА ВТОРАЯ

СОН

1932 год, апрель

Кашфулла от души потянулся, едва не вывихнув суставы рук. Словно сказочный дракон, силящийся проглотить весь мир, широко распахнул рот и сладко зевнул. Медленно обвел глазами убранство дома. В лучах солнца, пробившихся через дверную щель, кружатся пылинки, играя радужными цветами. Они то поднимаются ввысь, как вспорхнувшие бабочки, то снежинками опадают на пол. Наверняка его Хаерниса, покуда Кашфулла спал, подмела пол метелкой из полыни – в доме все еще витает горьковатый запах. Он вместе с неумемной пылью щекочет ему ноздри, заставляет часто дышать, набивается в нос...

– Ох, втолковал бы я этой бестолковой Хаернисе... Нашла время пол мести!

Кабы в эту минуту жена стояла рядом, сейчас бы засуетилась, бормоча свои пожелания: «Баракаллаху*», старичок. Ты прям как дитя малое чихаешь. Пусть к здоровью, силушке, богатству...»

А Кашфулла бы равнодушно пробубнил: «Верно, здоровьем Бог не обидел. А богатство – дело наживное, приходит да уходит».

«Кстати, насчет богатства, а ведь слова этого советского начальника Абдуллы вроде как сбываются... Вот шельмец: был беднее Кашфуллы, а теперь что выделяет! Нынче и говорит иначе, чем восемь лет тому назад, во время голода, даже Муратше, прежде самому большому авторитету аула, рубит правду в лицо. Мало того, настолько близко сошелся с приехавшим к нему на подмогу одноруким Вильданом – не разлей вода. Соберут какой-нибудь сход, и давай пылкие речи толкать: как жить по-новому, как Советы бедным помогают, что время настало от артелей к колхозам переходить, что надо бороться с противниками нового обустройства. А их слова подхватывают те, кто себя комсомолом кличет, – Мансур, сын покойного Исмагила, да кучка примкнувших к нему парней».

Не успел Абдулла сослать муллу в Сибирь, как уже и семью его норовит отправить туда же. «Загнившему набожному щенку считанные дни остались, не сегодня, так завтра на корню изведем», – бахвалится он. Запросто может. Ведь вон сыну Кашфуллы Хисаму в школе однажды на шею красную тряпку повязали. Точь-в-точь ошейник для тельца, чтоб не потерялся. Как их там, пионеры, что ли? Мальчуган и рад: «Мы, – говорит, атай, строители социализма». Будто и не от Кашфуллы с Хаернисой родился. Не скажешь даже, что недавно двенадцать стукнуло сопляку. «Ладно, улым, стройте, стройте, у строителей-то денег побольше бывает», – сказал тогда сыну отец и призадумался.

Кашфулла почувствовал, что тихонько уносится в дрему. Видится ему, будто бы они с Хисамом набрали у берега Кэрелек глины и строят новый саманный дом. Сын работает споро, умело – залюбуешься. Оно и ясно, весь в отца! Счастье отцу, коли сын будет на него похож, – голодным и нищим не останется. Пусть что хочет на шею завязывает, лишь бы ремесло знал. Какое время – такое и племя, вот научится строить «социализм», тогда и за дома возьмется. Ты погляди, как мастерски саман лепит! Ба, вроде как рядом с Хисамом еще кто-то виднеется? Сам волосатый, позади ослиный хвост, и уши совсем как у осла, на котором проезжал как-то один

* Баракаллаху (араб.) – пожелание божественной благодати.

странник, попавший в их края. Полепит малость саман и кружится вокруг его сына. Руки такие ловкие, так и мелькают. Ой, никак они с сыном обнимаются? И правда, крепко сдружились, видать. Ну и шут с ним, в выгодном деле и с самим шайтаном сдружиться можно...

Кашфулла сжал губы, отгоняя муху, севшую на краешек рта, и, бормоча, снова окунулся в дрему...

Вот они с Хисамом на дальнем лугу, откуда ручейком вытекает Кэрелек, сметали много стогов сена. Зимой их надо привезти домой. Отец с сыном тянут эти стога на самой лучшей из лошадей Муратши – тяжеловозе, купленном где-то за тридевять земель, у удмуртов. Хисам сидит верхом на ней и кричит отставшему Кашфулле: «Атай, поживее, давай цепляйся за стог! Теперь это наша лошадь!..» Голос звенит на весь Кэрелек. Чтоб лошади было легче тянуть стог, Хисам волочит его через лед. Лед так крепок, даже не скрипит. Что за невидаль – в привезенном стогу не сено, а желтая-прежелтая солома! Ну, напрасно он беспокоится, сгодится и солома. Такую крышу за версту увидят...

Со скрипом открылась дверь. Кашфулле этот звук показался чьим-то визгом или воем. Сон и явь перемешались: подававший на крышу солому Хисам скатился на землю, огромная лошадь-тяжеловоз заржала и помчалась...

– О Аллах, разбудила...

Хаерниса съезжилась и застыла, ожидая, когда муж обрушит на нее свою брань. Кашфулла никогда в жизни не матерился, но умел быть едким. Бывает, так завернет, будто ножом полоснет. Вот и нынче... Хаерниса зажмурилась, прикрыла уши руками...

– Уж сколько талдычу, и никак не дойдет до твоей башки, что нельзя скрипеть дверью. – Кашфулла медленно поднялся и присел на лежанке, хлопнул ладонями по коленям.

Хаерниса открыла глаза. Губы мужа сердито сжаты. Гнев еще не остыл, стало быть, подумала она. Сняла бешмет и, то ли из желания утешить мужа, то ли себе в оправдание, сказала:

– И у ермолаевского русского масло для телеги кончилось небось...

– Ага, даст он тебе теперь масла! Вон, скажет, у артели своей проси. – Кашфулла погрузился в свои мысли. Они то уносили в прошлое, то возвращали в день нынешний. – Да, были хорошие времена – сдашь землю в аренду и горя не знаешь: конечно, не разжиреешь, но и с голоду не помрешь, шубу не купишь, а на бешмет хватит.

– Верно, верно говоришь... – подхватила Хаерниса. – Было бы хоть немного масла для смазки, дверь бы не беспокоила. От артели ничего не получишь...

– Чтобы взять, надо ведь, чтоб оно там было! – Кашфулла вскинулся, поражаясь несознательности жены, и, поглядев на нее, махнул рукой. – Ай, пусть катится ко всем чертям, поскрипит да перестанет когда-нибудь.

Облегченно вздохнув, Хаерниса захлопотала возле самовара. Пока чай закипал, Кашфулла опять растянулся на лежанке. Перед глазами незамедлительно пронесся недавний сон. К чему бы это?

– Хаерниса, а, Хаерниса... – увидев, что она встрепенулась, он продолжил: – Я тут сон видел, маюсь теперь, не знаю, как растолковать.

Кашфулла рассказал все, что осталось в памяти от сна. Ждал, как жена разъярит его. Что ни говори, ведь частенько захаживала к старухе Хадисе, пока не настал голод, покуда та не продала душу дьяволу.

– Та старуха, уф, не хочется по имени называть... Давай сделаем так: вспомним не бесовское обличье Хадисы, а то, что повитухою была, так и будем думать, ладно? Женщина мгновенно посветлела лицом.

– И вправду, ведь она повитухой была. Всем нам пуповину перерезала, даже Хисаму...

– Вот-вот. Кабы не проклятый голод, и после смерти поминали бы ее как повитуху, как «ак инэй»*. А теперь попробуй-ка немножко распустить клубок памяти. Кабы ты этот сон бабке Хадисе рассказала, как бы она растолковала его, а?

– То, что во сне усердно работали, – это к добру, а вот шайтан...

– Тоже к добру, к чему же еще? Больно рьяно работали, потому и приснился. – Кашфуллу настораживал этот шайтан. Потому он поспешил поторопить жену: – Давай продолжай!

– Сено... Это к богатству! – У Хаернисы загорелись глаза. – А то, что по толстому льду ходили... Верно, означает, что нельзя из кожи вон лезть из-за чего-то, коли все равно этого не добьешься.

– Как это не добьешься? – Кашфулла разгорячился. – Стог везти – значит, богатство добыть, не так разве?

– Ладно, не буду тогда толковать. – Женщина обиженно нахмурилась. – Сам же попросил...

– Тебе слова не скажи – обижаешься. Ну-ка, попробуй дальше разъяснить, прикинем потом, что сбудется. Вообще-то я в сны не больно верю...

Странный сон заставил Кашфуллу изнывать от любопытства. Особенно волновал стог сена – знак большого богатства. Любопытно, откуда оно свалится – найдет целый горшок золота или сын, Хисам, вырастет и станет купцом-богачем? Интересно все ж таки.

– Саман лепить... Не прибыльное это дело, муженек. А вот лошадь, особенно тяжеловоз, – к удаче.

– Так-так-так... Говорю же, к богатству. Толкуй, толкуй... – Кашфулла сказал это так радостно, будто вот-вот распахнет дверь – и предстанут перед ним сказочные красавицы с подносами, полными золота и серебра. Войдут, завалят избу сокровищами и уйдут.

– Вот и все, остальное пусть тоже к добру будет, – сказала женщина и присела рядом с мужем.

Кашфулла хорошо понимал, что под «остальным» она подразумевает шайтана.

– Ты все-таки скажи, чтоб в душе-то камушек не оставался: к чему бы то, что Хисам во сне с шайтаном сдружился?

Глядевшая в устье печи Хаерниса безучастно и сухо ответила:

– Во сне сдружиться с бесами – значит, в грехе увязнуть... А то, что лошадь вырвалась и убежала, – к потере удачи. К тому же, говоришь, Хисам с крыши упал... – Женщина говорила, словно в забытьи, для нее в этот миг даже Кашфуллы не было рядом. – Может, говорю, муженек, не к добру, что наш Хисам за этими комсомолами увязался? Они ведь не то что муллу, даже Аллаха задеть норовят...

– А где сейчас Хисам? – тихо спросил у жены Кашфулла.

– Видать, опять возле сына Исмагила крутится. Не отстает ведь, всюду за ними ходит... – Хаерниса помолчала. Затем, то ли вспомнив о самоваре, то ли желая поднять мужу настроение, резко вскочила.

* Ак инэй (башк.) – у башкир обозначает одну из самых мудрых, уважаемых женщин рода, с мнением которой считаются не только дети, молодые люди, но и почтенные мужи.

– Не будем-ка попусту горевать, словно в воду опущенные. Какой бы сон ни увидел – надо в лучшее верить. У сна ведь шея тонкая, что лыко. Растолкуешь к добру – победит хорошая сторона, будешь дурного ждать – дурная сторона осилит. Потому и нельзя рассказывать о нем кому попало. Мы с тобой знаем – и хватит на этом.

Кашфулла восхитился мудростью своей жены. Полушутя, полусерьезно сказал ей:

– Тебе бы знахарством заниматься и повитухой стать. А то люди голод пережили, и давай на радостях детей строгать, как зайцы.

– Видать, нарочно так говоришь, раз я больше родить не могу, – ответила Хаерниса и тяжело вздохнула. – Кабы не голод этот, не заболела бы, рожала бы тебе сыновей одного за другим...

– Не-ет, родная, я вовсе не это сказать хотел. Язык без костей, пока голова скумекает, он и лопочет себе, – принялся оправдываться Кашфулла. – Нам на смену и одного сына, слава Аллаху, достаточно, лишь бы здоров был. Вон ведь, двенадцать лет всего, а уже социализм собирается строить!

– Это-то и пугает...

– Не пугайся, он дитя времени! Хватит и того, что мы с тобой всю жизнь спины гнули. С одной стороны, верно говорит Абдулла: муллы живут припеваючи, и Муратша незнамо кого из себя строит. Даже Исянгул этот и пленный Идрис...

Хаерниса хотела было напомнить мужу: «Да ведь они днем и ночью работают. А Идрис с Исянгулом даже сады начали выращивать, как русские», – но передумала.

СЮЮНЧЕ

«В 1926 году мы сумели заготовить к 1 апреля 434 млн. пудов хлеба. Из них вывезли за границу 123 млн. пудов. Оставалось, следовательно, в стране заготовленного хлеба 311 млн. пудов. В 1927 году мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 596 млн. пудов. Из них вывезли за границу 153 млн. пудов. Оставалось в стране заготовленного хлеба 443 млн. пудов. В 1928 году мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 576 млн. пудов. Из них вывезли за границу 27 млн. пудов. Осталось в стране заготовленного хлеба 549 млн. пудов. Иначе говоря, мы имели в этом году к 1 апреля заготовленного хлеба для потребностей страны на 100 млн. пудов больше, чем в прошлом году, и на 230 млн. пудов больше, чем в позапрошлом году. И все-таки мы имеем в этом году затруднения на хлебном фронте. Я уже говорил в одном из своих докладов, что эти затруднения были использованы капиталистическими элементами деревни и прежде всего кулаками для того, чтобы сорвать советскую хозяйственную политику. Вы знаете, что Советская власть предприняла ряд мер, имеющих своей целью ликвидировать антисоветское выступление кулачества...»

– Это-то мы знаем, товарищ Сталин, знаем... – Абдулла неожиданно для самого себя заговорил со Сталиным вслух. Походил взад-вперед по комнате. Подошел к столу, накрытому красной материей, и, опершись руками, повернул голову к двери. – Очень верно вы пишете, уважаемый глава государства, товарищ великий Сталин. Только вот не видно из Москвы врагов страны, капиталистических выродков – кулаков с наших берегов Кэрелек, Иргиза и Кэмелек...

«Ну а вы что делаете? Вы лично, товарищ председатель сельсовета? А руководитель артели? Вильдан-то куда смотрит?» Абдулла вздрогнул, услышав голос, идущий то ли с неба, то ли из-под земли. «ТЬфу-тьфу-тьфу», – он поплевал в разные стороны. Тут же завидев в этом пережиток прошлого, дрогнул всем телом и грохнул

кулаком по столу, смачно выругался. Ополоснул лицо водой из рукомойника за печью и залпом выпил полстакана оберегаемого от чужих глаз самогона.

– Фу-у, проклятая, сколько ни пьешь, все равно горькая... – он понюхал свой рукав, закусил сухой краюхой из ящика стола, поворочал хлеб во рту. – Хо-о... Ну и режет! Из сил выбиваешься ради народа и Советской власти, черт-те что мерещится, так и подохнуть недолго. Не прочитаешь – тоже плохо. Как ни поедешь в волость (скоро вроде в район переименуют), только и твердят: «Учиться, учиться и учиться!» Без этого никак, оно и понятно, неграмотные люди не то что страной, даже аульскими невеждами управлять не смогут.

Абдулла снова взял в руки газету «Правда», вышедшую уже четыре года назад, 2 июня 1928 года. Читая каждое предложение, по-своему растолковывал его себе, составлял свое суждение.

«Выход – в переходе от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, к общественному хозяйству в земледелии. К организации колхозов Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции. С тех пор пропаганда идеи колхозов не прекращалась у нас в партии. Однако призыв к строительству колхозов нашел массовый отклик лишь в последнее время...»

– Очень, очень верно говорите, товарищ Сталин. – Абдулла с наслаждением потянулся. Хмель, вначале обжегший нутро, понесся в голову, даря усладу телу. Хор-р-рошо! В мозгу будто что-то с клеточкой закипело, увереннее ворочая жернова мыслей. «Все верно, дело строительства колхозов стало хорошо восприниматься беднотой. Но такие кулаки, как Муратша, суют палки в колеса общему делу. Сопротивляется и хозяйничающий в одиночку непоседа Исянгул. А Идрис возмечтал свой сад устроить. Только тем и занимается. Глядя на него, другие начали сажать картошку. А чтобы бедняка завлечь в строящийся колхоз, надо, чтобы он оставался бедным, пусть не работает на себя, а приходит в колхоз, в сельсовет. Не нужно, чтоб он на ноги встал, чтоб зажиточным был. Коли окрепнет, на себя работая, в сторону колхоза и глядеть не захочет».

Полы чулана заскрипели под тяжестью грузного тела. Вслед за ними пронзительно засвистели несмазанные дверные петли. В дом Совета вошел однорукый Вильдан. Видно, что выбился из сил, но рот до самых ушей.

– Суюнче! – выпалил он. – Суюнче, пляши или частушку спой...

Абдулла растерялся, не зная, как воспринять выходку вошедшего. Лучшее майским солнцем лицо человека, доселе всегда серьезного, живущего со скрытым гневом, сияющего отомстить виновным в своем увечье, удивляло и пугало одновременно.

– Что выискал такого, чтоб плясать, как гусак возле гусят? – спросил Абдулла, собравшись с мыслями.

– Ага, сперва спляши!

– Ладно, сплясать не спляшу, вон там за печкой хохлацкий самогон есть – принеси, налью.

– Ты меня знаешь, я к этому не особо... – Вильдан поколебался немного, хлопнул одной рукой по ногам, махнул покалеченной рукой. – Ну да ладно, дело святое, за такую весть и налить можешь, разве на войне да с партизанами мало попивал да с бабами без никаха мало спал...

Абдулла довольно осклабился. И самому не раз доводилось на войне хохлацких и белорусских девчат да баб где попало лапать. А в голод? Разве мало прошло через его руки девушек из его и близлежащих аулов, с торчащими с голоду ребрами, с

исхудавшими грудями, но с пылкими юными телами?! Сколько грехов набралось – неизвестно, однако не раз в жизни получал он удовольствие от своей дикой необузданности. Вряд ли женщины, напуганные видом оголодавшего во всех смыслах вооруженного солдата с озверелым взглядом, в грязной, пропитанной потом одежде, испытывали что-то, кроме ужаса; да и девушки, пытающиеся спасти пухнувших от голода матерей и семьи, переступали его порог не из-за распутства и безнравственности. Мужику, не верящему в Бога, это безразлично. Главное – чтоб сам доволен остался. Есть у него и оправдание: ведь бабы с хуторов, где проходил фронт, не сопротивлялись, и здешние девчата сами бежали к нему, стоило показать краюху хлеба... Одна лишь Зулейха, о-о, эта Зулейха-а...

Его прежнее юношеское чувство к Зулейхе переросло теперь в черную ненависть. Да, в ненависть. Он ее ненавидит, ненави-и-идит...

Из-за печи показалась поднятая с бутылкой рука Вильдана. Потом вышел и сам.

– Ну давай, налей обоим и выкладывай суюнче! – сухогато бросил Абдулла. Не терпелось узнать, что утаивает однорукый.

Вильдан достал из-под рубахи засунутую за пояс бумагу. Подождал, пока Абдулла пробежится по ней глазами. Тот онемел.

– Отк-к-куда, у к-кого достал? – запинаясь, проговорил он, уставившись на Вильдана.

– Из волости, откуда еще – ой, то есть, с района. Нашел повод в центр смотаться. Садриев вызвал и велел тебе отдать. Не сдержался, прочел.

– Плохо, что не сдержался. А вот за весть хорошую налей до краев и себе, и мне! – Глава Совета обнял председателя артели. – Молодец!

Когда стаканы опустели, Абдулла снова взглянул на бумагу. Там было велено ускорить строительство колхоза, составить список сопротивляющихся и предоставить в район.

– Вот это по-нашему, как мы и хотели, друг Вильдан! Зря, что ли, мы с тобой в холодных окопах за эту жизнь боролись? Напрасно, что ли, здесь Советскую власть установили и артель строили? Нынче и таким, как Муратша, считанные дни остались. С двадцать восьмого, поди, уже и труп Гайсы-муллы сгнил давно. Таких долго не держат, сразу к стенке. Вон ведь сам Сталин что сказал: «Продолжить давление на кулаков! Применять для кулацких слоев повышенную прогрессию налога!» Понял, товарищ председатель артели?

Вильдан на всякий случай тряхнул головой. Понял лишь одно: настает время поквитаться с Муратшой и ему подобными.

– Увеличим им с района налог, а коли не выплатят, против колхоза будут, – вон из аула. – Абдулла от души потянулся. – А уж потом, дружище, раздадим их скарб, в дом Муратши перенесем дом Совета. А в доме муллы школу откроем. Вот так-то, председатель артели, будущий председатель колхоза!

Тот все еще не мог уразуметь.

– А с законом как, кто право-то даст их добро отымать?

– Советская власть, кто же еще?! Вон, отняли же у русских помещиков: ни мельниц, ни маслобойных заводов не осталось. А чем башкир хуже русского? У нас своих спиногрызов полно. Тот же Муратша сотни десятин земли занимает, непоседа Исянгул после нэпа совсем разжирел, Идрис от голода в плену прятался, а как вернулся, в земле ковыряется, о саде мечтает, видите ли. Да просто детей своих мучает и жену эксплуатирует. Нынче женщина должна жить свободно, что хочет, то и делать может. А они...

– Тебе видней, ты давно уже на партийной работе, – сказал Вильдан. – Впрочем, и я партизан...

Абдулла взглянул на него исподлобья. «Честнее тебя большевика не было бы, кабы в голодное время чужую корову не зарезал», – прочел в его взгляде Вильдан.

ПОДПИСЬ

Вильдан всю ночь не мог уснуть. Ворочался, вставал, выходил на улицу. Уж сколько ночей нет покоя у него на душе: гложет, обжигает, душит... Особенно после того, как посадили в телегу семью муллы – престарелую старшую жену и молодую жену средних лет, малолетних ее детей с махоньким узелком, и отняли дом, скарб и всю скотину. Самого Гайсу-муллу увели еще в 1928 году. Из центра прибыли трое солдат, схватили его, будто дезертира, и увели под дулом ружья. Народ собирать, сход зазывать да речи толкать не стали. Просто вызвали троих коммунистов, активистов... и все на этом. Абдулле и рассыльному Саиту велели подписать какую-то бумагу. Третьим был Вильдан. Сам ставит подпись, а увечная рука дрожит. Впервые в жизни дрожала его рука. Не дрогнула, когда первый раз на войне направил ружье на немца и нажал на курок, не дрожала и тогда, когда, будучи партизаном, стрелял в белых (а в голове пронеслась мысль – возможно, это твой родственник или односельчанин!). А тут задрожала. Позже пытался себя успокоить: «Не может мулла быть другом большевику. А коли не друг и не родственник – выходит, враг». Не вышло. Казалось, какой-то голос изнутри, из глубин сознания, твердил ему: «Ты, дьявол, своими руками вынес приговор верующему человеку, человеку на пути Аллаха. А ведь когда тебя должны были забить камнями за воровство, именно он спас тебя от смерти».

Ох, воровство... Нет, ни в муллу, ни в Аллаха не верит Вильдан. Однако как объяснить самому себе, отчего он, с детства нанимавшийся пасти скот, даже в самые голодные дни не коснувшийся ни кусочка чужого хлеба, позарился вдруг на единственную корову своей родни?! Что нашло на него тогда: наущение дьявола или не выдержал воя голодных волков в животе – не понять до сих пор. Нет, не по-людски поступил Вильдан, не по-большевистски!

Не по-большевистски... А разве нынешнее изгнание семьи муллы из аула и изъятие их имущества не равно давешней краже коровы у Зулейхи? Отнять дом, построенный еще отцом и дедами Гайсы-муллы, разбазарить накопленное поколениями имущество – да разве это не побольше, чем корова, будет?! Зарезать чужую корову – незаконно, а разграбить честно накопленное имущество – законно. Не поймешь...

Ох, эти взгляды: взгляд муллы, уже еле двигающегося, глаза его жен и детей...

Иногда Вильдан даже подумывает: и зачем только его не забили тогда камнями? Не испытал бы такого позора... А внутренний голос отвечает: кто бы тогда за твоими детьми смотрел? И не смогли бы родиться нынешние... Однако такой ответ не успокаивал душу, не утолял его жажду, давал облегчение лишь на время. Совсем как прежде, когда пил травы, приготовленные старухой Хадисой: унимает боль, казалось бы, лечит, но спустя немного времени душа и тело снова требуют этой настойки.

Ответ он услышал четыре года назад от того же Гайсы-муллы. Перед тем, как солдаты вывели его из сельсовета, мулла резко обернулся и обратился к ним:

– Братишки, наверно, не увидимся больше, разрешите хотя бы вам троим сказать последнее слово.

Все насмешливо ухмыльнулись. Лишь только рассылный, а говоря по-новому, секретарь Сайт и Вильдан стояли молча. Показалось, мулла вот-вот скажет что-то такое, отчего дрогнет все сущее.

– Ну, говори, старикашка, только Аллаха не впутывай, большевики в него все равно не верят, – процедил Абдулла. – Ну и где этот Аллах, которому ты всю жизнь поклонялся, твой Бог, которому русские молятся?

– Ты Аллаха не оскверняй, Абдулла. Не о том мое слово. Впрочем, тебе, похоже, бесполезно говорить. Коли человек от своих родных отрекся, других и подавно не поймет, не оценит. К тебе обращаюсь, Сайт-кустым. Ты человек честный, только мнения своего не имеешь. Поручения исполняешь, тем и живешь. Греха нет, дозволенное Аллахом дело. Но все дело в том, кому служить. Подумай об этом. – Мулла помолчал. – Кабы хорошему человеку служил, было бы благом, а так только грехи копишь...

– Ну-ну, говори, интересно. – Абдулла принялся сворачивать сигарку. – Не останавливайся, вон скажи и про красного партизана Вильдана, которому ты руку отрезать велел. Валяй, мулла-абзый, времени у тебя мало.

– Твою руку не я отрезать велел, Вильдан-кустым, сыздавна так поступали. Коли в чем-то ошибался, не у похитителя чужого скота прощения просить буду, Аллах сам рассудит. Тебе могу сказать одно: ты тоже честный человек, хотя в тот раз чужое тронул. Благодарю Аллаха, что сегодня жив, и покайся. То, что тогда тебя тогда камнями насмерть не закидали, – только по воле Всевышнего. Аллах оставил тебе жизнь, чтоб ты прежние грехи искупил. Ты это пойми. Чтоб больше в грехе не увязнуть, остаток жизни в раскаянии провести. Коли снова на грех пойдешь, прежние умножатся, не только сам, даже дети твои его не смоют, на свой род проклятье навлечешь. А его смыть, кустым, ой-ой...

Эти слова не давали Вильдану покоя. Хлестали его по сердцу. Сколько бы он ни твердил, что он-де большевик, не верит в Аллаха, но не мог избавиться от собственной природы, от того, что за тысячелетия впиталось в кровь его предков. Язык произносит: «Не верю», а где-то в глубине внутренний голос шепчет: «Покайся, даже не думай об этом, не впадай в грех из-за этой дьявольщины». И сейчас этот голос говорит ему: «Разве и твоя подпись не была большим грехом, разве и ты не точил нож на муллу?!»

А ведь его подпись завертела точило для ножа не только против Гайсы-муллы, но и его стареющей старшей жены, младшей жены в самом расцвете ее материнства и двух малых детишек. Нынче семью муллы в Сибирь сослали, а завтра кого?

Грех... Вильдан помнит, как в партизанах они ходили «зачищать» одну русскую деревню от белых. Деревенька была почти пуста, все сбежали. В такое время особенно тщательно прячут девушек и молодых женщин. В самой деревне сражения не было. То ли командир белых был расчетлив, то ли боевая позиция того требовала, однако разведка доложила о размещении остатков белого отряда вдали от деревни.

Бой был жесток. С обеих сторон пролилось много крови, много душ было загублено. Все это было привычно Вильдану. Лишь одно никак не дает покоя. Основная сила белых была уже уничтожена. Из оставшихся кое-кто спрятался в лесу, а кто-то... Эх, кабы не было этого «кого-то»... Один не отошел от своей запряженной лошади. Обнял лошадь за голову и стоит. Вильдан, мчащийся верхом, в запале и горячности поднял саблю. И увидел: совсем еще юный паренек умоляюще смотрит на него голубыми глазами, губы подрагивают... Вильдан вскинул саблю, но не смог ее удержать в этом положении. Мысль об этом пареньке всего на какую-то долю

мгновения не успела дойти до его мозга. Сабля опустилась. Ах... По лицу паренька вначале пролегла почти незаметная линия, а затем она начала алеть и шириться. Эх, война...

После того случая Вильдан снял со своей папахи косую красную ленту. Она была как след сабли на лице того мальчика...

Подпись на белой бумаге, поставленная четыре года назад, разлучила с родной землей муллу, а несколько дней тому назад – его семью. Всего один росчерк, всего-то... Словно следы чернил из-под пера – капли крови от почти невидимого следа сабли. И ширится этот след день ото дня. Сердце сорвалось с места и не находит дороги обратно. И будто всей его сущностью, каждой его клеточкой с каждым днем все сильнее завладевает дьявол.

СЕВ, ИЛИ «ШАГ УСКОРИШЬ – ЛОШАДЬ ВСПОТЕЕТ»

1932 год, май

Артель «Кэрелек» приступила к севу поздно. Около пятнадцати семей объединили имеющиеся плуги, деревянные грабли и дружно принялись за работу. Сколотили артель наподобие колхоза. На дюжину с лишним семей пришлось четыре лошади, коров было всего пять. Их закрыли в пустом сарае покойного старосты. Приходили ухаживать за ними по очереди. Овцы остались в своих сараях. Так начали свою работу члены артели. Вильдана выбрали председателем. Его обязанность – подгонять тех, кто уваливает от работы, находить и чинить рабочие инструменты, договариваться и привозить семена для сева. К тому же, коли потом возникнет колхоз, эти самые артельщики станут его костяком. Нынче, в разговоре перед началом сева, толковали об этом.

– Видать, последний раз артелью сеем, агай-эне, – начал Вильдан. – Скоро колхозы организуют. А в колхозе и работать легче да веселее...

– Ну и какая разница между колхозом и артелью? – полюбопытствовал Кашфулла.

«В каждую бочку затычка!» – чертыхнулся про себя Вильдан. Откуда ему знать, в чем разница? Однако прослыть неучем не хотелось, и он повторил то, что слышал от Абдуллы:

– Подыдемся на ступеньку социализма повыше. Объединим артели и построим большой колхоз. Ну а потом государство даст семян для сева, даже трактор...

– Ого-о-о... – протянул кто-то.

– Да-а... – подхватил второй.

– Не может быть! – усомнился третий.

– Как не может? Раз товарищ Сталин сказал, все так и будет! – То был Кашфулла. Словно испытывая Вильдана, он снова задал вопрос: – Вильдан, мой мальчонка прямо-таки бредит этим со-соци... ох, понял, в общем. Ты скажи, в это время деньги будут?

Все опешили: с одной стороны, подивились рассудительности Кашфуллы, с другой – оживленно ждали ответа. И вправду, будут ли деньги на следующей ступени социализма? Вильдан запнулся. Ну и язык у этого Кашфи! Но делать нечего, вопрос задан, придется отыскать ответ, да такой, чтобы хорошей отповедью Кашфулле стал.

– Для политически безграмотных поясню, – это явно было сказано нарочно для Кашфуллы, – будут ли деньги при развитии социализме и коммунизме... Ну, у кого деньги есть, у того будут, а у кого их нет – не будет...

Все озадачились. Выходит, у таких, как Муратша, будут, а у таких, как Кашфулла, – нет? Тогда к чему вообще колхоз?

– Политически безграмотным поясню еще раз: у кого денег нет, идет в лавку и просто под расписку берет нужную вещь.

– Как это под расписку?

– В долг, что ли?

Вильдан вконец запутался.

– Вот тебе, Кашфи, коли нужно конфет и чая, идешь и берешь под расписку. Но не лишнего. Столько, сколько нужно...

– И одежду?

– Ага, и одежду, и кумган... – Вильдан почувствовал, как в нем закипает гнев. – Ну все, хватит! Пора к сеvu приступать, а вы глупыми вопросами голову морочите.

– Мальчишки за яйцами пошли, не вернулись еще. Покатать надобно...

– На черта тебе эти яйца? Время поверий прошло, давайте вешайте лукошки и начинайте! – Вильдан и сам понимал натужность своих слов. Обряд есть обряд. Но страшное нынче время: доносы за доносом. Могут сообщить в район: мол, не отходит от пережитков прошлого, а там и партбилет отнять могут. Потому и повел себя, как Абдулла. – Поторапливайтесь, начинайте сеять. Вон Муратша с семьей уж давно копошится...

...Поле Муратши. Здесь радостно суетится вся семья. Нет, они не взяли лукошки для семян. Нынче в семье Муратши праздник: собираются испытать купленную зимой сеялку. Запрягаешь пару лошадей в длинные оглобли, и, когда они тихонько двинутся, зерна из ящика сеялки начинают падать по одному. С каждым поворотом колеса в маленькие ячейки закладываются новые семена. Вот это чудеса времени! Диву дашься...

Запрягши лошадей в приготовленные сеялки, Муратша подошел к краю поля. Посмотрел на пустой минарет оставшегося без муллы аула и, мысленно попросив у Гайсы-муллы (может статься, уже покойного) благословения, повернулся в сторону киблы.

– Теперь, Гульгайша, Бибиасма, дети, благословим доброе дело и прочтем мирскую молитву. Коли будут ошибки, да простит Аллах Всевышний.

Договорив молитву, все произнесли «аминь». Затем Муратша обратился к сыну и подоспевшему на помощь Исянгулу: – Ладно, доверимся Аллаху.

Исянгул подстегнул лошадей, приговаривая:

– Аллах Всевышний, одари нас своей щедростью... Богатства прибывающего-убывающего, спокойствия духам предков... Изобилия сиротам! Корма скотине! Изобилия птицам! Пищи семьям и детям!

В прежние времена, когда сеяли вручную, принесенные яйца катали перед сеяльщиками. В этот раз покатали их чуть подалее от лошадей, а когда прошла сеялка, положили вслед за ней. Гульгайша с Бибиасмой катали яйца и приговаривали:

Земля-матушка! Дай свою силу!

Дай разок, трижды дай.

Всю свою силу тебе даю, земля!

И труд мой для тебя, земля!

Лишь у Муратши беспокойно было на душе. Необъяснимая тоска охватывала его, одолевало непонятное уныние. Казалось, вера в грядущие дни совсем иссякла. Для кого он сеет? И в прошлом году пол-урожая отняли в качестве налога. Во время нэпа он и сам подумывал: «Хоть и противлюсь Советской власти, а ведь она народу землю дала, разрешила излишки урожая продавать». Но теперь понял, что то было лишь обманом для отвода глаз. Эх, жить бы одним днем, ни о чем не думая, как Кашфулла и другие артельщики! Да не такой он человек. Видимо, сам Господь повелел его роду об общих делах заботиться. Потому его предки, когда народ поднимался на защиту своих земель и российских границ, снаряжали войска лошадьми, не жалели денег на вооружение, не раз сами возглавляли борьбу. Калмыки ли, киргиз-кайсаки или дикие казахи земли захватят, русский ли помещик плутовством их заберет – люди из рода Муратши всегда были в самой гуще борьбы и спора. Это сейчас подрубили их под корень: урезали земли, выдумали непосильные налоги. Вон в прошлом году чего удумали – Абдулла зашел к нему и приказал: «До завтрашнего вечера должен заплатить столько-то налога!». О Аллах, как можно за ночь собрать столько денег для налога?! Так-то вот, не вошедшие в артель отдельные хозяйства облагаются разными денежными налогами, да еще зерно, мясо и яйца сдавать обязаны.

Глядя на детишек, собирающих яйца, Муратша то вздыхал, то радовался, просил у Аллаха здоровья и благополучия.

...Оживленный гул стоял и на поле артели. Покуда мальчишки набрали по аулу яиц и прибежали на поле, сеяльщики дошли до края и повернули обратно.

– Не торопитесь, агай-эне, чтоб незасеянного места не оставить. Исянгул с Муратшой за лошадьми какую-то штуковину прицепили, да разве взойдет, давайте-ка перегоним, – старался подзадорить артельщиков Вильдан.

– Перегоним, ясное дело!

– Мы ж по-дедовски сеем!

Поддержав других, Кашфулла не преминул и сам ввернуть словечко:

– Как говорится, еле ходишь – бай ругает, а шаг ускоришь – лошадь потеет. Вообще-то, ямагат, как хорошо, оказывается, что артель есть, а коли колхоз будет, и подавно лучше станет. Ведь в одиночку-то человек без передыху горбатится: от зари до вечера вкальвает, головы не подымая. А здесь ходишь, как все, – и хватит с тебя. Благодать какая, дома ни лошади, ни коровы. Из артели приносишь молоко... и все! Зачем скотина?

– Ох, язык твой, Кашфи, когда-нибудь влипнешь из-за него, – Вильдан то ли намекнул о наущничестве, то ли пошутил – не поймешь.

– А что, не правда разве?

– Неправда. Думаешь, кто присмотрит за артельной скотиной? Животных тоже надо кормить да поить!

– Хы, я что, дурак, чтобы колхозную скотину кормить?! – выпалил Кашфулла и тут же, осекшись, повернул на другое: – Ну что, может, споем, агай-эне? Что ни говори, сев для нас как праздник.

– Только не громко, ладно, Кашфи? Мы расслышим, и хватит, – Вильдан все по-баивался слухов. – Люди не поймут...

– Ба, да разве песню в погребе петь? Песня на весь свет звенеть должна. Вот так:

*Берега Сазы ласкают взор мой –
Зимовали тут отцы и деды.
Звенят серебряные монеты
На украшениях молодых невесток.*

*Берега Сазы, ай, ширь широкая,
Летовали тут отцы и деды.
Раскинув в этой шири белые юрты,
Вволю пасли кобыл.*

*С берегов Сазы, ласкающих взор,
Изгнали всех башкир.
На земли опустевшие
Забили межи свои.*

*С катайской, кыпчакской, бурзянской сторон
Ушли наши отцы и деды.
Упустили мы родные берега Сазы,
И рыдают теперь наши дети...*

Никто не осмеливался нарушить тишину, наступившую после звучной, за душу берущей песни. Один лишь Абдулла, поджидавший сеяльщиков на краю поля, с издевкой усмехнулся:

– Что, Кашфи, пободрее песни не нашел? Вспоминаешь Сазы, так она в ханских временах осталась! Вон про коммуны сколько песен есть, и про вождя нашего, отца народов Ленина...

Кашфулла попытался неловко пошутить:

– Не знаю, моего отца, кажись, по-другому звали...

Абдулла взбеленился, побагровел лицом.

– Я тебя в остроге сгною! – заорал он. – За язык повешу!

Кашфулла не ответил. И все же спохватился, поспешил задобрить председателя:

– Я не в политическом смысле, а в прямом. Впрочем, даже с политической стороны наш великий вождь Ленин никак не может быть отцом народов. Он ведь не со всеми женщинами...

Молчание. Страшное молчание. Казалось, Абдулла вот-вот изойдет криком. Он налился кровью до предела. Но промолчал. И вправду, не сам ли он допустил политическую ошибку? Если проводить Кашфуллу в нужное место, его длинный язык незнамо что выдаст, укажет на политическую хромоту Абдуллы. Вон и в указаниях партии велено «мягче обращаться» с народными массами.

Абдулла отозвал Кашфуллу в сторонку и, перейдя на шепот, сказал:

– Ты же, Кашфи, человек башковитый. Не болтай такого на людях, ладно? Хорошо хоть, те дубинноголовые ничего не поняли, – он по-дружески коснулся плеча Кашфуллы. – Ну да ладно, Кашфи, иди, работай. Словом, этого разговора не было...

Кашфулла, признательно кивнув, пошел наполнять зерном свое лукошко. Но душу Абдуллы окутала черная копоть, заполнила все его тело и застыла камнем возле сердца. То было и признание своего бессилия перед языком Кашфуллы...

ЧЕРНЫЙ СПИСОК

Тишина. Слышно лишь, как шмыгают носами, побряхтывают, прочищая горло, и вздыхают. В руках председателя Совета беспрестанно шуршит бумага.

– Да-а, – время от времени произносит он с удивлением, сам откидывает пальцами волосы со лба, вытирает выступившие капли пота рукавом. Наконец упирается

глазами в Вильдана. – Ну, у тебя же обычно башка хорошо варит. На кого зло держишь, говори, самое время...

Тот невнятно бормочет: «Кто ж знал, что так выйдет...»

– Ты-то, Саит, почему не отвечаешь? Ясно, тебя самого понукать нужно: поди туда, принеси то... А комсомол чего молчит?

– У меня-то мнение имеется, только охота сперва старших выслушать, – ответил сын Исмагила Мансур.

– А ты скажи, – действительно потребовал Абдулла. – Чью семью сегодня же раскулачить можно? Ты пойми, мальчишка, – голос председателя посуровел, – кабы не Советская власть, вы бы всей семьей вымерли. А тому голоду не только засуха причиной, это дело рук тех, кого сейчас жалеешь, – скрытых кулаков, всяких капиталистических остатков. К тому же и нэпманы нынче богатеют, а ты их покрываешь, ни слова против не говоришь. Отец твой из-за таких, как Муратша, с голоду помер...

Мансур потупился, затем медленно привстал. Поправил волосы, прокашлялся. С серьезным видом начал свою речь:

– Товарищи, раз Советская власть требует сослать из нашего аула семь семей, а их имущество задешево продать беднякам, этими деньгами оплатить налог, стало быть, так нужно. – Мансур осмелел, заговорил как по писаному. – Много ли это для малого аула, семь семей? Ясное дело, нет. У нас нынче и нэпманов хватает, и других, таких, как Муратша. К примеру, возьмем Исянгула. После нэпа он бессовестно богатеет.

– Исянгу-ул? – удивленно протянул Вильдан, тревожась за судьбу друга детства, с которым вместе пасли скот. – Да ведь он на наших глазах старался, день и ночь корпел, своим трудом поднялся. К тому же куча детей, да еще двоих сирот к себе взял.

Абдулла резко оборвал его:

– Ты что, Вильдан, ничего не помнишь? Тех сирот мы в детдом отправить должны были, эка невидаль, Исянгул их у себя оставил. Для чего? – Он выпучил глаза. Вильдан не выдержал его взгляда – стиснул зубы, опустил голову. – Потому как Исянгулу батраки нужны были – рабсила! Исянгул нынче слуг держит! Пиши, Саит: Муратша – в первую очередь, второй в списке – Исянгул.

Остальные молчали. Воспользовавшись этим, Абдулла снова взял присланную из центра бумагу.

– Слушайте и пораскиньте мозгами. Сказано, что сегодня мы должны прийти к единому мнению и завтра же сообщить в центр, сколько семей отправим. Именно семь семей. Можно и больше, но никак не меньше. Председатель снова обвел взглядом троих «заседателей». – Еще раз читаю правила. Даже если чуток подходят под них – подпадают под раскулачивание. Даже коли родня здесь сидящим. Читаю.

Абдулла заново прочел «правила» о тех, кто попадал под топор раскулачивания.

Согласно этим правилам, вместе с зажиточными жителями аула в список попали все крестьяне, вольно вздохнувшие в период нэпа. Читал, а перед глазами проплывали лица тех, кого должны были сослать в Сибирь, отправить в спецпоселения. Дочитав до конца, снова оглядел сидящих: те словно воды в рот набрали – понурили головы, прячут глаза. Лишь Вильдан, кашлянув, медленно заговорил:

– Ба, коли так, можно сослать каждого, кто окреп за последний десяток лет после голода, – развел он руками. – Ну ладно, муллу отправили, еще один богатея – Муратша, да остается его сын Сабир, что торгует с узбеками и киргизами. Может, хватит этих? Говорите что хотите, но лично я против, чтоб Исянгула отправлять.

– Ты... ты – коммунист! – взъярился Абдулла.

На этот раз Вильдан держался крепко. Осмелился глядеть Абдулле прямо в глаза. Он почувствовал, как растет его самоуверенность, поднимает голову запрятанная прежде гордость.

– Да, коммунист! Потому и против. Почему это из центра приказ дают на семь семей из аула? Аул голодом измучен, десяток лет прошел, а народ все никак на ноги подняться не может. И на тебе – семь семей!

Абдуллу, привыкшему за последние десять лет, что только он всюду прав, что вожжи власти окончательно перешли к нему в руки, словно громом ударило. Он оторопел:

– Т-ты ч-чего-о? – Он пришел в бешенство. – Я т-тебя... Партбилет на стол...

Вильдан, наоборот, успокоился. Процедил сквозь зубы:

– Не ты мне его выдавал, я его в окопе получил, в партизанах кровью своей заработал. Так что...

– Ага, Зулейха...

– Хватит! И за это сполна заплатил! И про то, что ты от смерти спас, не забыл, десять лет не перечил. Теперь хватит, больше греха на душу не возьму!

– Грех... Ха-ха-ха... Да ты размяукался, будто кошка муллы, большевик?!

– Знаешь, без моего голоса и подписи вы не то, что семь семей, ни одну сослать не сможете. Да, партия велела, значит, приказ выполним. Голова не работает, но приказ исполнять приучены. Вчерашние солдаты мы. Только партия же не велела ссылать именно Исянгула. Я против, и все на этом.

Абдулла хорошо понимал, к чему клонится дело. Надо во что бы то ни стало успокоить Вильдана, не то и вправду не подпишется. А «сверху» требуют семь семей. Откуда он их возьмет?

– Ладно, ладно, друг Вильдан, угомонись. Протокол еще не подписан. Опись дому не сделали. Просто перебираем подходящих людей. И вообще, товарищи, из зажиточных не высылаются такие, – председатель снова схватил бумагу. – Например, здесь говорится: если в семье нет работоспособных мужчин от восемнадцати до шестидесяти, то остальных можно не отправлять. У нас есть зажиточные семьи без мужика?

– Есть! – вскочил с места комсомолец Мансур. – Кыдраса семья, что против красного отряда вилы поднял.

– Да ведь Кыдрас дюжину лет под землей лежит, – еле слышно прошептал Саит.

– Ба, я и забыл про его семью! – оживился Абдулла. – Нынче-то его сын подрастает, весь в отца, на Советскую власть зуб точит. Сколько ему нынче?

– Девятнадцать, моего года он, – ответил Мансур. – С детства вместе играли, всегда нашу власть ненавидел. К тому же вон трех коров держит, двух лошадей, овец не счесть, ульи имеются... Товарищи, они же полностью подходят под правила раскулачивания, под указания партии.

– Верно, – подытожил Абдулла. – Семье противника Советской власти в ауле не место. Чтоб от их роду-племени духу не оставалось.

Мансур с важным видом – дескать, и его слово вес имеет – сел обратно, постукивая пальцами по столу. Остальные промолчали. Верно, испугались, что, защитив семью Кыдраса, в голодное время поднявшего вилы против командира продотряда, «испачкаются» сами. Кроме того, видимо, никто не хотел соседствовать с таким же проворным, горячим, смелым, как отец, не отстающим от него и могучеством тела новым Кыдрасом.

– Вот ведь, Вильдан, и без Исянгула людей хватает, – широко улыбнулся Абдулла. Затем продолжил читать «правила»: – Так, с согласия ссылаемых членов семьи детей до десяти лет либо взрослых старше шестидесяти пяти можно оставить у родственников. Это также осуществляется с согласия родственников и распиской, то есть с заполнением нужных бумаг. В общем, сами понимаете: кому нужны неработоспособные дармоеды в Сибири и других местах ударного строительства? Читаю дальше: семьи бывших партизан, людей, имеющих заслуги перед революцией, а также людей, отслуживших в рядах Советской Армии, остаются, как и семьи членов ВКП(б) или комсомола...

Молчание. Никто не произнес ни слова. Вильдан, глядя на паутину в углу, погружился в свои думы. Ему, кажется, и не важно, кого нынче вышлют из аула. Главное, чтоб Исянгула, друга детства Исянгула не тронули... Комсомолец Мансур тоже молчал, беспрестанно постукивая пальцами по столу. Старался обуздать свою горячность, свойственную юности несдержанность. Раз велит партия, он готов махом решить судьбу приходящихся ему родственниками людей. Сайт порывается что-то сказать, выразить терзающие его изнутри чувства. Нет, никому не ведомо, что кипит в его груди. А что бы сказал Сайт, если бы эти чувства вырвались наружу? Наверняка воскликнул бы: товарищи, не надо забывать о доброте Муратши в голодную пору и о тяжелых временах после голода, давайте сообща воспротивимся указанию центра, вынесем решение, что никого из нашего аула изгнать не можем, ведь невдомек московским партийным вождям, кто таков Муратша, Исянгул, сын Кыдраса и все остальные. Да, сказал бы так. Собрал бы весь народ на сход, поднял бы руку против приказа центра. Сказал бы, собрал бы, поднял бы. Кабы не это «бы»...

– Чего молчите? – Абдулла, насупившись, обвел всех злым взглядом. Затем махнул рукой – дескать, что с вас возьмешь. Начал потихоньку свирепеть. – Ну, что воды в рот набрали? Ладно... Ставлю вопрос иначе: кто против Советской власти, поднимите руки.

– Абдулла, ты не заговаривайся, – пробормотал ошарашенный Вильдан. – Да кто ж из нас будет против Советской власти?

– А коли не против, стало быть, обязаны выполнить решение этой самой партии и выслать из аула семь семей. – Абдулла ликовал. Вожжи снова в его руках. Ох и здорово сказанул, подумал он, все хвосты поджали. – Так, составим список. Предложения?

– Семья Кыдраса, – поспешил втиснуть свое слово Мансур. – А еще Муратши и его сына Сабира...

– Так, три уже есть, – Абдулла ждал остальных. – Сайт, чего молчишь?

Сайта заколотило, бросило в жар и холод, по телу пробежали мурашки. Он почувствовал, как горит лицо. Застыдился своей слабости. Совесть уговаривала: «Скажи, нет в ауле таких семей», а партбилет словно твердил: «Врешь, назови кого-нибудь». Победил второй – он взял и назвал ...Исянгула!

– Исянгу-ул... – Голос его был едва слышен.

– Кто-о? – Абдулла не поверил собственным ушам.

– Кто, ты сказал, Сайт-агай? – То был Вильдан.

Сайт, видимо, найдя поддержку в глазах Абдуллы и комсомольца Мансура, повторил уже уверенно:

– Исянгул! – Подручный почувствовал себя не простым подручным, а настоящим большевиком. Да, коммунистом, имеющим свое мнение, способным отстаивать свои убеждения. – Почему Исянгул? Верно, в тот голодный год он не дал

отправить в детдом двух сирот, оставил у себя. А почему? Абдулла верно говорит – чтоб подготовить себе рабсилу. Я сам слышал, как жена Исянгула сказала: «На их дочке сына женим». Вот и сбылись их задумки. Сегодня эту девушку сосватали за своего сына. Прислугу держит, батраков держит нынче Исянгул!

– Да ведь это обычное дело – невесту сосватать. Девчущка в их семье выросла, любят они с парнем друг друга. Что в этом дурного? – Вильдан вконец растерялся. Огляделся в поисках поддержки. Но все были безучастны.

– У меня предложение такое, – заговорил Абдулла, – отправить Исянгула с женой, а женатого сына с невесткой оставить как отдельную семью. Ребенка младше десяти, коли брат возьмет под расписку, оставить. Исянгул с женой уже одна семья, а оттого, что двое детей старше десяти лет уйдут с ними, ничего не случится. Пиши, Саит, четвертая семья из аула – Исянгулова!

Вильдан не соглашался. Ходил по комнате вдоль и поперек.

– Ведь ты, Вильдан-агай, не против решения партии, не супротив Советской власти? – Мансур незаметно ухмыльнулся. Откинул прядь волос со лба. Забарабанил пальцами по столу. – Ну, если не против – проголосуем!

Вильдан не стал поднимать руку. И все же большинство проголосовало за изгнание Исянгула. Вильдан смог лишь проговорить: «Я не против Советской власти, а против высылки Исянгула». Про себя решил: «Сразу после заседания надо предупредить Исянгула, пусть бегут отсюда». Словно угадав его мысли, Абдулла предупредил:

– Так, Саит, записывай: если вдруг те, кто в списке, из аула сбегут, вместо них отправлять детей и родственников!

Заседание окончилось. Все поспешили по домам. Один лишь Вильдан, не дойдя до дома, остановился возле дома Исянгула. Младший сын Исмагила и сын Кашфуллы проследили, как он зашел к другу детства.

«ДОНОСЧИКА РАСТИТЬ НЕ БУДУ»

Кашфулла последнее время сильно изменился: то задумывается, бросая взгляды поверх Кэрелек, уставясь в сторону степи, то почти целыми днями лежит, не отрывая глаз от сучка на потолке. Хаернису очень беспокоит поведение мужа. Не хватало того, что их сын ни на шаг не отстает от сына Исмагила, комсомольца. Особенно с тех пор, как стал этим самым, как его там, пионером. Женщину всерьез обуяла тревога. Находя разные поводы, она крутилась возле мужа: кипятила чай, присаживалась рядом, гладила по голове. Тот молчал, и она, шурша, уходила в чулан, подметала двор, находила другие мелкие заботы. А Кашфулла все лежал. Лишь изредка выходил во двор и всматривался в степную даль.

Вот и сейчас он, прислонившись к недавно сваленному саману, уперся взглядом в тучи, сгущающиеся над степью. Ох, тучи! Кабы вы знали, что творится в его душе, тучи... Будто борются внутри шайтан и ангелы добра. Только-только начнет побеждать один, не сдастся второй, снова берет верх первый, потом опять второй. А Кашфулле тяжело – тело что тряпка, все сознание пронизано безнадежностью. О сыне своем он тревожится, о его будущем. Отец, вчера еще радовавшийся, когда родная кровинка пришел с повязанной на шею красной тряпичей, веривший, что его дитя станет строителем соци... социали... эх, язык не поворачивается, социализма, отец, представлявший этот самый социализм в виде красивых домов и дворцов, увидев,

что его сын слоняется по улице, не понимая, что строит, он окончательно в нем раз-уверился. К тому же сын менялся день ото дня. Приносил разные тревожные известия: мол, скоро Муратшу выгонят из аула, свалят минарет мечети. Хвастался, что ему поручили важное дело: проследить, куда Муратша спрятал свое зерно, что делает Исянгул и другие середняки. Ох, дурные вести...

Внезапно Кашфуллу словно молнией ударило: что-то пронзило его мозг и осветило мысли яркой вспышкой. Надо пойти к комсомольцу, сыну Исмагила, главному подстрекателю сына! Пойти и попросить, чтоб не морочил тому голову, а коли не поймет – схватить за глотку!

Увидев, как муж заполошно вошел в дом, Хаерниса бессильно опустила на лавку.

– К-ка-ка... – она силилась проглотить подкативший к горлу комок. – Ч-что случ-чилось?..

– Ничего. Возьму Исмагилова комсомольца за глотку, сына домой приведу. Шагу не дам ступить в сторону Абдуллы, комсомольцев и вора Вильдана. Хватит! Как-никак я покида еще Кашфулла, Каш-фул-ла!

Женщину не на шутку перепугала невиданная запальчивость мужа, она взмолилась про себя в страхе, как бы он в порыве гнева не сотворил чего-нибудь дурного.

– Ладно, Кашфулла, сходишь, сходишь, – попыталась она урезонить мужа. – Верно ты говоришь, только... Давай-ка сперва чаю с душицей поьем, он успокаивает, и голова прояснится. Тут, муженек, трезвая мысль, даже хитрость нужна.

– Не-ет, я еще Кашфулла, и если меня разозлят... – Мужчина размашисто зашагал по дому. Клубок первой вспышки гнева постепенно распутывался. Наконец он рухнул на лежанку. – Все равно, жена, покида корявое дерево не срубишь, солнца не увидишь. Пока не избавимся от этого Мансура, Хисаму покоя не будет.

Хаерниса знает – если Кашфулла перешел на пословицы и поговорки, значит, успокаивается. Она быстренько потянулась к старому сапогу, чтобы оживить самовар.

– Верно говоришь, без этого никак. Только когда рубить будешь, как бы щепки далеко не полетели. Чтоб и тебе, говорю, попреков не досталось, и Хисама от бесовской дорожки отвадить...

– Оно верно... – Кашфулла не отводил взгляда от дырки на потолке. Эта дырка словно мягко успокаивала, заставляла задумываться, втягивала все дурное и уносила его куда-то далеко-далеко, за Каф-тау, в неизвестность. – Оно-то верно, женушка, ну да ладно, поспешишь – людей насмешишь, попью чаю и пойду проведать Мансура. Парень не дурак, поймет. В крайнем случае, скажу про завещание Исмагила-курдаша, наверняка до сердца проберет.

– Коли оно у него есть, коли хоть чуточку болит – поймет. Вот только не похож он на понятливого, Кашфи, нет у него искорки в глазах. – Хаерниса под села к мужу и унеслась мыслями в дальнюю даль. – Ох, не знаю, внутри будто пусто все и тревожно как-то, аж страшно становится...

– Не горюй, все обойдется... Может, и зря беспокоимся, женушка? Говорят же, какое время – такие и дети, может, нынче и надо так жить, с волками по-волчьи выть, а? – Кашфулла ттился успокоить жену и сам же ждал от нее поддержки и утешения.

– Так-то так, да только настораживает, что грозятся минарет повалить, Муратшу с семьей прогнать. Кабы не взял на себя грех несмыаемый... Вон ведь, на ночь его доносчиком поставили...

Последние слова Хаернисы снова взбудоражили растревоженное сердце Кашфуллы. По всему телу пробежала горячая волна, заставив вскипеть кровь.

– Не-ет, Хаерниса, не знаю, как ты, но я у себя дома суку растить не намерен! Сам всю жизнь досыта не ел, гол был как сокол, да на такое не шел. И сыну не позволю!

Хаерниса успела лишь проговорить: «Только ты, Кашфи, помягче с дитем...», как дверь за ним захлопнулась.

Дом курдаша Исмагила... Кашфулле часто доводится проходить рядом, однако он не заходил внутрь с тех пор, как в голодные годы похоронили хозяина. Когда проходил мимо, это унылое зрелище не так бросалось в глаза: наполовину затянутое перепонкой окно, саманные стены с облупившейся глиной, торчащие стебли лебеды и лопуха, вымахавших по самый «пояс» дома, такие же неприглядные кусты на плоской кровле. А сейчас при виде этой тоскливой картины стынет душа. Было время, даже глина саманных стен этого дома излучала на весь аул тепло рук хозяйки, двор, управляемый крепкими мужскими руками, был не хуже, чем у зажиточных. Теперь же дом словно вобрал в себя всю неприглядность мира и почернел от тоски. Одно лишь красное знамя, прикрепленное высоко на углу дома, будто указывая на то, что здесь обитают люди, колышется на легком ветру, веющем из степи.

– И на черта это здесь, не хватило одного, на доме Советов? – покачал головой Кашфулла.

Дверь открылась со скрежетом. Ее нижняя часть, собирая весеннюю грязь, потащилась по земле и остановилась на полпути, приоткрывшись лишь наполовину.

– От покосившейся двери чего ждать? – пробурчал Кашфулла себе под нос, перешагивая через порог. – Хозяева до-ома? Глаза после улицы не видят ничего...

– Ба-а, Кашфулла-а...

Это была Марзия. Они поздоровались за руку. Да, сдала Марзия, подумал вошедший. Хоть не голодное время, а скулы заострились, кожа обвисла, щеки совсем впали, седые волосы, выбившиеся из-под платка, заметны даже в полутьме. Один лишь взгляд глубоко запавших глаз напоминает прежнюю Марзию.

– Уж сколько лет не захаживал, Кашфулла, как ты? Как Хаерниса поживает? – затараторила она. Чуть погодя, словно оправдываясь, заговорила о себе: – А я вот так и живу. Дочку, знаешь, наверное, Абдулла сосватал. Младшенькому-то уже больше десяти теперь. Он тоже, как твой – как его, пионер, что ли. Только средний, Нажметдин, ни в чем не участвует. Сад растить мечтает, как Идрис с Зудейхой.

– Дай-ка, думаю, семью курдаша проведу, – сказал Кашфулла, не зная, как объяснить свое появление. – Не видно тебя давно, думал, может, совсем худо стало.

– Да нет... Хворать хвораю, конечно. После голода никак не окрепну. Будто что-то отрезали тогда, и полной грудью никак не вдохнуть... – Марзия застеснялась своих сетований, резко одернула себя и, чувствуя, что Кашфулла пришел не зря, снова засыпала его вопросами: – Ну что, Кашфулла? Али с ребятишками стряслось чего?

Кашфулла не стал увливать. И без того долго терпел, обуздывая бурлившие внутри чувства. Но слова Марзии тут же ослабили вожжи.

– Говоришь, Марзия, дети наши для общего дела стараются, да только выходки их никак не походят на дела народные. – Кашфулла взгляделся в лицо жены курдаша. Она еще сильнее побледнела, искорки в глазах сменились отблесками тревоги. – Да, я не против, чтоб они этот со...со... ох, ну социализм, колхоз и все остальное строить мечтали. Но против того, что они за Абдуллой вслед грозятся минарет сбросить, народ будоражат. Боюсь я, Марзия, боюсь. Ладно еще Мансур, он давно свою дорогу выбрал, белое от черного отличит, взрослый уже. А твой младший с моим что соображать могут?

Марзия молчала. Сидя на нарах, смотрела невидящими глазами вдаль и старалась не шелохнуться, чтобы не показать подступивших слез, не дать им воли. Лишь последние слова Кашфуллы вырвали ее из этого оцепенения и словно вернули обратно в дом, во мрак и горькую неприглядность бренного мира.

– Уж не знаю, что и делать, – вздохнула Марзия. – Вон ведь, дома ни одной духовной книги не осталось. Все сжег. Хорошо хоть Коран уговорила оставить. Со слезами вымолила...

– Ну, коли даже на Коран руку поднял, минарет повалить и подавно подыметесь, ясно как божий день ... – Кашфулла, давая знать, что пора уходить, хлопнул ладонями по коленям. – Марзия, вздыхать не будем. Давай хотя бы этих двоих ребятишек от греха уберем. Во всяком случае, я больше сына к Мансуру не пущу. Они из детей дьяволят делают, шайтановых слуг. Вон моему мальцу велели выследить, куда Муратша свое зерно прячет. Да ведь средь бела дня стукачей готовят, таких, как этот Абдулла. Разве не из самых тяжких грехов это – доносить да поклеп возводить?

Марзия не ответила. Даже когда закрылась дверь за Кашфуллой, не могла найти силы пошевелиться. Боль, сжимающая грудь, непрерывно напоминавшая о себе, словно огромный неподъемный камень, раздавила, пронзила все тело. Будто валун этот вместил в себя весь смысл ее жизни. Он катился. Давил...

У Марзии перехватило дыхание.

– Воды-ы...

И разорвалась тоненькая нить между жизнью и смертью...

ДОБРОЕ ДЕЛО

Вот оно – чудо природы, сотворенное могуществом Всевышнего, – яблоня! И не одна, а словно стая белых гусей, возвращающихся к берегу Кэрелек, – штук десять их выстроилось. Еще совсем недавно давшие им начало семена были внутри двух яблочек, отправленных в подарок Зулейхе с Идрисом. А теперь...

– Кто бы поверил, Идрис, что из двух яблочек столько деревьев вырастет... – покачала головой Зулейха. – Помнишь, нам их твой друг отправил, человека снарядил. – Она прижалась к мужу.

Помнит, конечно же, помнит об этом Идрис. Ведь то был год, когда после невыносимого, беспросветного голода воссоединились наконец тела, жаждущие отдохновения, и души, стосковавшиеся по любви и нежности. Идрис прошел долгий путь и вернулся к родному очагу, Зулейха преданно дожидалась его... Ночи, когда никак не могли насытиться друг другом... Плодом ночей этих стал сын. Его нарекли Динисламом.

Прослышавший об этом друг Митрофан, чтобы поздравить их, отправил верхом через пятьдесят верст своего односельчанина. Посыльный привез от друга и крохотную весточку: «Друг мой Идрис, бок о бок с тобою в сражении бились, тяготы плена вместе прошли. Поздравляю от всей души! Сам я в дороге. Как только вернусь, долечу до вас. Пусть покуда подарок передадут. Митрофан. 1923 год».

Зулейхе Митрофан передал большой платок, Идрису сапоги. Были там чай, сахар. А еще... два яблока!

Семена этих яблочек Идрис вначале посеял в один большой ящик. Когда они проросли, отделил каждый росточек. Вместе с детьми смастерили маленькие ящики. Пересадили каждый росток в отдельный ящичек. Не передать словами радости ре-

бятишек в этот миг. Словом, росточки яблонь стали большой заботой для всей семьи. Благодаря общим стараниям через две зимы они превратились в небольшие, но крепенькие, годные для высаживания в саду веточки. Садов в их ауле всего два – у Исянгула и Идриса с Зулейхой. Даже семья Муратши садоводством не занимается. Вокруг остальных домов ничего похожего на сад не имеется.

Припекает. На дворе май, однако почву обжигает июльское пекло. Беспрестанная забота Идриса и Зулейхи – таскать ведрами воду из реки, полить плодовые деревья, напоить овощи; вернее, сперва наполняют водой бочку, поставленную в телегу, а затем ведрами опустошают ее. В сухую погоду эта работа каждый день отнимает много времени и сил. А сорняки и без дождей буйствуют.

– Яблони хорошо цвели, только придется цветки проредить, – объявил однажды Идрис детям.

– Не-ет, атай, некрасиво будет, – скривился младший, Динислам.

– Не будет, улым. В сухой год не все цветки разродятся, – объяснил отец. – Да и привитым в прошлом году веткам нужны силы для роста.

– А зачем мы ветки приставили, им своих не хватает? – любознательный мальчонка, во всем находящийся чудо, так и сыпал вопросами.

– Хватило бы, сынок. Но если этим яблоням прибавить новые ветки, яблоки будут крупные и вкусные. Если соединить вместе два вида дерева, плоды сочнее станут. Немцы это, говоря по-русски, «прививкой» называют. Когда люди болеют, им уколы делают, вот и здесь так же.

Мальчик знает, что такое укол, – ему делали такой против чумы и других страшных болезней.

– О-о, это же больно! – протянул Динислам. – А дереву тоже больно, атай?

– Нет, не больно, даже лучше становится.

Отец показал детям, как нужно обрывать цветки с деревьев, а сам направился в сторону сарая, чтобы набрать навоза и куриного помета для удобрения. И тут увидел, что к ним шагает средний сын Марзии Нажметдин. С одной стороны, ничего странного – он каждый день приходит к Идрису с Зулейхой и детям. Однако сегодня на ребенке лица нет. Под мышкой торчит что-то, завернутое в тряпье.

– Идрис-агай... – проговорил мальчик и тут же, зашмыгав, заплакал.

– Что стряслось, Нажметдин? – встревожился Идрис. Малец попусту плакать не будет. Идрис видел его слезы лишь на похоронах матери и вот сейчас. – Что случилось? Давай-ка зайдем в дом. И Зулейха-апай твоя там. Вместе и поговорим, коли что стряслось, выход поищем.

Мальчик рассказал им все. Оказалось, после смерти матери братья – старший, Мансур, и младший, пионер Аюп, – сожгли все книги и бумаги на арабском языке. Нажметдин сумел спрятать лишь Коран и составленное отцом шэжере.

– Брат все Коран требовал, избил меня. Говорит, все равно сожжет, им это старье не нужно. Еще сказал: если не дам – дармоеда, одиноличника содержать не будет, чтоб больше не возвращался. – Нажметдин никак не мог успокоиться. Время от времени шмыгал носом, вытирал слезы.

Зулейха сделала отвар из яснотки. Процедила, налила с полчашки и протянула Нажметдину.

– На, туганым, выпей помаленьку. Сразу не пей, глотай по чуть-чуть. Скоро успокоишься. И полежишь чуток. А Коран пусть у нас хранится, и шэжере тоже. Афарин, туганым, это очень нужные, священные предметы. Ты их спас, большое дело сделал.

Нажметдин, прихлебывая отвар, продолжал рассказывать:

– Я и к сестре пробовал отнести. Она Абдуллы испугалась. Когда замуж за него вышла, тоже Коран с собой взяла, говорит, он все допытывается, хочет найти да сжечь...

– Даже истрепанный Коран просто так жечь нельзя. – Вспоминая то, что знала, Зулейха пыталась отвлечь, успокоить мальчика. – Коли священная книга совсем обветшала, ее страницы жгут, а пепел закапывают на кладбище, мулла читает аяты, раздают хаир.

– А брат так не делал. Разжег во дворе костер и сжег там все книги, вышитые полотенца, рушники. Я только Коран и шэжере спрятать успел.

– Большое и доброе дело ты сделал, Нажметдин. Для мусульманина в этом мире нет книги важнее Корана. А шэжере – священная память каждого рода, его нынешнее и будущее. – Увидев, что Нажметдин успокаивается и клюет носом, Идрис заговорил про другое: – Давай-ка, туганым, полежи чуток. Наверняка и ночью не спал. Отдохни. Мы поработаем немного и зайдем чаю попить. Тогда и разбужу.

Нажметдин заснул, едва коснувшись головой подушки. Зулейха накрыла его.

– Уснул, – прошептала она мужу. – Устал. Ночью не спал, видать.

– Знаешь, Зулейха, я тут подумал: в своем доме ему житься не дадут. Может, немного у нас поживет? За садом ухаживать научится, об учебе его позаботимся – с нашими мальчишками будет ходить, – Идрис посмотрел в глаза жены, вопрошая, как она к этому отнесется.

Зулейха взмахнула ресницами в знак согласия.

Ах, эти чудные ресницы! Пронзают ему душу, прожигают ее насквозь. Прожигают и подбрасывают угольки прямо в сердце. Словно того и дожидаясь, невидимый глазу костер любви разгорается еще пуще. Добавляет его душе и телу пыла и страсти, как у влюбленных юношей.

– Согласна, почему нет. Я и сама хотела сказать...

Хотя мусульманам не пристало обниматься и целоваться на каждом шагу, Идриса и Зулейхи это неписаное правило не касалось. Они его то отбрасывали в сторону, то ломали, то перешагивали. Как бы то ни было, оно не мешало им выражать свои чувства друг к другу. Если две души изнывали друг по другу, то и тела не противились...

Где ночует клоун?

Стихи для детей и не только

ВЗГЛЯД СВЕРХУ

Не правда ли, звучит красиво:
«Акробатическое трио»!
Мой брат у папы на плечах,
Я – на плечах у брата.
Ну кто сказал, что тяжело
Бывает акробатам?

ВЗГЛЯД СНИЗУ

Девочка шагает по канату
Грациозно, весело, легко.
Словно на прогулке по Арбату,
А не в старом цирке-шапито.

Вдруг внезапно музыка пропала...
Взгляды дружно устремились ввысь.
Девочка качнулась, и...
Из зала громко крикнул кто-то ей:
«Держись!»

А она (я видел!) улыбнулась
И вперед шагнула так легко,
Будто бы и вправду не споткнулась
На канате в цирке-шапито.

КТО КОГО ДРЕССИРОВАЛ?

Тюлень тюленихе сказал:
«Как аплодирует нам зал!
Хозяйку наконец смогли
Мы обучить под «раз-два-три»

Светлана Юрьевна Войтюк родилась 22 ноября 1964 года. Окончила БГУ, член Союза писателей РФ и РБ, автор десяти книг для детей, призёр международного конкурса детской и юношеской литературы им. Алексея Толстого (2008), серебряный призёр конкурса «Золотое перо Руси» (2009), призёр конкурса «Дар» (Екатеринбург, 2012). Живёт в Уфе.

Нам кинуть рыбку прямо в рот!
И умиляется народ:
Вот ловкость и сноровка!
Как все-таки нужна была
Хозяйке дрессировка!»

ГАЛАНТНЫЙ СЛОН

Слониха купила себе босоножки.
Надела обновку на стройные ножки
И, хоботом мужа обнявши за шею,
Пошла вместе с ним погулять по аллее.

Как вдруг на пути преогро-о-омная лужа.
Слониха кокетливо смотрит на мужа:
«Не зря я считаю тебя джентльменом –
Неси через лужу меня непременно!»

«Да как же, жена, я тебя подниму:
Ведь весишь ты тонну поди не одну!»
Слониха надула обиженно губки:
«Ты ради меня не готов на поступки?»
И топнула ножкою, сил не жалея.
И гром прогремел над зелёной аллеей.

Спешил успокоить её кавалер:
«О, я не лишен благородных манер!»
Тут хоботом лужу втянул в себя слон,
И вылил её на ближайший газон.

Стуча каблучками на босоножках,
Слониха прошла по подсохшей дорожке.
И все, кто гулял в этот день по бульвару,
Вздыхали: «Какая влюбленная пара!»

ГДЕ НОЧУЕТ КЛОУН

Я в цирк хожу три дня подряд.
Беру билет на первый ряд.
Я цирком околдован.
Здесь каждый раз смешит меня
Веселый рыжий клоун.

Запомнил я его лицо:
Веснушки, щёки, брови.
Решил дожждаться я его

После спектакля в холле.
Пойдёт из цирка он домой –
Поговорит чуть-чуть со мной.
А я похвастаюсь потом,
Что лично с клоуном знаком.

Стою тихонько у дверей
И вглядываюсь в лица.
Прошли гимнасты, и жонглёр,
И укротитель львицы.
Спешат артисты по домам,
Как все после работы.
Вот только клоун не ушёл
Из цирка отчего-то...

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Был художником паук.
Из воздушной паутины
Вдохновеньем тонких рук
Создавал паук картины.
Были легкими, как пух,
И прозрачными пейзажи.
И на них ловил он мух,
Обожавших вернисажи.
Ведь художник тоже, братцы,
Должен чем-нибудь питаться...

ЗАМУ-У-ЧАТЕЛЬНЫЕ СТИХИ

Корова как-то летом
Решила стать поэтом.
Гуляла по лужочку,
Придумывала строчки.
Казалось, срифмовать – пустяк,
Да не слагался стих никак.
Ей пели рифмы пташки,
Шептали их ромашки,
И колокольчик в такт звенел,
Даря ей ароматы.
Да жаль, была корова
Немного глуховата.
Всё рифмовала невпопад,
Пока не зазел закат.
Корова запах сена
Вдохнула вдохновенно,

И ей на ум пришли стихи,
И стали рифмы так легки!
Мычит на мечтательно:
«Как это заМУ-У-чательно!
Нашла я рифму к слову МУ:
Парного молока коМУ-У?»

МУРАВЬИНАЯ МУЗЫКА

Ползет по стеблю муравей,
Он слышит музыку полей,
Он слышит ровный гул лесов
И хор из птичьих голосов.
У муравьишки тонкий слух.
Он слышит, как слетает пух
Июньской ночью с тополей.
Как жаль, что он не соловей
И петь ему не суждено!
Но твердо знает он одно,
Что ничего прекрасней нет,
Чем слушать, как звучит рассвет!

РАЗНОЦВЕТНАЯ СЕМЕЙКА

Родились у мамы-хрюшки
Симпатичные свиноушки:
Дочь – в цветочек,
Сын – в горошек
И в полоску пара крошек.
А у самой младшей свинки –
Разноцветные щетинки.
Хрюшка-мать сняла очки:
Разглядела пяточки
И сказала гордо:
«То-то!
Дети авторской работы!»

ПАРУСА В ГОРОШЕК

Представляя себя
Капитаном из книжки,
Смастерил этот парусник
Рыжий мальчишка.
Сам скроил паруса он
Из шторки в горошек

И на пару часов
Взял у деда галоши.
Во дворе приказал он:
«Поднять якоря!»
И кораблик поплыл,
Окунаясь в моря.

Серый мартовский снег
Превращался в поток.
И, свирепо бурля,
Он кораблик волок
И сердито кидал
На камней баррикады.
Плыл среди нечистот он
И прочего смрада.
А окурки врезались в корабль,
Как торпеды.
Терпеливо сносил он
Страдания и беды.

Зорких глаз не спуская
Со шторы в горошек,
Рядом мальчик бежал,
Спотыкаясь в галошах.
Он-то знал:
Впереди чистых вод бирюза!

Плыл корабль, предвкушая просторы.
Надувал ветерок паруса
Из застиранной старенькой шторы!

МЕЧТАТЕЛЬ

Мы летим над облаками.
Облака как острова,
И качается под нами
Волн небесных синева.
Кто живет на этих нежных
Белоснежных островах
И плескается в безбрежных
Океанах на волнах?
Погостить бы тут, ребята,
Поньрять в парящий пух!
Я смотрю в иллюминатор,
И... захватывает дух!

Первоапрельские тезисы

Владимир Денисов

ШТРАФНЫЕ САНКЦИИ ЖЕНЫ

* * *

Уйду я в баню в этой жизни
От негодующей страны,
Ведь в бане, как в социализме,
Все не одеты, но равны.

* * *

Тяжёл для тела и для духа
Проезд в общественном авто:
По сути, та же групповуха,
Но только стоя
И в пальто.

О ПЕРВИЧНОСТИ МАТЕРИИ

Кричит физическое тело:
– Тону! –
И воздух ловит ртом...
Всегда вначале было Дело,
А Слово вызрело потом.

О САНКЦИЯХ

Семьи проблемы и страны
Бывают схожими нередко:

Владимир Владимирович Денисов родился 10 апреля 1953 года в Свердловске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в республиканских и центральных изданиях. Автор нескольких поэтических сборников, изданных в Свердловске, Москве, Южно-Сахалинске, Уфе. Лауреат литературных премий им. Ф. Карима и Ст. Злобина. Член Союза писателей РФ и РБ.

Штрафные санкции жены
Желанной делают соседку.

РЫБА

Хвостом, беспомощная, била
И разводила плавники –
Я рыбу вынул из реки,
Она мне что-то говорила...

Кого чужая боль колышет?
Вот я и хану, и царю
Всё время что-то говорю,
А ни хрена никто не слышит...

* * *

Чины в поэзию попёрли,
Устав от сытной ветчины,
И выдают такие пёрлы –
Какие могут лишь чины!

Да только всё не страшно это –
Пускай свою потешат спесь.
Куда страшней, когда поэты
В чины пытаются пролезть...

* * *

Ну, вот сейчас я встану в позу,
Поскольку старым стал уже,
В угоду близкому склерозу
Наскучу речью о душе.

А не дождётесь!
В самом деле,
Судьбы распутывая нить,
Куда приятнее о теле,
О юном теле говорить...

Давайте, мальчики, рискуйте,
В огонь и в воду – наобум!
Запреты рвите на лоскутья,
Но не утрачивайте ум.

Давайте, девочки, дерзайте,
Любите всяких, так сказать...
Но одного не забывайте –
Что вам ещё детей рожать.

А вот когда вы их родите
То, за провинности браня,
Всё что угодно говорите,
Но не цитируйте меня!

ДЕТСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Ходит цыпа, вниз глядит –
Небольшая курочка.
Хорошо на ней сидит
Беленькая курточка.

И обуты ножки две –
Как на фотоснимочке –
На зелёной на траве
В жёлтые ботиночки.

Цыпа весело клюёт,
Хороша посыпочка...
Как ей, беленькой, идёт
Красная косыночка!

Всё.
А дальше был горшок,
Ложечки старинные,
Пара ножек, гребешок
И мозги куриные...

* * *

Однажды Бог раскрыл уста
И выдал истину про это:
– Земная женщина свята
Всегда, везде, в любые лета.

Я прокрутил свои года,
Приобретенья и потери...
– Ну а мужчина?
– Иногда.
Когда он в это слепо верит...

*Николай Грахов***ЖИТЬ С НИМ ТРУДНО...****ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЭТА***(со слов жены записано верно)*

Сварлив, завистлив, словоблуден,
должно быть, с детства начал пить,
ну, а об отношенье к людям
не стоит даже говорить!..

Морально очень неустойчив,
достанет даже и в гробу,
и, дела вовсе не закончив,
он начинает похвальбу!

Кого он хвалит? Так себя же!..
Мол, он – виднейший из «писак»!..
Мол, поступь у него лебяжья,
а сам-то ходит как гусак!

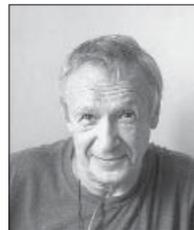
И всё гогочет, всё гогочет!..
А чтоб о деле – так ни-ни!
Мол, осчастливить многих хочет!..
Но всех – посредством болтовни!

Его завидя, сплошь немеют
все эти дуры вокруг него –
неужто видеть не умеют,
что нет в нём вовсе ничего?!

Да, был он и в моих кумирах...
Но поживите с ним моё!
Поштопайте лохмотья в дырах –
и это: в счастье бытиё?!..

Случалось, раньше хохотали
и обнимались с ним не раз...
Здесь не причём объёмы талий
и чистота горящих глаз!..

Да, куролесили немного
в полях, в лесах и на морях...
Но это свыше шло, от Бога,
пусть среди пьяниц и нерях...

Нет, жить с ним трудно, жить с ним плохо,
до онемения в груди...
Пускай в нём и живёт Эпоха,
таких вокруг – хоть пруд пруди!!!

ГНЕВ РЕДАКТОРА

(по стопам классиков)

Уме недозрелый, плод недолгой науки...

А. Кантемир

«Уме недозрелый,
плод недолгой науки...» –
был бы я смелый,
выломал б твои руки!

Гнал бы тебя в три шеи,
злым перстом погоняя,
ничуть тебя не жалея,
мерзкого негодяя!

Жаль мне, что я не смелый...
Очи устало смежу
и, защищая дело,
вириши твои зарезу!

ПРИЗЫВ К ПОДДЕРЖАНИЮ ТЕЛА

Содержи в порядке тело,
тело – славное жильё!
Коль поддерживать умело,
в нём продлится бытие:
здесь, сейчас и даже завтра
с ним немного поскрипишь –
был бы ужин, был бы завтрак –
вот и в дырочки сопишь!
Испаряются заботы
и тоска не давит плеч:
если с телом поработать –
даже крыше не протечь!
Не снесёт её, родную,
коль жильё своё хранить,
и с утра напропалую
дурь различную не пить!..

Чтоб примером подражанья
стать скорее для друзей,
дайте мне для поддержанья
тела несколько рублей!

Анатолий Яковлев

БАНАНЫ ГЛУПОСТИ

ТОСТЫ

Однажды орёл полетел далеко в море и увидел тюленя.

– Ха! – рассмеялся орёл. – Ты не можешь летать!

– Зато я могу не летать! – рассмеялся тюлень, когда через час обессилевший орёл свалился в воду.

Так выпьем за то, чтобы наши способности соответствовали нашим возможностям!

* * *

Два негра плыли в лодке по ночному озеру, и было звёздно, и звёзды отражались в воде, и были они – алмазы...

И казалось неграм, что плывут они по самой Лете!

А плыли-то – тьфу! – по Титикаке...

Так выпьем за Африку – страну контрастов!

* * *

Один рассказчик решил соткать ковёр беседы и, созвав друзей, так сказал им:

– Оседлайте осла терпения, приготовьте шербет внимания и с миром пускайтесь по тропе моего рассказа!

Однако шербет внимания скоро вышел, осёл терпения сбился с ног, а тропе рассказа не было конца. Более того, тропя рассказа обратилась в магистраль повествования, по обочинам которой пыльным цветом распустились сирень голословия и бананы глупости.

Напрасно друзья принялись было за халву уважения – халва уважения скоро исыкла, а в небе настойчиво загудели пчёлы гнева.

Тогда друзья положили на рассказчика бревно усталости и облачились в калоши бегства...

Так выпьем за то, что Восток – дело тонкое, а где тонко – там и рвётся!

УКОРЫ ИСТОРИИ

6 тыс. до Р.Х. Родился Мавзол – изобретатель мавзолея. *«И долго буду тем любезен я народу, что тело сохранил, не требуя ухода»* – напишет изобретатель впоследствии.

Анатолий Васильевич Яковлев (1970–2005) – поэт и прозаик. Автор книги «Древо жизни» («Китап»), публиковался в сборниках «Посещение Амура», «Голоса вещей», «Дастан о Башкортостане», «Озарение», «Возрождение». Печатался в российских и зарубежных СМИ. Был ведущим литературных полос в газете «Ленинец», потом – в «Молодежной газете». В 1996–1999 гг. – член Бюро творческого объединения русских писателей СП РБ, руководитель молодежной литературной студии.

4. тыс. до Р.Х. В семье земского жреца Птахшепсеса рождается тринадцатая по счёту девочка – будущая царица Египта бесподобная Нефертити. На древнеегипетском её имя звучало как «не фырчите», что буквально значило: «я хоть и самая красивая, но на всех не угодишь...»

3 тыс. до Р.Х. Илионец Парис Приамович наставляет рога спартанцу Менелая, чем бесконечно огорчает последнего. Грядёт Троянская война, о которой Гомер скажет так: «...смешались кучи коньи, людьи...»

3 тыс. до Р.Х. Хитро сделанный Одиссей (по литовской версии – Улисс) изобретает Троянского Коня. Троя взята, Одиссей, в ранге уже Дважды Героя Древней Греции, с почестями возвращается к семье – жене Пенелопе и сорока её женихам.

1188 год. Открыто имя автора «Слова» о полку Игореве. Слово это, адресованное самовольно выступившему в поход против войска половецкого князю Игорю и его наголову разбитому полку, произнесено было в 1187 году князем Святославом Киевским. Слово оказалось не воробьём и, облетев широчайшие слои народа, стало неотъемлемой частью его культуры.

1654 год. Художник Иван Сурепин замысливает писание картины «Иван Грозный убивает сына» с натуры. Душку-царя не приходится уговаривать долго, полотно входит в золотой фонд мировой живописи, народ безмолвствует. По воспоминаниям современников, будучи уже в преклонных годах, Иван Грозный, останавливаясь у картины, непременно спрашивал: а был ли мальчик? Тем не менее, известны частые жалобы самодержца окулистам, что «мальчики кровавые в глазах».

1770 год. Похмельная императрица Екатерина входит в покои к графу Потёмкину-Таврическому и предлагает: «Сообразим на троих?..»

1812 год. Выдающийся этик и педагог Иван Барков вносит в шахматную нотацию новое, чисто русское понятие мата. Таким образом, древняя игра, доступная прежде узкому кругу интеллектуальной элиты, проникает в массы, становясь, наряду с «чижигом» и «лаптой», поистине народной забавой.

1917 год. В Москве открывается 1-й съезд Советов. В.И. Ленин, вождь мирового пролетариата, самым решительным образом выступает за исключение из алфавита буквы «Р», как мешающей говорить. Предложение, тем не менее, было отклонено. Депутаты посчитали невозможным упразднить букву, фигурирующую в таких важных словах, как «революция», «Крупская», «Горки».

1937 год. Лаборатория академика Лысенко завершает ответственную работу: выведено буратинное дерево. «Прожить жизнь – значит, выстроить дом, вырастить дерево и сделать из него сына!» – скажет Лысенко на церемонии вручения ему Ордена Красного Дерева. Бурные, продолжительные аплодисменты. Все садятся...

1962 год. В Верхоянске открывается Всесоюзный Ворсистого Вымпела Институт Медвежьих Ресурсов. Факультеты – медвежьих углов, медвежьих услуг и

медвежьих болезней – проводят плодотворную разъяснительную работу с косолапыми тружениками медового фронта. Мёду – быть!

1978 год. Замечательный советский прозаик Леонид Брежнев завершает работу над книгой-антиутопией «Малая Земля». В книге, положившей начало традиции русского «соцарта», в гротескной форме выставляются типичные черты социалистической эпохи, едко пародируются лжелитературные приёмы соцреализма. Глубоко иронические, критичные произведения Леонида Брежнева оказали огромное влияние на развитие литературы в России посткоммунистической эпохи. Судьба уберегла талантливую автора от лагерей для политзаключённых, однако изнурительная работа в условиях жёсткой цензуры и под надзором «органов», боль за судьбы Родины, божественный образ жизни сделали своё. Леонид Брежнев умер трагически рано как, впрочем, и Пушкин.

1992 год. В Багдаде всё спокойно.

1993 год. В знаменитом ленинском шалаше в Разливе состоялась 1-я конференция организации «Революционеры мира против спецсредств», на которой присутствовало более 50 тысяч делегатов со всего мира. Важные задачи решались в тесном кругу единомышленников...

1995 год. В очередной раз в рамках Всероссийских юношеских состязаний «Весёлые старты» взял начало традиционный пеший марафон «Архангельск – Москва», посвящённый памяти выдающегося земляка архангелогородцев М. Ломоносова. К участию в марафоне допускаются наиболее одарённые дети, не владеющие грамотой и поборовшие медведя. «Открылась бездна, звезд полна...» – писал некогда будущий академик земли русской. Рубиновые звёзды Кремля и ведущие места на кафедрах институтов РАН ждут победителей соревнования!

2021 год. Завершается подготовка к полёту на Марс международного российско-американского экипажа. В программе намечено выполнение ряда важных экспериментов: выход в открытый космос вперёд ногами, установление предельного расстояния видимости корабля с Земли... Главной же задачей остаётся, безусловно, убедиться: действительно ли маленькая планета Марс, или это так кажется в телескоп?

Сергей Янаки

ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ

ОЗОРНАЯ БАСНЯ

Стежками, что машинка «Пфафф»,
Вихляла сучка, хвост задрал.
За ней – кудлатый гражданин,
Помоек местных «дворянин».

Её широкий кругозор
Вмещал и путь, и светофор,
Прохожих рой, поток авто.
И много прочего... зато,

Он точку зрения имел –
Геометрический предел.
Но вот беда, ведь точка та
Лежала в области хвоста.

(Эстет поморщился уже.
Но автор нынче в кураже.)

Итак, опасность миновав,
С изящной грацией Пиаф,
Бонжур! Аревуар! Ажур!
Мадам ступила на бордюр.

А что же рыцарь, кавалер,
Знарок изысканных манер?..
Ах, славный малый – не пижон –
Пал под колёсами «Пежо» ...

Груб слог, – мне скажут, – прост сюжет.
А главное: морали нет.
И я о том же – между строк:
Морали нет!!! Таков итог.

К тому же интересно мнение
Про кругозор и точку зренья.
Упрёки снял и был таков –
Не баснописец. Не Крылов.

Сергей Георгиевич Янаки родился в 1952 году в Уфе. Печатается в республиканских СМИ с 2002 года. Автор книги стихотворений «Моё язычество» (2014, Уфа, «Китап»), один из авторов коллективного сборника поэтов-связистов «Мелодии души». Лауреат журнала «Бельские просторы» в номинации «Перевод» за 2007 год.

«АЙ ДА ПУШКИН!..»*Эстетам от искусства*

Поставят в парке памятник кумиру
И ленточки расправят на венках
Ценители «барокко» и «ампира»...
Ан, девушка с веслом уж на сносях!

ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Не под белы рученьки дежурный
Их с вокзала вывел, окаянных.
Сонные, залётные амуры
Стрел своих не тратили колчаных.

Парочку сивушную дворняжка
Обойдёт стороной без заминки:
Что подаст кургузая фуражка?
Что возьмёшь с растрёпанной косынки?

Испитые, оспенные лица...
Поговорки здесь не утешают:
«Пьяный – не дурак, к утру проспится»;
«Некрасивых женщин не бывает».

*Леонид Соколов***ПОСЛЕДНИЕ ГЕРОИ ЭПОХИ****ОДА ВОРОНЕ**

Люблю порой взирать на кроны
Дубов могучих иль берез,
Где горделивые вороны
Вовсю галдят, дразня мороз...
И пусть на улице за тридцать,
И даже более того,
Сии выносливые птицы
Ну не боятся ничего!

Я поражен их красотой
И восхищаюсь в сотый раз,
Они – последние герои
Эпохи той, что сзади нас...
Уже с неделю непогода,
Гудят устало провода,
Они – изгнанники природы,
Не улетают никуда...
И если спустятся на крышу,
На что-то свой уставив глаз,
То все равно вороны выше,
Они намного выше нас!

ДВУСТИШЬЯ

* * *

Дядя Петя пьет под вязом,
Он к природе так привязан...

* * *

Баба Маша бабу Риту
Победила по буллитам...

* * *

Вот, кочую,
Водку чуя...

* * *

Соберу собратьев по перу я,
Соберу – и вместе попируем!

* * *

Аванс?
А нам-с?!

* * *

Раз в гостях у феи
Побывал в Уфе я...

* * *

Вот компания –
Водка пани и я!

* * *

Бороду добрею,
Выгляжу добрее!

* * *

Бегали по палубе,
За это не попало бы...

* * *

И молвил он, сверкнув очами: –
Кто молотком стучит ночами?!

* * *

Мы с подругой ели вишни,
Третий явно будет лишний...

* * *

Сделал то и сделал это,
Вот тебе и нету лета...

* * *

Как день сжат
Без деньжат...

* * *

Шла как-то дама после бала
И всех прохожих посшибала...

В ЧЕТЫРЕ СТРОКИ

* * *

Проехал много по стране я,
Да, стали девушки стройнее,
Я уверяю вас, да, стали
И всех диетами достали...

* * *

Тут недавно мышь в кладовке
Объявила голодовку.
Голодовка у мыша,
Коль в кладовке ни шиша...

Владимир Кузьмичёв

НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО

ПУШКИН И ДАНТЕС. СОВСЕМ ДРУГАЯ ИСТОРИЯ

А.С. Пушкин в письме от 18 мая 1836 года писал жене: «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом...»

Произведение «Арап Петра Великого» Александр Сергеевич начинает так: *Я в Париже: я начал жить, а не дышать.*

Как человеку с юмором, мне представилось возможным пофантазировать на тему: «Что, если бы...».

Пушкин был весьма изворотливым и хитрым. Таким его воспитала няня Арина Родионовна, рассказывая огромное количество сказок, из которых сам Александр Сергеевич поведал потомкам лишь малую часть. У няни он научился великому множеству приёмов и хитроумных уловок, которыми та владела в совершенстве. Мало кто знает, что в юности она провела добрый десяток лет в тибетском монастыре Шаолинь, постигая самобытную культуру и традиционные знания нетрадиционной китайской медицины.

О мастерстве перевоплощения Арины Родионовны в предгорьях Тибета до сих пор ходят легенды. Шаолиньские монахи так и не смогли понять за все эти годы, что монах Ли Шиминь и есть та женщина, которая в будущем станет няней великого русского поэта. Правда, для этого ей пришлось пройти пешком по Великому шёлковому пути до самой Бухары, но об этом как-нибудь в другой раз...

Тот день на Чёрной речке выдался на редкость погожим, снег радостно поскрипывал под ногами секундантов, а яркое зимнее солнце уже почти по-весеннему ласкало своими лучами суровые лица дуэлянтов.

– К барьеру! – раздалась команда, и стоявшие спина к спине Пушкин с Дантесом стали расходиться в противоположные стороны, отсчитывая про себя двадцать шагов...

Наконец путь был пройден и противники повернулись друг к другу. Взгляды их на мгновение встретились, и уголки губ Пушкина на долю секунды замерли в презрительной улыбке...

Дантес выстрелил первым. Его рука крепко держала пистолет, а указательный палец плавно нажал на податливый курок. Через миг сквозь облачко порохового дыма вырвалась стремительная пуля и понеслась по воле смертоносной судьбы навстречу своей жертве.

Пушкин ждал выстрела. Его мускулы были напряжены, взгляд сосредоточен, а холодный мозг прокручивал возможные варианты поединка. Вот краем глаза Александр Сергеевич заметил чуть дрогнувшее в момент выстрела дуло пистолета Дантеса и тут же, повинуясь острому инстинкту, чуть согнул свои колени, опадая туловищем назад и по очереди вскидывая руками, сделав невероятный выпад, на мгновение замер. Пуля, со свистом разрезающая воздух, тут же прошла в том месте, где должен был находиться в этот момент живот поэта, но волею судьбы там было пусто. Только ухо уловило тот самый, ни с чем не сравнимый звук, отделяющий смерть от жизни. Ещё через мгновение Пушкин вновь как ни в чём не бывало стоял на ногах.

Владимир Кузьмичёв – крымчанин, проживающий в Уфе с семидесятих годов. Публиковался в международных литературных альманахах «Чувства без границ...» и «Золотая строфа», в сборниках проекта «Библиотека современной поэзии», а также в юмористических журналах «Красная бурда», «Чаян», «Хенэк – Вилы» и «Веселуха». Член московского клуба юмористов и сатириков «Чёртова дюжина».

Секунданты взирали на всё это с открытыми ртами, их воспалённые умы даже и представить себе не могли той неувимой взглядом реакции поэта на окружающее, которую они смогли бы разглядеть лет эдак через сто семьдесят в замедленной съёмке фильма «Матрица». Но и это было не всё. Пушкин тут же уверенно выстрелил в ответ. Дантес рухнул на колени. Его руки раскинулись в стороны. Удивлённый взгляд пытался найти Пушкина, а из уголка рта французского подданного пролилась тонкая струйка алой крови.

Александр Сергеевич пружинистым шагом подошёл к упавшему врагу и, сняв с себя сюртук, немедленно надел на противника. Затем резким движением руки Пушкин сорвал с себя курчавые фальшивые бакенбарды с париком, и тут же водрузил всё это на умирающего Дантеса, карие линзы поэта закрыли расширенные от ужаса зрачки неудачливого стрелка. И в довершение всего, цилиндр поэта также переключался на голову поверженного.

Перед ошарашенными происходящим на их глазах секундантами, предстал великолепный блондин с голубыми глазами, один из ботинков которого наперекор тогдашней моде на радикальный чёрный цвет был почему-то бордовым. В этот момент Пушкин вскочил на белую лошадь француза и был таков...

Как говорили современники, высокого блондина видели в тот же день пересекающим границу на Нарвской заставе, а через день скачущий галопом всадник был замечен на границе Эльзаса и Лотарингии...

А ещё говорили, что вскоре ставший известным на весь мир французский писатель Александр Дюма, вздрагивал до конца своей жизни каждый раз, когда кто-нибудь из присутствующих произносил его имя с русским акцентом. Но это уже совсем другая история...

НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО

В одном небольшом приморском городке, где жители знают друг друга если не лично, то хотя бы в лицо, произошла однажды удивительная история.

На улочках городка примостились вокзал, рынок, городская управа и даже театр, за которым взору открывалась набережная.

Море штормило. Тяжёлые высокие волны накатывались на берег и с грохотом разбивались о гальку пляжа, заглушая крики чаек невыносимой какофонией.

Оголтелые чайки носились повсюду и чуть не задевали крыльями человека, который не обращал на них ни малейшего внимания. Его горящий взгляд был направлен в одну точку, он словно искал кого-то или чего-то высоко в небе прямо над собой.

Редкие в тот день прохожие, могли узнать в человеке режиссёра местного театра. Режиссёр давно мечтал снять художественный фильм по собственному сценарию. Об этом знали практически все жители городка. С одними режиссёр делился своими планами. У других искал понимания. А некоторых даже просил помочь материально. О сценарии со слов самого режиссёра было известно, что он гениальный. Но почему-то ни одна уважающая себя киностудия, так до сих пор и не взялась представить шедевр публике.

– Бездари! – раздражённо восклицал режиссёр. – Им бы только коммерческий успех. О настоящем высоком искусстве они никогда и не слышали. Одним словом, бездари!

Как уже, наверное, догадался пытливым читатель, собственных средств на съёмку, как и у всякого талантливого человека, у режиссёра не было. Уже были испробованы десятки различных разумных способов раздобыть нужную сумму для осуществления мечты. А воз, как говорится, то есть сценарий, и ныне там – пылился в папке на полке аккуратно отпечатанным единственным экземпляром, но уже в довольно потрёпанном состоянии.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются – гласит предупреждение в издательствах. Это же правило действует и на киностудиях. Но именно этот сценарий волшебным образом каждый раз возвращался к автору. Не далее как вчера посыльный принёс его обратно от одного богатого мецената, знакомого со множеством продюсеров... Опять не срослось.

– Бездари! – по привычке произнёс режиссёр, когда его взгляд наткнулся на папку, имея в виду описанные выше события, и вышел из дома. Он долго бродил по городку, пока наконец не очутился на том самом пляже, где мы его и обнаружили.

Его всклокоченная, давно не мытая борода колыхалась от ветра, кадык нервно ходил вверх-вниз, а выпученные глаза, казалось бы, видят кого-то там, на самом верху, куда не могли долететь вездесущие чайки, кого не сможет скрыть плотная гряда почерневших туч и кого не затмит даже яркое свечение солнца при хорошей погоде.

– Боже! – Пытаясь перекричать штормящее море: – На одного тебя уповаю, не дай сгнить во тьме невежества, помоги, будь добр к рабу своему, дай миллион на съёмку!

Что-то в этот момент случилось: может, чудо, а может, и самое обыкновенное волшебство, которое периодически случается с честными людьми, но, видимо, слова просящего вместе с его мыслями о высоком и настоящем искусстве достигли адресата. В ту же минуту небо развёрзлось и сквозь тучи пробилась золотые лучи небесного светила, и с неба прямо к ногам режиссёра упал мешок.

Довольно тяжёлый, килограммов сорок, не меньше – определил он, когда попробовал приподнять. Чуть помешкав, наш герой решительно развязал узел.

Мешок оказался доверху набит пачками купюр, туго перетянутых крест-накрест широкими лентами фабричной упаковки.

– Вот это, да! – радостно вскрикнул режиссёр. – Да здесь на всё хватит! И фильм сниму, и ещё на пряники с маслом останется!

И только приглядевшись внимательней, он понял, что купюры хоть и настоящие, хоть и не малого достоинства, но все советского образца. На ярких хрустящих банкнотах можно было различить уже порядком подзабытые надписи: «Подделка билетов государственного банка СССР преследуется по закону» и «Банковские билеты обеспечиваются золотом, драгоценными металлами и прочими активами государственного банка».

То ли в тот день шум моря был настолько сильным, что просьбу не смогли расслышать как подобает, то ли у Верховного в силу весьма почтенного возраста было уже довольно туговато со слухом, а может быть, и просто потому, что настоящее высокое искусство делалось именно в то время, когда деньги означенного образца ещё повсеместно были в обращении, но случилось всё именно так. Мы же можем сказать уверенно только одно, на всё воля Божья.

– Тьфу!!! – В сердцах плюнул режиссёр. И тут из уст представителя интеллигентной профессии раздалась достаточно длинная тирада, состоявшая из ёмких по содержанию, коротких по звучанию и вместе с тем трудно переводимых на языки дружественных народов выражений, которые, в свою очередь, в хороших фильмах скрываются под многозначительным и продолжительным «пиканьем».

Затем, вновь войдя в узкие рамки культурного человека, герой нашей удивительной истории ещё раз окинул взглядом уже не такое привлекательное содержимое мешка и перевёл потухший взгляд на небо.

– Бездари! – привычно изрёк режиссёр и уныло пошёл прочь.

Юрий Герцман

НАМ ЧУДИТСЯ...

О ЕДИНСТВЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Поистине, нет худа без добра,
Но не бывает и добра без худа.
Давно нам всем усвоить бы пора:
Есть плюс, есть минус...не бывает чуда.

И вот пример, нет худа без добра:
В посудной лавке порезвился слон...
Найдя чрез тыщу лет осколков миллион
Воскликнут археологи: «Ура!»

Тот же пример, но нет добра без худа:
На радость детям порезвился слон...
Узнав, что там убытков миллион,
С инфарктом слёг владелец той посуды.

БЕЗ ЗНАКА...

Жить в обстановке бардака
Нельзя под знаком Зодиака.
Вот и живём...совсем без знака
Без компаса, без Маяка.

Десятилетия ли? В е к а ! –
Временщики судьбу косили.
Страна родная широка,
Так где твой верный путь, Россия?

И кто простит временщиков?
Тех, что творят... но ведают!
Быть может, и простит их Бог..
Но что из того следует?

СЛОВО ПЕЧАТНОЕ

Чему нас учили уроки Истории?
Что всякая власть лишь приносит горе.
Две тысячи лет от Рожденья Христова...
Как доверяться чьёму-то с л о в у ?

Люди! Внимательней посмотрите-ка:
Э к р а н... Предвыборная политика,
Враньём нас кормящая снова и снова,
Научившая не верить ни слову.

Эх вы, СМИ, четвёртая власть,
По нам «раскатившаяся всласть»,
Разместившись на всём готовом...
Лишь девальвировала С л о в о.

ИНТЕЛЛЕКТ

Витрины, магазины, цены...
Хоть Невский, хоть любой проспект.
И всё считаем мы мгновенно.
Но сколько ж стоит интеллект?

Мы часто шутим «стройка века,
Жаль нету денег на объект:
Музей, спортзал, библиотека...»
А сколько ж стоит интеллект?

Проходим равнодушно мимо:
«Ну кто там? Пьяненький субъект?»
Нет! Там талант в Геенне винной!
Так сколько ж стоит интеллект?

Умов утечка за границу...
Там – СКВ! Другой эффект.
Там всё оплатится сторицей.
А здесь? Что стоит интеллект?

Ужель неясно россиянам,
Сколь мрачен времени аспект?
В любой земле обетованной
Всего дороже – интеллект.

ДУРАКАМ

Уж если Бог кого решил
Наказывать, он разом,
И в осуждение за грехи
Отнимет весь их разум.

Зато теперь понятней нам,
(Хоть мы и не в ответе):

Живётся легче дуракам
На этом грешном свете.

И ВОТ ОН, XXI ВЕК!

А мы жадны, неблагодарны,
Никак на нас не угодить.
Без нужды затеваем свары
И... продолжаем водку пить.

Чуть солнце землю обогрело,
Ворчим и молим о дожде.
Чуть дождь польёт, нам надоело:
«Залило! Справедливость где?

Ну что ж, блага неравномерны.
Он так велик, наш мир земной:
Одним – отпущено без меры,
Другим – кусочек небольшой.

Всё то же на огромном шаре:
Пустыни, джунгли и снега,
Безмерно – океанской дали,
Массивы горные, тайга,
Дома, дороги, космодромы...
И, вроде, мы идём вперёд?
Всё это хрупко, как фантомы,
Как под ногами тонкий лёд.

Взорвутся лавою вулканы!
Землетрясения так тряхнут!
Зальют гигантские цунами
Или – кометы упадут?..

И вмиг погибнут миллионы,
Не станет наших городов...
А кто услышит эти стоны,
Проклятия и немошь слов?

Но мы жадны! И нам всё мало!
Мы супербомбы создаём.
А техногенные обвалы
Уже хоронят нас живьём.

Мы грезим призрачной Свободой,
А что с ней делать? Не поймём.
Чужие и свои народы,
Мы бьём кнутом и жжём огнём.

О чём там молят в разных храмах?
 Как бы соседей ущемить?
 Каким богам – в чалмах, в сутанах –
 Молиться и поклоны бить?..

И в этом суть? Предел мечтаний?
 Подумать – оторопь берёт!
 Умерить бы фантом желаний,
 Подумать бы: а что нас ждёт?

НАМ ЧУДИТСЯ...

Нам чудится: мы видим свет
 В прямоугольнике окна.
 А там лишь суета-сует,
 Мельканье, грохот, тишина...

Нам чудится: мы видим ночь
 В прямоугольнике окна.
 И темнота уже невмочь
 Нам без стихов и без вина...

Нам чудится: мы видим мир
 В прямоугольнике окна.
 А за окном, как злой Сатир, –
 Кривлянье лиц, виденья сна...

Нам чудится: мы видим жизнь
 В прямоугольнике окна.
 Уж сколько лет, уж сколько зим!
 И скоро осень... Где ж весна?

Борис Павлов

ПРОГРЕСС...

МУЛЯЖИ

Взлетают к облакам
 Бетонные коробки.
 Внизу – ни деревца:
 Машины, гаражи...
 И травка на газонах
 Зеленеет робко...
 Кто ж тут живёт?

Не люди?
Муляжи?
Внутри – простор!
Престижно и уютно...
Но каждый по себе:
Хоть рядом, но чужой...
Не оттого ль
В больницах многолюдно,
Где возглас по утрам:
«А ты ещё живой?».
Деревья срублены,
Угарный газ и пробки...
Куда, зачем
Безумный люд спешит?
Надменны живописные
Коробки...
Не дай то Бог –
Рванёт метеорит!
Иль чья-то
Бешеная
Атомная бомба,
Иль новая,
Ещё страшней,
Помпея...
Так как нам жить?
Подскажет Павел Глоба?..
Или всемирная
Разумная идея?

ПИРОГ

Толпа чиновников... От них в России тесно.
Коррупция – их лакомый пирог!
Хоть отзывается о них народ нелестно,
Избавить мир от них пока никто не смог!

ВОРОБЕЙ

Нет вождей разумных у эпох,
С доброю природой не сроднились.
Воробей попил из лужи – сдох...
Люди мимо шли, не возмутились...

Отчего, кто в этом виноват?
Воробей ни в чём не провинился.
Вдоль дороги, рядом, синий смрад
Расползался густо и дымился.

У людей, у многих, горькая судьба.
Поликлиники набиты до отказа...
У обиженных о помощи мольба,
У вождей улыбки – для показа.

Что ж народ? Пил горькую, молчал...
А враги природы размножались...
Кверху ножками воробушек лежал,
Люди мимо шли, не удивлялись...

Жизнь мрачна без солнечных идей!
Безразличие, безверие и страхи...
Участь ждёт такая же людей,
Схожая с судьбой невинной птахи!

Задышаются больные города,
В них опасней жить нам год от года...
По планете катится беда:
Нет вождей, живущих для народа.

ПРОГРЕСС...

Их цель – вершины!
Во всем – размах!
В дымах машины,
А в мыслях – мрак...

Страшны болезни –
Грядёт ли мор?!
Печальны песни
Поёт мотор!

Авто – услада,
Авто – престиж!
Машины – стадо...
Куда летишь?

Прогресс-уродец,
Мир обречён!
Такой народец –
Всё нипочём!

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Наелись мы, кажись, всего досыта,
Теперь бы жить вольготно, песни петь!
Но, может, у дырявого корыта
Придется, пригорюнившись, сидеть?

«День Победы я запомнил хорошо...»

Детская память идет вслед за временем и подбирает что-то свое, оброненное взрослыми. Еще не помню ни отца, ни мать, ни брата, ни сестру, ни как вещал по телефонной трубке в два года: «Товарищи, без паники – воздушная тревога!» (со слов родителей). Не помню, как мы прятались за печкой на кухне дома, в Брянске, как меня тащила мама на руках под грохот наступающего ужаса и гибели, как мы добрались до Орла, куда уже входили немцы... Не помню и не понимаю до сих пор, как сумела мама с тремя детьми прорваться через разбомбленные пути к какому-то стоявшему составу, пролезть в забитую доской «теплушку», которая со скрежетом прошла по ржавым рельсам годами позабытого пути. И покатались дни к Уралу, без пищи, на полу, который стал постелью и столом, и туалетом... Бывало, что на станциях какой-нибудь солдат делился хлебом со старухой и ее детьми, а маме тогда было сорок лет.

Я потихоньку помирал от голода и диспепсии, а поезд полз израненной сороконожкой к надежде, людям, жизни. После «веселья» нашего вояжа приблизились к Уфе, уже закрытой для обычных беженцев, и нас сгрузили в Дёме, откуда пригородный поезд ходил в Уфу, возил людей, имеющих официальный пропуск. Среди рабочих, ехавших законно, попались добрые сердца – нас уложили под сиденья, закрыли телогрейками, мешками и ногами, и мы доехали, не пойманные патрулем, до города, где прежде жили мамы знакомые.

На станции продавали мороженое, горячие булочки и что-то еще бесподобное

из прошлой, расстрелянной жизни. Когда мама нашла знакомых, мы пришли к ним домой и увидели на керосинке сковородку с котлетами, в облаке запахов рая. Позже мне рассказали, что я изловчился схватить, проглотить и боролся как зверь за все остальное. Все испугались, что я тут же умру от обильной еды после долгого голода. Не помню из этого ничего, но знаю, что выжил. Мы вскоре сняли комнату и жили вместе всей собравшейся родней, дружней и тесней, чем сельди в бочке...

Первое в жизни пунктирное воспоминание: хочется есть, передо мною корова в аромате тепла и чего-то божественно вкусного – это был жмых у нее во рту. Испугавшись рогов и огромного тела невиданной прежде коровы, я позорно бежал, уступая бездушной судьбе и не отведав от пищи богов.

Выплывает из памяти вечер, когда спустя время мы уже жили отдельно: мы сидим за столом, перед нами три блюда со сладковатой от сахара водой, мама сыплет в них горсточку семечек и говорит нам, что это халва. И еще прорывается в память картинка: сестра достает из портфеля что-то круглое, вроде баранки, и дает ее мне, не попробовав даже кусочка от своего школьного подарка в честь какого-то праздника. Она повела меня как-то впервые в кинотеатр, фильм назывался «Александр Матросов». Мне сказали, что он жил в нашем городе, в какой-то колонии, и погиб на войне как герой. У меня был с собой пистолет из обрезка доски со стволом из проржавленной трубки для точной стрель-

Геннадий Ефимович Малкин – родился в 1939 г. в Брянске в семье рабочих. Окончил 3-й Московский мединститут. Член СП Москвы. Произведения Г.Е. Малкина переведены на болгарский, немецкий, польский, чешский языки.

бы горохом. До сих пор вижу кадр, как Матросов ползет к пулеметам, изрыгающим смерть, и встает во весь рост. Я начал стрелять по экрану – в амбразуру немецкого дота. К сожалению, не попал...

Всплывает как в тумане: ограда парка, духовой оркестр, ватага пацанов и очень толстый человек, припавший к ржавым прутьям... Мальчишки крутятся вокруг него и те, кто посмелей, надавливают пальцем на расплывшееся тело – в том месте остается углубление. Когда мы шли обратно, я увидел, что человек осел в нечистую траву с закрытыми глазами. Лет через двадцать я узнал, что это называется водянкой, когда от голода пьют воду вместо пищи и с ложным чувством сытости отходят в лучший мир, где нет войны.

Еще картинка: рынок, мама смотрит, где кушать картошки, народа почти нет, торговые ряды пусты, и вдруг шум, крики... Когда слегка утихло, стало видно – бьют мужчину. И вопли: мясо! вор! убить его! Мужчина в форме бил по голове винтового гофрированной трубкой от противогаза – тот молча закрывал лицо руками...

Не говорю о том, как нас нашел отец – помню свет из двери и тепло налетевшего счастья. Знаю из семейной хроники, что он был в ополчении под Брянском, что город немцы взяли сходу, и участь почти всех оборонявшихся была печальна. Отец остался жив – спасли Брянские леса. Он понимал, что мы остались в ловушке города, а это не сулило ничего хорошего – евреи были вскоре уничтожены. Мы ничего не знали о его судьбе, а он – о нашей, и худшие предположения усугублялись временем.

Однажды отец сопровождал очередной состав, идущий на Урал. В Уфе, при длительной стоянке, его напарник заглянул в буфет на привокзальной площади, там его вычислила дама полусвета и повела к себе домой. Решив поблизости найти бутылку водки, она направила избранника к крыльцу, сказав, где расположена ее большая комната. Пришелец заблудился в коридоре и оказался в нашем переполненном жилище. Последовали извинения, вопросы... Он услышал, что мы из Брянска, что мы не знаем о судьбе отца, и вспомнил постоян-

ную тоску напарника о детях, о жене, пропавших, видимо, в воронке гетто. Товарищ наскоро простился, бегом на станцию, и рассказал отцу, что видел некую семью из Брянска, возможно, кто-то что-то знает и о его родных. Дал адрес, и отец отправился на поиски. Картину этой встречи вряд ли смог бы передать самый талантливый художник – это по силам только жизни.

Наши войска уже освобождали отданные города, и вскоре стали появляться пленные, враги, которые копали траншеи для каких-то мирных нужд почти что рядом с нашим домом. Кадр прошлого: в канаве немец, совсем не страшный, он шатает грязным пальцем зубы и просит лук у нас, детей. Я прибегаю в дом, рассказываю маме, и мама достает из-под стола, зашитого досками, большую луковницу. Я видел – там остались еще две...

Фашисты казнили брата отца – при выполнении особого задания в Орле он был выдан опознавшими его соседями. А его сын, танкист, сгорел в подбитом танке, и прах его также не захоронен, как и прах его отца, и моего двоюродного брата Аркадия, погибшего уже после победы над Германией...

А День Победы я запомнил хорошо. День Победы, о которой я услышал первым в коммунальном доме в городе Уфе. Накануне мне исполнилось шесть лет, и отчего-то не спалось всю ночь. Я берег свою первую в жизни игрушку – лошадку из папье-маше, на дощечке с колесиками, смотревшую с узкого подоконника на печку-«буржуйку» с железной трубой, выходящей в окно. Было боязно, что лошадку отнимет шпана, наводнявшая улицы и дворы. На рассвете черный репродуктор, который не выключался, объявил мощным голосом Левитана, что Германия капитулировала. Я закричал, папа с мамой проснулись, и мы бросились в коридор, куда из дверей выбегали наши соседи – кто в чем был. Опасаясь чего-то, выглянул тихий бухгалтер, которого не любили за имя Адольф, но и он получил свою порцию крепких объятий. Это было такое единение счастья, горя, надежд и прощенья, которого больше не возникало ни при каких обстоятельствах жизни...

Свидетель нескольких эпох

К 90-летию Мурата Рахимкулова

Мурат Галимович Рахимкулов родился 30 апреля 1925 года в Уфе. С 1941 года работал на моторном заводе в Черниковке (ныне УМПО). В 1945–1950 гг. был актером и помощником режиссера Башкирского академического театра драмы имени М. Гафури.

Окончив в 1955 году Башгоспединститут, два года работал учителем в селе Чекмагуш. В 1957–1987 годах – на научно-педагогической работе.

М. Рахимкулов полвека успешно исследует русско-башкирские литературно-фольклорные связи. Наибольшую известность Рахимкулову принес вышедший в 1961–1968 гг. пятитомник «Башкирия в русской литературе», в котором собраны художественные произведения и этнографические очерки русских писателей и краеведов. Автор сопроводил их обстоятельными предисловиями, научными комментариями и биографическими справками. Позже этот труд в переработанном и дополненном до шести томов виде был переиздан (1989–2004). В сборнике очерков «Цветущий край, благословенный» (1979)

– М.Г. Рахимкулов рассказал о творческих связях с Башкортостаном Д.Н. Мамина-Сибиряка, Ф.Д. Нефедова, А.М. Горького, А.М. Федорова, Н.А. Крашенинникова, А.А. Фадеева, С.П. Злобина и других писателей. Тему эту он продолжил и в книгах «Встречи с Башкирией. От Пушкина до Чехова» (1982) и «Любовь моя – Башкирия» (1985).

В книгах «От Пушкина до Толстого» (2009) и «От Горького до наших дней» (2013) Мурат Галимович исследует творческие и биографические связи с Башкирией десятков литераторов – как классиков, так и малоизвестных, а то и вовсе забытых.

М.Г. Рахимкулов является автором статей о творчестве М. Гафури, М. Карима, Р. Нигмати, С. Кудаша, К. Мэргэна, а также монографии «Страницы дружбы» (1972), посвященной изучению русско-башкирских литературно-фольклорных связей, пятитомного учебного пособия «Литературное краеведение Башкирии» (1961–1968).

Мурат Рахимкулов – кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей СССР, Отличник Высшей школы СССР, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный краевед РБ, лауреат: Уральской премии имени В.П. Бирюкова и Литературной премии имени Степана Злобина.

Мурат Галимович Рахимкулов

литературное

Мурат Рахимкулов

ЧИСТИЛИЩЕ

Может быть, литературный кружок при Башкирском государственном педагогическом институте имени Климента Тимирязева существовал и раньше, но я его знаю с 1951 года. Назову даже точную дату – 20 сентября. Помню, как пришел в тот день на лекции и впервые столкнулся с Василием Гредалем. Это был высокий сутуловатый человек с отполированной лысиной и в огромных очках. Ходил он в синих галифе и гимнастерке, подпоясанной широким ремнем. Он рассказывал нам сказки – читал русское устное народное творчество. Лекции его были увлекательными, но, честно говоря, довольно бессистемными, и в голове после них мало что оседало.

И вот Василий Васильевич предложил всем желающим посещать литературный кружок. Поначалу нас было немного. Кроме меня, собирались Марсель Гафуров, Рамиль Хакимов, Леонид Тарасов, Саша Филиппов да Юра Поройков. Чуть позже к нам примкнул Ромэн Назиров. Мне почему-то хорошо запомнились его стихи. Они были своеобразными, нехарактерными для того времени. Тогда в основном писали о партии, Сталине, комсомоле. А у него было что-то своеобразное, непохожее на творчество остальных. На всю жизнь в память врезалась одна из его строк: «Нажал на черный пуп звонка...». Не могу судить, хорошо это или плохо, но запомнилось.

Чем притягивал нас кружок? Пожалуй, самое главное, что он давал нам, – это свобода мысли и возможность дискуссии. Мы обсуждали творчество друг друга, спорили о рифмах, о ритмах, о удачах, о неудачах, о неурядицах в мире... И никто нам не мешал. Гредаль слушал, ухмылялся, поглаживал лысину, иногда вставлял какую-нибудь реплику, но в споры наши не вмешивался. Он был кем-то вроде свадобного генерала. Фактически же всей организационной работой в кружке занимался наш староста – Саша Филиппов.

В 1952 году вышел первый альманах – «Заря». Он был машинописный. В нем мы разместили стихи, небольшие рассказы и статью Валентины Каревой к столетию со дня смерти Николая Гоголя. Оформлял альманах наш кружковец Ранец Саитгалин.

Были в жизни кружка и интересные события. Например, весной 1954 года к нам приехал Константин Симонов. Он читал свою новую поэму – «Иван да Марья». Вот только картавил, к сожалению, поэтому текст на слух воспринимался не очень гладко. Потом мы все вместе с ним сфотографировались.

Как сложились наши судьбы в дальнейшем?

Саша Филиппов вырос в Александра Павловича, народного поэта Республики Башкортостан. Марсель Гафуров – переводчик, заслуженный работник культуры РБ и РФ. Рамиль Хакимов тоже выбрал поэтическую тропинку, стал лауреатом государственной премии имени Салавата Юлаева. Леонид Тарасов уехал из Уфы, долгие годы был редактором газеты «Нефтяник Октябрьского». Валентина Карева работала доцентом на кафедре педагогики в Башгосуниверситете. Ромэн Назиров пошел сперва журналистской, а потом литературоведческой тропинкой, заведовал кафедрой русской литературы и фольклора в БГУ. Его научные труды хорошо известны и в нашей стране, и за ее пределами. Юрий Поройков сделал карьеру по партийной линии, впоследствии работал главным редактором журнала «Молодая гвардия» и заместителем главного редактора «Литературной газеты».

Лично для меня кружок Гредала оказался хорошей школой. Она помогла мне, когда я, работая учителем в Чекмагуше, вел литературно-драматический кружок. Со старшеклассниками мы устраивали творческие вечера, литературные викторины, ставили пьесы. Заняв первое место среди школ по художественной самодет-

тельности, приехали на награждение в Уфу. В тот раз вместе с остальными ребятами я привез сюда и Ильфака Смакова. Он стал впоследствии народным артистом республики и РСФСР.

Осенью 1968 года я пришел работать в университет и узнал, что литературный кружок развалился. Незадолго до этого им руководил Назиров. Будучи сам человеком неординарным, Ромэн Гафанович и студентам позволял свободомыслие. Вот их и разогнали якобы за антисоветчину. Бывший в то время деканом филологического факультета М.В. Зайнуллин предложил мне кружок возродить. Подумав немного, я согласился. Начинать пришлось практически с нуля. Я повесил объявление, что в такую-то среду в семь вечера в 415-й аудитории собирается литературный кружок, на который приглашаются все желающие от пионера до пенсионера. Первыми, кто пришел, оказались даже не студенты, а две девятиклассницы – Галя Карпусь и Зиля Нурмухаметова. Первая писала довольно хорошие стихи, вторая – рассказы. Но на филфак к нам они потом не поступили, уехали учиться на факультет журналистики в МГУ. Зиля стала вице-премьером – министром культуры Республики Татарстан, Галина много лет работала заместителем главного редактора газеты «Республика Башкортостан».

Постепенно кружок оживился. Приходили и студенты разных вузов, и школьники, и даже рабочая молодежь. Когда у нас образовался костяк человек из пятнадцати, начались споры о том, как же нам называться, ведь прежде кружок был безымянным. Не помню точно, кто и когда предложил это название, но к 1970-1971 году мы уже были «Тропинкой».

Выступали с ребятами в школах, на телевидении, устраивали встречи с из-

вестными писателями, издавали альманахи. В течение девяти лет вышло четыре таких альманаха. Сейчас все они хранятся в детской библиотеке города Уфы № 17. Первый мы выпустили в 1973 году. Его отправили в рамках конкурса студенческих работ в Новосибирск, и там он получил награду всесоюзного уровня. Следующие альманахи выходили в 1976, 1978 годах и, наконец, четвертый – в 1982-м, к 25-летию университета. В ту пору нас уже все чаще называли не кружком, а литобъединением.

Работая с молодежью, я не только передавал ребятам свои опыт и знания, но и сам многому учился от них. Среди «тропинковцев» было много ярких личностей. Назвать хотя бы моих первых помощников – Леню Соколова, ставшего впоследствии успешным писателем-сатириком, и Любу Леонтьеву (Колоколову). Люба, будучи еще студенткой, даже несколько месяцев руководила «Тропинкой», когда я уезжал в Москву на повышение квалификации. Да и за других ребят мне не стыдно. Поэтами и писателями, журналистами стали Николай Грахов, Римма Романова, Станислав Шалухин, Евгений Воробьев, Ирина Зиновьева, Айрат Еникеев, Борис Христов, Юрий Агров. Думаю, каждому из них «Тропинка» чем-то помогла в жизни.

За несколько десятилетий через литобъединение прошло много людей. Кто-то приходил пару раз и исчезал, а кто-то оставался надолго. Конечно, далеко не каждый из студентов и школьников стал впоследствии писателем или поэтом. Но в этом-то и заключалась основная функция «Тропинки». Она была неким чистилищем, в котором происходил отсев. И если хотя бы два десятка человек, вышедших из этого чистилища, встали в итоге на литературную стезю, – это уже большое достижение.

* * *

Мурату Галимовичу Рахимкулову 90 лет... Фантастический возраст, даже по нынешним временам. Он, наш старший товарищ, свидетель и участник становления великой страны, а также очевидец её разрушения и нынешнего упадка. И он в полной мере личность историческая уже по факту своего долголетия, не говоря уже о том, что навеки вписан в историю культурной жизни республики благодаря великому множеству уникальных литературоведческих работ и монографий, книг и пособий по литературному краеведению Башкирии. Основной его труд, дело долгих лет жизни – многотомная антология «Башкирия в русской литературе». Ценители этого вида искусства и патриоты родного края прекрасно знают, о чём и как написаны эти книги; сотни и сотни студентов-филологов, я надеюсь, ещё многие десятилетия будут спрашивать в библиотеках труды Мурата Галимовича, написанные живо и интересно, на высочайшем профессиональном уровне. И я не завидую будущим литературоведам (если таковые ещё останутся в стране), которые решатся повторить титанический подвиг патриарха республиканской научной словесности, поскольку практически все писательские имена, от великих до малоизвестных, от Пушкина до литератора из башкирской глубинки, нашли своё достойное место в работах Мурата Галимовича. Вот уж кто, действительно, написал – и «закрыл тему»...

Мои знакомые и близкие мне люди, в прошлом – студенты БГУ, говорили о своём преподавателе курса русской литературы М.Г. Рахимкулове с уважением, подчёркивая его спокойную, доброжелательную манеру общения, его интеллигентность, сосредоточенность на предмете, основательность в суждениях и выводах. Я же, познакомившись с Муратом Галимовичем лет пятнадцать назад, увидел его несколько другим: неистощимым на рассказы и воспоминания о встречах с многочисленным кла-

ном литераторов, с которыми ему пришлось встречаться и беседовать по работе, да и просто в дружеских застольях. С юмором, и в то же время тактично и уважительно, он говорил о своих беседах с московскими писателями А. Чаковским, К. Симоновым, Л. Ошаниным, Е. Исаевым, В. Солоухиным и многими другими, отмечая в каждом черту, отличающую его от прочих, какую-нибудь маленькую, но яркую деталь, мало кому известную. Ну, например, вряд ли кто сейчас знает, что Константина Симонова на самом деле звали Кириллом и что он поменял себе имя, чтобы слишком часто уж не картавить при знакомстве. Об этом Рахимкулову рассказал, посмеиваясь, сам Константин Михайлович... Правда, что касается творчества того или иного литератора, то тут его оценки и высказывания бывали более категоричными. Например, однажды он разделил мнение профессора МГУ В.И. Кулешова о том же Симонове. В литературном споре один из участников дискуссии в полемическом запале заключил, что Симонов – большой писатель. На что Кулешов ответил: «Да, большой писатель. Но не художник». Что ж, по большому счёту, учитывая наличие в русской литературе Пушкина и Гоголя, это верно...

Похожие приёмы оживления иногда наукообразного, вроде бы, текста мастер использовал и в своих работах, поэтому буквально все его книги интересны, читаются легко и запоминаются надолго. Они – летопись нескольких эпох культурной и общественной самобытной жизни башкирского края, тесно связанного своей историей с жизнью нашей великой страны на протяжении двух столетий. А основная мысль его произведений, которая держит и цементирует все работы выдающегося башкирского литературоведа, – дружба народов и взаимопроникновение культур – будет актуальной ещё долгие годы, если не всегда.

О Мурате Галимовиче Рахимкулове можно говорить очень много, долго и хорошо. Надеюсь, кто-нибудь из более сотни его дипломников возьмёт на себя этот

труд, вспомнит о своём наставнике и учителе, кто-нибудь из нынешних поэтов расскажет об университетском поэтическом кружке «Тропинка», которым руководил Мурат Галимович, кто-нибудь из докторов наук посвятит своему руководителю дипломной работы многостраничную статью с оценкой творческого пути большого учёного, литературоведа и основателя

литературно-исторического краеведения в Башкирии.

Я же сейчас просто поздравлю старшего товарища с его замечательным юбилеем, пожелаю здоровья и просто повторю, что говорил ему не раз: всегда рад Вашим звонкам в любое время суток, Мурат Галимович.

На связи!

Владимир Денисов,
член Союза писателей

* * *

Мурата Галимовича Рахимкулова его современники, коллеги по перу и труду, называют первооткрывателем и родоначальником литературоведческого краеведения в нашем крае, творцом, который «объял необъятное», создав великолепные книги и монографии и открыв для читателя малоизвестные «башкирские» страницы в русской классике.

Заслугой ученого являются шеститомная антология «Башкирия в русской литературе» и много томная серия «Золотые родники». Нет ни одного филолога в Башкортостане, который бы не знал его имени, и нет такого библиотекаря, который бы не был знаком с его творчеством и не работал с его книгами.

Мне повезло больше, чем другим моим коллегам: Мурат Галимович живет в двух шагах от библиотеки, где я работаю, и наши встречи когда-то были ежедневными. В качестве утреннего моциона он шел от киоска «Уфа-печать» в редакцию газеты «Истоки» и оттуда непременно заходил к нам. Иногда начинал свой путь с «Истоков», но с обязательным посещением библиотеки.

Я помню нашу первую встречу. У меня тогда случайно оказалась книга Рахимкулова «Народной мудрости родник», и через его дочь Гузель я попросила автора, чтобы он оставил свой автограф. Мурат Галимович отозвался сразу же – позвонил и попросил меня зайти к нему. На звонок открыл дверь сам Писатель – статный, седой, умный, пронизательный, вежливый... Таких эпитетов я могу перечислить еще с

десяток, чтобы охарактеризовать его и составить первое впечатление от встречи.

– Книгу эту вам я не верну, – учительским тоном сказал он. И пока я не успела подумать, почему, продолжил: – У меня у самого этой книги нет. Выбирайте любую другую, я подпишу! – и подвел меня к книжному шкафу.

Так я получила автограф и замечательного друга на многие годы. Несмотря на большую разницу в возрасте, он отнесся ко мне как к профессионалу, а наш библиотечный труд в своих выступлениях не раз возводил на недосягаемую высоту. Это было уже позже, когда он увидел наш ежедневный кропотливый труд во благо юных читателей.

Сколько удивительных и прекрасных встреч мы провели в библиотеке благодаря знакомству с Муратом Галимовичем! У нас побывали его коллеги и сокурсники В. Сидоров, Б. Попов, А. Филиппов, М. Гафуров, Р. Паль, Ю. Андрианов, дочь известного башкирского артиста Г. Мингажева, бывшие его студенты, а ныне уфимские поэты и писатели – Р. Романова, Л. Колоколова, Л. Соколов, а также дети и внуки самого Рахимкулова.

Более того, Мурат Галимович передал в наш музей свой архив – книги и фотографии, переписку с краеведами Урала и множество книг с автографами известных людей. Он доверил нам историю своего детства – рукописные студенческие альманахи литературного кружка Башкирского государственного университета под названием «Тропинка», организатором и руководителем которого он был на протяжении во-

семнадцать лет. И эта «Тропинка» вывела на литературное поприще многих ныне известных писателей и поэтов республики – бывших студентов филфака 60–80-х годов.

Мурат Галимович – удивительный человек. Литератор с энциклопедической одаренностью и математическим складом ума. Его знаниям и памяти нет предела! Он помнит не только имена и фамилии всех людей, с кем судьба его однажды познакомилась, но и даты событий, вплоть до мелких подробностей. Это в нем меня всегда восхищало, удивляло и поражало. А еще его удивительно тонкий юмор в общении с

людьми – будь то ровесник или юный посетитель библиотеки. Однажды на снимке, подаренном им нашему музею, он сделал такую надпись: «Лучшей библиотеке города Уфы от оригинала М. Рахимкулова».

Сегодня «уважаемому оригиналу» – 90, и, конечно, наша библиотека не может не отметить это событие. Традиционная литературная выставка посвящена его юбилею и раскрывает все многогранное наследие писателя, ученого, краеведа и нашего большего друга.

Здоровья Вам, дорогой Мурат Галимович!

Светлана Сабирова,
заслуженный работник культуры РБ

* * *

Как-то в середине 90-х встретил я на улице В.А. Скачилова и М.Г. Рахимкулова, тогда они занимались подготовкой материалов для краеведческого сборника «Живая память». Владимир Анатольевич спросил у меня, могу ли я предложить что-нибудь для этой книги. А Мурат тут же подсказал: «У тебя же неплохие статьи об Уфе 30-х. Вот и давай!» Вышел упомянутый сборник, а там – статья Бориса Попова «Прогулки по Уфе 30-х». Краеведы того времени её одобрили.

После смерти в 1980-м году моей тётки Ольги Ивановны мне в руки перешли два сборника стихов поэта и художника Павла Радимова 1914 и 1915 годов с его автографами, в одном из которых я вдруг обнаружил пятнадцать сонетов о его путешествии в Башкирию. Заглянул в пятитомник Рахимкулова «Русские писатели о Башкирии». Радимова там не оказалось. При встрече спрашиваю:

– Мурат Галимович, тебе известно что-нибудь о Павле Радимове?

– Известно, – отвечает.

– А почему же в твоём «пятитомнике» ничего нет о нём?

– Всё сразу не охватишь, – развел руками мой собеседник. – Вот ты и напиши.

Я и написал в «Вечернюю Уфу» статью «Сонеты о Башкирии», став таким образом «первооткрывателем» этих сонетов. И только через несколько лет стихи Радимова переиздали, и о них написал Газим Шафиков.

Учащиеся Уфимского библиотечного техникума, где я преподавал, очень любили встречи с литераторами и историками. Однажды в книжном киоске на базаре я увидел книгу М. Рахимкулова «Любовь моя, Башкирия» и тотчас купил сразу пачку. В техникуме всё распродал и позвонил другу Мурату: «Приходи на встречу в клуб «Книголюб». Он пришёл. Зал – битком. Гость рассказал об истории Башкирии, о новой книге, а потом к сцене выстроилась очередь – за автографами.

Мурат живёт рядом с 17-й библиотекой, в которой работает наша выпускница Светлана Сабирова. Вот у неё мы и собирались, интересовались её работой, советовали, чем-то помогали... Мне хочется в Уфу, хочется побывать в библиотеке у Светланы, повидаться и поговорить с Муратом. Ведь ему исполняется девяносто лет, и пятьдесят пять из них мы знакомы. Но не могу. Только мысленно, Мурат, могу обнять и поцеловать твою седую голову и сказать: «Поздравляю!»

А мне до 90 ещё полтора года!

Борис Попов,
краевед

«Обитатели тени»

Сатира в творчестве художника Ю.В. Илингина

...Что-то около трех лет назад в одном из непритязательных выставочных залов Уфы Юрий Виссарионович Илингин, живописец и график, известный более как дизайнер, показал серию живописных работ, которые буквально ошеломили публику. Мастер, до этого отличавшийся оптимистическим умонастроением, патетическим складом своего недюжинного дарования, обременил в одночасье свой ум и талант тяжелыми мыслями, горькими переживаниями. Пафосом его искусства стало разоблачение безобразного и уродливого в жизни, и радости от его обличений было мало. В произведениях цикла нашли отражение опасные сдвиги в социальной среде, болезненные моральные пертурбации в нравах людей. Как представляли экспозицию устроители выставки, «автором двигало... отчетливое желание увидеть во всей неприглядной наготе нашу действительность. Увидеть и ужаснуться!»

Этот ужас стал и эстетическим кодом, и конкретным поэтическим методом живописца. Илингин – общественник в искусстве. По роду своих основных занятий дизайнера, «строителя» книги, он постоянно находится в гуще событий культуры и первым откликается на поступательные подвижки в общественном сознании. Его работы посвящены знаменательным датам Республики Башкортостан – народным праздникам и государственным манифестациям. Тем временем, ныне его светлое, доверчивое восприятие действительности отступило перед страхами жизни, не то сказать, преобразилось в свист и улюлюканье сатирического рода искусства – гротеск.

Гротеск при разборчивом рассмотрении оказывается крайне редкой, малоупотребительной формой в искусстве. Спраши-

вается, почему? Ответ: потому что неблагодарен. Как объясняют беспристрастные словари, гротеск – это изображение людей и явлений в уродливо исковерканном, устрашающе неприглядном виде. Из всех категорий эстетики на первый план в нем выпирает категория безобразного. В этой связи, он, являясь разновидностью комического, должен был бы вызывать смех. Но смех замирает на устах перед ним, отражающим пороки людей и неразрешимые противоречия социума, – превращается в ненависть и боль, а не то и крик отчаяния перед неистребимостью зла в мире. Впрочем, академическое искусствование успокаивает публику, уверяя, что страдание и страх, внушаемые гротеском, со временем утихают и гаснут по мере угасания явлений, отражаемых им. Возможно. Возможно, это справедливо по отношению к произведениям древней истории, античности или средневековья, отстоящих от нас на сотни лет и тысячелетия. Но гротески Гойи или Босха, гротескные карикатуры Хогарта и Домье, гротескный образ удавившегося на трупе повешенной Эмеральды Квазимодо у беспощадного Люго, забирают за живое, вызывают гоголевский «смех сквозь слезы», ввергают в «адский хохот» Мефистофеля Гете. Олицетворение разрушительных сил в человеке и окружающем мире, они и поныне подогревают нашу ненависть к явлениям зла и порока, тем самым вооружают нашу совесть и волю силой сопротивления злу и пороку.

Правда жизни в ее социальных судорогах, достоверный облик человека в его духовном распаде, моральном разложении стали предметом изображения Илингина в живописной серии «Партия». (Имеется в виду шахматная партия, игра.) Реальная связь натурального, правильного с изломанным и исковерканным сосредоточена у

нашего мастера в жанре карикатуры. Предметно это сатирические портреты людей с обозначением жизненных занятий персонажа, очерком одной какой-либо особенной черты его нрава, и помещен он в соответствующую ему среду обитания. Последняя тоже условна, представляет в целом некую сценографию: фоном всех картин является театральный портал. В него и вписаны несомненные опознавательные знаки и личные бренды персонажа. Мы тотчас узнаем место событий и пристально, настороженно вглядываемся в искаженные лица людей: нам так и кажется, что мы их где-то уже видели.

Вот один из них – персонаж самой безжалостной картины цикла «Вынужденный ход». Это портрет врача, только что закончившего некую операцию. Он еще не отошел от капельницы, не снял ни докторской шапочки, ни санитарной маски, и очки его за ненадобностью спущены на нос. Облик человека почти что натурален. Даже косину глаз можно отнести на счет сосредоточенного взгляда. А оно так и есть: взгляд врача собран на пачке денег, которую он держит в руке вместе с шахматной фигурой, олицетворяющей вылеченного пациента. Тогда как другая фигурка лежит в луже крови, стекающей из оборванного шланга капельницы.

А кровь, вытекающая из колбы, еще и растекается по столыку капельницы, по борту которого идет надпись: «Здоровье... купишь». Многоточием мы отметили слово, залитое кровью, хлынувшей из рваного шланга. «Здоровье не купишь», – гласит народная поговорка, призывая к здоровому образу жизни. Однако врач-взяточник оборнал присловье. Он настаивает на императиве: здоровье купишь! Были бы деньги. Ну, а если их нет, то... И художник особо выделяет угрозу, таящуюся в воровстве и взяточничестве, проникших в систему здравоохранения. Образ, воспроизводимый им, восходит еще и к традиционной в художественной культуре аллегории. Врач держит в другой руке косу, этот сакраментальный знак смерти и убийства.

Эмоциональная сила картины «Вынужденный ход» велика. Чувство правды здесь тождественно ненависти. Можно

было бы сказать, что кровь заливает глаза и самому художнику. Нет, голова у него свежа и мысли ясны. Он, как драму на сцену, выносит порок на общественный позор, всеобщее осуждение. По мере своего темперамента горячо откликается на известные настроения в обществе. Обличения художника буквально предвосхитили борьбу, которую повела сегодня общественность страны против коррупции, казнокрадства, взяточничества, прокравшихся в жизненно важные узлы государственного организма.

Вот перед нами – судья. Столп правосудия наделен обликом фантастического «кровососущего» существа – вампира, но занят он весьма практическим делом. Судья самочинно подправляет аллегорические Весы правосудия в пользу одной фигуры и во вред другой... Картина иронично называется «Все по закону».

Полна сарказма и презрения картина «Ход конем», на которой изображен звероватый функционер науки и народного образования. Крысиный облик персонажа прямо наводит на мысль об его коварной и вредоносной натуре. Обстановка дополняет и уточняет образ, углубляет сатирическую идею произведения: деятель науки, светоч просвещения одной рукой звонит в колокол, этот аллегорический символ знания, другой – принимает пачку денег от некоего взяточдателя. Последний представлен в виде шахматной фигуры...

А мы уже могли заметить, что шахматные фигуры обильно населяют картины цикла. Они олицетворяют людей, с которыми «играют», вовлекая их в свои шельмовские затеи, так называемые сильные мира сего. Это понятно, но этого мало. Илингин склонен наслаивать в образе переносные значения. В частности, он пользуется приемами стеганографии, искусства глубокой тайнописи, когда зашифрованная информация прячется в информацию, тоже, в свою очередь, зашифрованную. Нашему мастеру нечего прятать, не от чего таиться. Мы воспринимаем его образы в прямой связи с реальностью, и они не нуждаются в разгадке. Тем не менее, в сознание зрителя вселяет-

ся чувство беспокойства, навеянное присутствием тайны, не всегда мнимой.

Вот картина «Гулливвер» – образ сержанта ДПС. Могучий торс, железная челюсть, крепко расставленные кривые ноги. В одной руке у него жезл, вздернутый в профессиональном жесте, в другой – пачка денег, которую он сует в широкий карман форменных брюк. Все ясно! Перед нами еще один тип взяточника и вора. Только не ясно, почему он – Гулливвер. Может быть, могучий и сильный, он мнит себя великаном среди нас, слабых и зависимых от власть имущих лилипутов? Нет?

Тогда обратимся к литературному первоисточнику. В последней части великого романа Джонатана Свифта его герой, неутомимый мореплаватель Гулливвер, оказывается в стране красивых, умных, всесторонне образованных и воспитанных лошадей. Те мудры и совестливы и умело управляют своей страной. Но есть у них тяжкая и опасная забота – усмирять и держать в узде дикие, лишенные каких-либо понятий о чистоте в обиходе и чистоте нравов, вороватые и лживые племена людей, которых они называют «йеху». Лошади были крайне удивлены познаниями и культурой корабельного врача Гулливвера. Тем не менее, к стыду последнего, они так и не поверили, что йеху может быть честным и чистым и жить без лжи и воровства.

Со временем они выгнали путешественника из своей страны. Вернувшись на родину, в общество людей, Гулливвер до конца своей жизни смотрел на них, на людей, на своих близких и родных, на самого себя (!) как на жадных, лживых, вороватых йеху. Вот этот Гулливвер, кичливо сознающий себя йеху, и изображен Илингиным. Ну, а мы для его героя – конечно же, ненавистные ему лошади. Вдобавок, как сказал бы великий поэт, «каждый из нас по-своему лошадь».

Как видится, художник, представляя конкретный сатирический портрет, наносит на изображение еще и черты иного лица. Иного и – того же самого! Строго говоря, мастер, решительно осуждая действующих лиц цикла за их злые деяния, стремится проникнуть в их нутро, разоблачить их на-

мерения. Творческий синтез и критический анализ ходят здесь рука об руку. Недаром автор ключом к своей серии выбрал шахматы – игру, сочетающую конструктивную мысль и крылатое воображение.

Решая поставленную перед собой задачу, Илингин оказался перед необходимостью описать менталитет, умственное состояние своих героев. И тут духовный взор, профессиональный глаз художника обнаружил, что в обществе его персонажей идет, с одной стороны, усыхание и выветривание идейных установок и моральных правил, какие прежде сколько-то объединяли умы, а с другой, – размножение и распространение смутных и убогих, ложных и вредоносных умозрений и нововведений. В общем и целом поле его зрения вобрало в себя реальность разбитого, расщепленного сознания нашего современника.

В картине «Прозрение» с язвительной усмешкой изображен подслеповатый адепт какой-то вымышленной восточной веры. Впрочем, сюжет, может быть, и вымышлен, да действующее лицо конкретно. Образ персонажа явно списан с натурщика. К тому же, ему придан достоверный облик тибетского монаха. Илингин прибегает к конкретике, чтоб подчеркнуть распространенность типа. В самом деле, давно ли перестали бродить по улицам наших городов доморощенные кришнаиты, а на тротуарах – рассиживаться тощие субъекты, замершие в позах «трансцендентальной медитации»? Субъект Илингина принадлежит, с позволения сказать, умам, которые, по меткому народному присловью, днем с огнем ищут истину. Он и изображен в ярком свете дня, но при зажженных свечах. Персонаж пристально всматривается в шахматную пешку, которая, в свою очередь, смотрит на него.

Очевидно, что современное общество решительно расстается с умственным крепостничеством тоталитарного прошлого. Может быть, как раз в силу этой свободы, свободы мысли, складываются вольготные условия для появления новых и новых привычек и причуд рассудка. Они подчас не столько замещают старые установки, сколько вырастают из них. И в какой-то

промежуток этого развития в умах людей устанавливается неустойчивое, шаткое, однако опасное равновесие противоположных идей. Эkleктика в духовном состоянии человека – примета эпохи.

Илингин зримо воплотил эту путаницу в образе некоего древнего философа, какого-нибудь Сенеки, эkleктика и притворы. Тот изображен одетым в тогу римского сенатора и сидящим в кресле с государственной символикой Древнего Рима. И находится он в помещении, за окнами которого ясный день в одном окне и звездная ночь – в другом. В первом окне виден белый голубь с оливковой веткой в клюве – безусловный символ мира и моральной терпимости. Однако этот «символ» всеобщей толерантности только что сбросил с себя черные перья. А философ, глядя на это перевоплощение, с важным видом вопрошает: «Что наша жизнь?!»

Ответ напомнит известную арию из оперы Чайковского «Пиковая дама» по повести Пушкина – игра!.. Но Илингин не заканчивает фразы. Его ответ заключен в самой картине, полной парадоксов. Художник исследует, главным образом, состояние умов, какое в усыхающих ныне эстетике и этике экзистенциализма обозначали понятием «дурная вера». Человек действует в «дурной вере», когда пытается оправдать неправду в себе и ложь своих поступков мнимой приверженностью общепринятым ценностям морали и культуры.

Вот еще один портрет: религиозный пастырь, ласково баюкающий в руках две белые шахматные фигуры – ферзя и офицера, изображающих, как мы уже установили, людей, на этот раз VIP. Тогда как черная пешка, обозначающая простолюдина, лежит в ногах у церковного «гегемона». События происходят на церковном амвоне, и за спиной у главного действующего лица просматриваются дорогие сердцу верующих церковные атрибуты. И что-то знакомое, близкое проглядывает и в расстановке действующих лиц, то есть – мизансцене картины. Мы опускаем глаза к названию произведения и читаем: «Возвращение блудного сына». О Господи, неужто уфимский художник пародирует знаменитую картину

Рембрандта?! Подвергает насмешке сострадание и милосердие, от века свойственные человеческой природе и столь глубоко выраженные в композиции великого голландца? Да нет же! Наш земляк, воспроизводя в условных фигурах схему бессмертного творения, вложил в свою картину другой, совершенно противоположный смысл. Он клеймит двоедушие и ханжество церковного иерарха, привечающего одних, пренебрегающего другими.

Между прочим, и «Прозрение», и «Что наша жизнь?», и «Возвращение блудного сына», как и некоторые другие портреты, – в меру осмотрительные работы художника. Ведь он касается мировоззренческих основ общежития современных людей. Предмет его кисти столь серьезен, что мастер осторожничают, как говорится, выбирает выражения. Оказавшись перед необходимостью выделить в сумятице идей какое ни есть эстетически характерное ядро или, так сказать, снять с абсурда достоверный слепок, Илингин обращается к общедоступному способу изложения темы – подражанию. А оно у него, вопреки ходячей поговорке, отнюдь не слепо. Совсем наоборот: зорко и прицельно. Осматривая коллекцию мастера, непосредственно ощущаешь, как много он перебрал художественных картин и натуральных фотографических изображений, чтобы найти собственный способ изложения темы. Конечно же, он внимательно разглядывал репродукции «Семи смертных грехов» Босха, «Нидерландских поговорок» Брейгеля Старшего и «Шабаша ведьм» Гойи. И порой его выбор чрезвычайно оригинален, если не сказать – эксцентричен. Так, зритель тотчас расхохочется, едва очутится перед картиной «Груша», в которой для изображения стареющей проститутки использованы творческий метод и художественная палитра французских импрессионистов, чуть ли не Ренуара в его чудесных ню!.. Тем временем, естественно и даже закономерно, что Илингин, ведомый своим язвительным темпераментом, окажется в ряду русских карикатуристов, прежде всего, мастеров злободневной социальной сатиры от Дмитрия Моора и Виктора Дени до Кукрыниксов и Бориса Пророкова,

которым удавалось, по словам Бориса Ефимова, тоже замечательного карикатуриста, «убедительно сочетать реалистичность с гротескной гиперолой».

Последнее и есть собственный метод Илингина. Речь идет о пастише (не путать с музыкальным пастиччио) – форме, сочетающей в изобразительном искусстве несколько разнородных формирований. Античная Химера, огнедышащее чудовище с головой льва, туловищем козы, хвостом дракона – гротескное выражение пастиша... Гибриды нашего художника не столь пугающе причудливы, но страшны достоверностью своей жизненной темы, грозны непреклонностью нравственного императива, декларируемого в них.

Вот две аллегории – смерти и корыстолюбия. Первая изображена в виде традиционного в искусстве апокалиптического всадника с косой в руке. Но у Илингина – это карлик в черной монашеской рясе и верхом на вороном коне, более похожем на волка-оборотня. Фигура из бредового сна наркомана или алкоголика, растаптываемых мистическим всадником, как собственными пороками, какие и являются темой изопамплета «Затмение».

Корыстолюбие олицетворено в образе мифического людоеда – минотавра, человеко-быка. Человечья голова обрамлена древним воинским шлемом, туловище животного прикрыто античного кроя хламидой, из-под которой торчат бычий хвост и копыта. Одевание персонажа диковинно и практично. Его хитон соткан личинками шелкопряда, и гусеницы еще продолжают свою работу, стараясь заткать и хвост и копыта чудовища. Право же, облику зверя можно придать обманный человеческий вид, но вот его зверские деяния без утайки наглядны. Минотавр, стиснув в когтистых лапах условные фигурки картины, выжимает из них вполне «живые деньги»: художник, добываясь убедительности в своей работе, наклеил на полотно натуральные монеты... Картина, согласно изображенному событию, называется «Маммона», то есть корыстолюбие.

Саркастическая, злая насмешка доведена в аллегориях Илингина до выражения этимологического, буквального значения жанра: *sarkosmos* означает *рвать объект до мяса!* Эта натуралистическая эмоциональная насыщенность поэтического кода художника наводит зрителя на ряд жестоких, эстетически и этически опасных ассоциаций. Скажем, на устойчивый в классическом искусстве образ Времени, пожирающего все живое на земле, или мессианскую тему конца истории и человека в современной философии. Но художник не дает этим представлениям разрастись. Он облегчает публике общение с его грозными сюжетами, переводя их в пространство игры, высвобождающей сознание от ужаса перед реальными событиями, отраженными в картине. О, в какой темный экзистенциальный страх был бы ввергнут зритель, приведишь художнику, вместо шахматных фигурок, изобразить натуральных людей, терзаемых злобой и злодеяниями насельников теневой стороны жизни!..

Между тем, коллекция картин Юрия Илингина в порядке, в каком они экспонировались, обрамляют два полотна под названиями «Шико» (см. 4 стр. обложки) и «Таз, властелин фигур». Это имена шутов, обретавшихся в средневековой народной культуре. Шико – буффон из западно-европейских карнавалов и мистерий; Таз (что значит «плешивый») – острослов и гаер из тюркского, здесь, собственно, башкирского национального фольклора. Изображены они в виде двух раскрашенных кукол, выделяющих акробатические аттитюды и жонглирующих одновременно игральными костями и шахматными фигурами. Веселые сценки из пьес театра кукол, воспроизводящие бесшабашную вольницу народных игр!

А они еще и знаменательны. Ссылка на народные игры в картинах нашего памфлетиста вносит в сумрачную галерею его гротесков струю света и осязаемый тон положительного взгляда на жизнь. Это как проехать по тоннелю. Как бы ни был долог путь под землей, путешественник знает, что в конце тоннеля – свет.

Дом на Зенцова

Мое военное детство

Мария Андреевна и Савватий Наумович Степановы – мои прабабушка и прадедушка, приехали в Башкирию из деревни Константиново Рязанской губернии – тех самых мест, где родился Сергей Есенин. Жили сначала в Стерлитамаке, там родились у них дети: Анастасия – наша бабушка, Анна, Татьяна и сыновья Михаил и Павел. В Стерлитамаке прадед был механиком на мельнице, а когда переехали в Уфу, стал работать на строительстве железной дороги Самара – Уфа.

Году примерно в 1916-м они построили на Вавиловской улице (дореволюционное название нынешней улицы Зенцова), на тогдашней окраине Уфы, себе дом. Тётя Надежда Андреевна отдала мне записи нотариальной конторы от 22 августа 1916 года, где сказано, что уфимский мещанин Савватий Наумович Степанов, живущий в Уфе по Вавиловской улице «в сопровождение свидетелей – сына коллежского советника Григория Вениаминовича Шишкина и уфимских мещан Дмитрия Михайловича Мельникова и Петра Михайловича Кулакова, живущих в Уфе, первый на Самарской улице, в доме Васильева, а второй на Вавиловской улице, в доме Белобородова, и третий на Центральной улице, в доме Краюшкина» завещал всё имущество «жене своей, Марии Андреевне Степановой».

Дом наш под № 101 стоял почти в самом конце улицы, в низине. Сейчас улицу выровняли, а когда-то прямо к воротам дома сбегала зелёная полянка – любимое место для наших игр. Заглядывали мы и на соседние улицы – Токарную, Украинскую, Революционную, Аксакова, Красина.

Наш дом был в виде буквы «Г». Ниже нас по склону стояли дома Архиповых, Бахмутовых, и над самым обрывом, уже на улице Токарной, построились Инякины. В 99-м доме жили тоже Степановы, и мы долго считали, что они наши родственники, но, оказалось, – лишь однофамильцы, хотя мы так дружили, что считали их родными. А вот в двухэтажном доме №103, окна которого выходили к нам во двор, жили Быковы, Шулеповы, Волковы.

Ещё в Стерлитамаке наша бабушка Анастасия Савватиевна вышла замуж за Андрея Денисовича Константинова. У них родились дочери – Евдокия, Мария, Надежда, Зинаида (моя мама), Зоя и сын – Павел. В годы Великой Отечественной войны мы так и жили большой дружной семьей: три сестры – Евдокия, Надежда, Зинаида – тётя Дуся, тётя Надя и моя мама, бабушка Анастасия Савватиевна – «бабаня», как мы её называли, прабабушка Мария Андреевна, и четверо детей – мои двоюродные сестра и брат, Милочка и Вова, сестра Таня и я. Много старинных песен мы слышали в детстве от бабушек, а тётя Надя рассказывала мне о своём детстве, о том, как они жили раньше. Она же рассказала нам, как погиб Савватий Наумович. Году в 1930-м он вышел ночью в огород и бродил около забора. Отец тёти Нади Андрей Денисович с ружьём принял его за бандита, который залез в огород, и выстрелил.

Шла война, но мы, маленькие дети, как-то не замечали всех трудностей – нас очень любили, берегли, мы росли в спокойной обстановке. Моя сестра Таня родилась в июне 1942 года. Хорошо помню, как

Медперсонал госпиталя 3127

мама шла из роддома с дядей Борей Степановым (племянником нашей бабушки Анастасии), он нёс Таню на руках. Потом мама определила Таню в садик-ясли – маленькое белое здание с башенкой на улице Карла Маркса. Хотя мне было всего лишь четыре с половиной года, мама иногда доверяла мне нести сестрёнку. Дорога в ясли шла через большое поле перед домом, потом выходили на каменистый тротуар на улице Достоевского. Правда, ещё в конце 1941 года прямо перед нашим домом через улицу началось строительство эвакуированного из Москвы военного завода (позже – завод № 161). Но поначалу цеха располагались всё больше в бывших сараях и конюшнях ближе к улице Красина, и мы спокойно ходили по тропинке в лопухах и чертополохах фактически по его территории, пока поперёк дорожки не встал забор из колючей проволоки.

В годы войны моя мама Зинаида Андреевна Мамаева и тётя Евдокия Андреевна Константинова работали в госпитале № 3127, который располагался в клубе паровозоремонтного завода у Солдатского озера в парке имени Якутова. С сестрёнкой Милочкой мы часто забегали

к ним, иногда нас там кормили. Хорошо помню один новогодний вечер – то была, наверное, встреча 1945 года, – как наряжали ёлку и устанавливали столы в большом зале, а мы смотрели на это сверху, с балкона. На накрытых белыми простынями столах стояли незатейливые кушанья, ёлка была украшена самодельными игрушками. Дома мы тоже сами делали ёлочные игрушки – флажки, гилянды, хлопушки. А из большой куклы мама смастерила красивого деда Мороза. Нам с Милочкой сшили новогодние костюмы, я была снежинкой – в украшенном блёстками пышном платье из марли, а Милочка в чёрном шёлковом платье со звёздочками из фольги изображала «ночку». Мы выступали в палатах перед ранеными, и нам подарили гостинцы в бумажных пакетах – там были пряники, печенье и фигурные шоколадки – зайчики и медвежата. Потом мы смотрели фильм «Жила была девочка» о блокадном Ленинграде. Много лет я хочу увидеть этот фильм вновь, но его не показывают.

Мама была медсестрой, а тётя Дуся – военврачом. Она ходила в военной форме, и у меня надолго сохранилась трепетная

Забор крови

любовь к шинели и звёздочкам на погонах. И мама, и тётя когда-то учились в бывшей Маринской гимназии (теперь это школа №3 на Пушкина), Евдокия Андреевна поступила в медицинский институт в Воронеже, а мама – в уфимский мединститут. Но в 1935 году заболел их отец, Андрей Денисович Константинов, ангина осложнилась воспалением лёгких, и он умер. Так что пришлось моей маме бросить третий курс института и пойти работать.

В шесть часов вечера, когда мы ждали наших мам с работы, начинало говорить уфимское радио, звучали башкирские песни. Возвращались мамы, становилось шумно и весело. Подолгу мы засиживались над большой картой, отмечая красными стрелочками пути наших войск. На ночь город затемнялся, а мы закрывали окна досками. Часто не было электричества, сидели при свечах и настольных керосиновых лампах.

Бабаня уходила в магазин отоваривать карточки, и мы оставались на целый день одни дома или даже во дворе, а дверь бабаня закрывала на замок. Оставшись одни, мы выдумывали себе игры, порой и проказничали. Однажды в коридорчике долго висел мешочек с пряниками, а мы всё ходили вокруг и «облизывались». И вот я высыпала пряники и сняла с них глазурь, которую мы тут же и съели. Когда взрослые обнаружили такие пряники, очень удивились, но потом посмеялись

и нас не ругали. Часто бабаня и нас брала собой в магазин, тогда долгие часы мы простаивали в очередях.

Бабаня наша была очень энергичной и властной женщиной, вела хозяйство. Мы даже поросят держали. За шалости бабаня била нас полотенцем, а мама могла запустить и подушкой. Тётя Дуся очень любила чистоту и ругала нас за грязь и неаккуратность. А вот прабабушка Мария Андреевна любила Вову и, лёжа на печке, всё повторяла: «У вас мальчик один, он ваш брат, вы его берегите». У неё там, на печке, хранился мешочек с разными вкусностями, она приберегала их для нас и особенно, конечно, для Вовы. Прабабушка умерла в 1943-м, ей было 93 года. Мы с Милочкой уговорились, что не будем плакать. Но я всё равно рыдала.

Нам запрещали уходить далеко от двора и пугали, что в городе орудует банда «Чёрная кошка». Говорили, что обитает она в Восточной слободе и, дескать, там, над Белой, в землянках и скрываются бандиты. Но в Восточной слободе, на улице Халтурина, 33, в доме с печкой-голландкой жили наши родственники – сестры бабани: Анна и Татьяна Савватиевны. Рядом был большой сад с моей любимой бело-желтоватой малиной. Правда, баба Таня не разрешала нам ходить по саду, поэтому мы считали её жадной. В «Восточку» ходили пешком. Далеко, конечно, но зато интересно – целое путешествие. Шли мимо Уфимского ипподрома, через Ивановское кладбище. Уже в самой «Восточке» любили выйти на Собачью гору. Иногда на полянках в лесу над обрывом, с которого хорошо было видно Белую, собирались на пикники. Летом катались на велосипедах на поле у старого аэродрома.

Мой отец, Максим Михайлович Мамаев, работал слесарем на паровозоремонтном заводе. Хоть мне и было всего пять лет, я хорошо помню, как он приходил с работы и приносил комковой сахар, который мы раскалывали щипчиками. До сего дня у меня на языке божественный вкус этого лакомства. В марте 1942 года папа ушёл на войну. Уже одетый, в зимней шапке, он поднял меня под потолок...

У родного дома. 1952 г.

Письма с фронта мама складывала в чёрную сумочку. А в августе 1942-го пришла похоронка. Мама долго стояла у окна в спальне и плакала.

В самый горячий год войны папа погиб где-то под Воронежем, не дойдя до Дона. Я ждала его лет, наверное, до пятнадцати. Позже я узнала, что он был пехотинцем и воевал в дивизии, которая стала именоваться Идрицкой за освобождение города Идрицы в Псковской области. В книге «Память», несколько томов которой выпустило издательство «Китап», записи об отце я почему-то не нашла. А вот имя отца моего брата Вовы там есть: командир артиллерийской батареи Козлов Александр Тихонович погиб в январе 1944 года на Украине. Удивительными были знакомство и любовь тёти Нади и дяди Саши, как мы его называли. Он приехал служить в армии в Алкино из деревни Васильевки, что в Ермекеевском районе. Моя мать тогда работала в воинской части медсестрой. На лето к ней приехала сестра Надежда, и когда Александр Тихонович её увидел, то забыл всё на свете. В 1940 году они уехали по месту службы мужа в Латвию. Там Вова и родился. А летом 1941-го Надежда

Андреевна с маленьким ребёнком на руках бежала из-под пули и вернулась в Уфу. Году, наверное, в 43-м дядя Саша был ранен в руку и приезжал в отпуск. А в январе 1944 года пришла похоронка и на него...

Александр Докукин, Милочкин отец, служил военврачом в авиационных частях. Познакомился он с моей тёткой Евдокией Андреевной в Воронеже, когда она училась в мединституте. А Милочка родилась в 1936 году в Монголии, куда направили служить отца. С войны Александр Александрович вернулся в чине подполковника. Позже в Уфу перебралась и его семья – сестра Юлия Александровна и их отец. Поселились они недалеко от нас, на Зенцова, 93, в доме за лакокрасочным заводом. Юлия Александровна работала учителем химии. Многому хорошему она нас научила, хотя была педантична и строга.

Дедушка Милы, Александр Васильевич, играл на балалайке, а мы танцевали. Когда-то он был сельским учителем и научил нас читать и писать, мы даже почти выучили таблицу умножения. Милочка была старше меня на полтора года, уже умела хорошо читать и писать, её реши-

ли взять сразу во второй класс. Словом, в 1944 году мы пошли в школу. Точнее говоря, пошла Милочка, а я увязалась за ней и села за парту. День рождения у меня 24 сентября, и в этот год меня даже и не думали отправлять в школу. Когда выяснилось, что я не записана, меня, зарёванную, отправили домой.

Но потом меня всё-таки взяли в школу. Как же мне нравилось получать новые учебники, начинать новые тетради! Моей первой учительницей была Вера Павловна Балезина. А Милочку позже «вернули» в первый класс. Учительницей у неё была Валентина Филипповна Кротова, она жила при школе с сыном Толей. Наша начальная школа № 4 занимала два крепких деревянных домика, в одном был медпункт, мы же учились в здании на углу Дзержинского и Чеверёва. Директором тогда была Антонина Ивановна Опарова.

Много лет спустя с подругой мы обошли родные места, спустились вниз до самой школы, вошли в здание (там уже был детский сад), в класс. Вспомнили, как стоя у печи, Вера Павловна объясняла нам что-то. Она быстро стала для нас второй мамой. Возилась с нами на переменах, а когда я однажды на уроке заигралась с куклой, учительница спокойно взяла её у меня со словами: «Красивая. Но доиграешь дома». Когда я заболела малярией и долго не посещала школу, Вера Павловна приходила к нам домой и занималась со мной.

Хорошо помню День Победы 9 мая. У нас был радиоприёмник – чёрная тарелка. Когда по нему сообщили об окончании войны, все захлопали в ладоши. Потом пошли на улицу. Строящийся напротив завод был обнесён колючей проволокой, за забором ходила охранница. Ребята и крикнули ей: «Тетка, бросай ружьё, война кончилась». В городе царил общее веселье. Говорили даже, что где-то на улице Сталина в старом двухэтажном доме обвалился балкон. Люди уцелели.

В 1946 году Александр Докукин, Милочкин отец, был переведён на службу во Львов, и семья уехала вместе с ним. Вскоре бабаня повезла меня во Львов на долечивание малярии. Волшебные впечатле-

ния того времени: поднимаемся с вокзала в город, идём по каменным тротуарам на улицу Листопада, подходим к старинному особняку с огромными воротами...

Меня иногда трясло от малярии, и тётя Дуся давала мне акрихин, делала уколы. Во дворе дома был большой сад, в котором стояли грушевые деревья, по вечерам над ними порхали летучие мыши. За садом был овраг, а дальше – озеро в большом парке. Вообще этот полуразрушенный послевоенный город навевал какие-то мистические страхи, и я, возможно, поэтому повадилась рассказывать соседским детям разные страшные вещи. Вечерами бабаня перекрещивала нас, говоря, что нас охраняют ангелы-хранители. В городе стреляли, ещё действовали банды бандеровцев. Один раз стреляли даже в Милочку, как в дочку военного, но, к счастью, попали только в руку. Её долго лечили.

Ходили мы во Львовский театр оперы и балета на оперетту «Марица», а как-то Милочкин отец повёл нас в кинотеатр на фильм «Каменный цветок», в котором играла Тамара Макарова. Ездили мы и на огромное Львовское кладбище. Обходили красивые памятники, ухоженные могилки и даже семейные склепы, в некоторых дверцы были открыты, и мы заглядывали в них, как в подземелье. Вдруг мне показалось, что и мой отец похоронен здесь. Я расплакалась.

Во Львове я и в третий класс пошла, вместе с Милочкой. Евдокия Андреевна спила нам из плетёвых золотистых штор зимние пальто. В Уфу вернулись уже поздней осенью, лежал снег, всё было бело. Долго я ещё вспоминала Львов, где к нам на балкон заглядывали каштаны, а на улице продавались сладкие сливы. И как к нам на рынке обращались на польском: «Прошу пани».

В пятый класс меня перевели в женскую 16-ю школу на Беломорской: в те годы было раздельное обучение. Мне было лет десять, и я написала свое первое стихотворение «Сон мальчика». Немного позже другое – «Руки прочь от Кореи!». Классной руководительницей у нас была Евгения Викторовна Лазарева, она же преподавала русский

язык и литературу. А на уроки физики мы ходили в другие школы: иногда в 10-ю – на Зенцова, порой и в 11-ю – на Ленина.

Учительницей ботаники была Вера Михайловна Майорова. Её уроки частенько проходили в саду Шохова – жил на улице Гафури такой хороший садовод. Мы раскладывали семена по пакетикам, помогали собирать крыжовник. Собирали, правда, больше себе в рот, но хозяин не сердился. Он много шутил и смеялся, а мне дал несколько кустиков сортовой малины, мы с мамой их высадили у нас в саду.

Очень хороший и интересный был у нас учитель английского языка – Иосиф Валентинович Даватц. Мы называли его англичанином. Другие звали его китайцем – он много лет жил в Китае, потом в Англии. Но уж очень плохая дисциплина была у нас на уроке иностранного. Даватц стучал по доске или по столу золотым кольцом на пальце, если мы очень расшумимся. Как-то одна из его дочерей нарисовала картину «Моя семья», и нам велено было рассказать на английском всё, что там происходит. Много лет спустя мы узнали, что Иосиф Валентинович преподавал в 91-й школе на Красина, стал её завучем. Возможно, благодаря Даватцу всю жизнь считала себя «англичанкой». Учась в авиатехникуме, всем девочкам переводила тексты.

Математику преподавал Михаил Фёдорович Майоров, очень строгий и требовательный, часто оставлял неуспевающих после уроков. Хорошая учительница у нас была и по истории – Феодосия Ивановна. Вообще-то, читая учебник истории, я обычно засыпала, на экзамене в седьмом классе получила «2», хотя мне и помогала «классная» наша, я даже второй билет брала. Но «Конституцию» я сдала на «5», и благодаря этому вывели общую «тройку».

В старших классах нас перевели учиться дальше в 1-ю школу на Социалистической. Классной руководителем у нас была учитель русского языка и литературы Александра Борисовна Кузнецова. Через много лет после школы я встретила с ней, и она рассказала, что после окончания Казанского университета в 1940 году учительствовала в Татарии, а когда началась война, обратилась в военкомат, чтобы её отправили на фронт. Ответа ждать пришлось почти два года, девушку направили на курсы связистов. Воевала на Украине, Победу встретила в Чехословакии...

После школы нам с подружкой Галей предложили идти на 216-й завод, что на Сталина (Коммунистической). Галя в это время уже училась в авиационном техникуме, туда же поступила и я, хотя учителя всё время и говорили мне, что я – гуманитарий. Я вообще росла робкой, застенчивой, вела дневники, любила пометчать где-нибудь в уединенных уголках, подруги мне только мешали. Из-за того, что всегда не очень-то была коллективисткой, меня в третьем классе даже в пионеры не приняли. Тем не менее, во мне шла борьба за любовь и к физике, и к литературе. Сначала подала документы в педагогическое училище, но там был конкурс аттестатов, я не прошла...

Много лет минуло с тех пор. Давно нет нашего дома, «яму» на Зенцова засыпали, теперь улица ровная, по ней даже ходят автобусы, в здании бывшей 16-й школы нынче какое-то училище. От детства остались только названия улиц. Недавно мне показали сделанный с самолёта, кажется, в 1942 году фотоснимок нашей улицы. Я вновь увидела букву «Г» родного дома. И так мне захотелось заглянуть под его крышу, где и мама, и бабана, и сёстры. И мой папа.

Об особенностях изучения семейной истории

В последние десятилетия заметно усилился интерес соотечественников к изучению семейной истории, деятельности «маленьких людей» в больших исторических процессах. Безусловно, дела великих, известных людей надолго остаются в памяти. Между тем, как отмечает уральский историк В.В. Запарий, «мир держится на людях малоизвестных, осуществляющих основную работу по обеспечению жизнедеятельности общества – «незаметных и маленьких людях». Семейная история способствует формированию патриотического отношения к своей родине, укреплению социокультурных, межпоколенческих связей.

Простые люди, символизирующие ту или иную эпоху, не представлены в личных фондах архивов, учебниках, энциклопедиях, справочниках и словарях. Воспроизведению их биографической истории может помочь скрупулезная работа в фондах центральных и региональных архивов. Доступность архивных источников, безусловно, облегчает труд исследователя.

Для желающих разыскать информацию о своих предках важную роль играет изучение ревизских сказок. По утверждению видного российского историка, этнографа Раиля Гумеровича Кузеева, средний возраст одного поколения следует приравнивать к 27,5 годам. Следовательно, возраст одиннадцати поколений равен 302 годам.

За всю историю России проводилось десять ревизий с 1718 по 1859 годы. Ре-

визская сказка представляет собой сообщение о лицах мужского пола, находившихся в податном состоянии. С материалами первых ревизий можно ознакомиться в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Генеалогическим запросам в РГАДА должны предшествовать поиски в региональных архивах (данные по поздним ревизиям, метрическим книгам и т. д.). Так, в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦИА РБ) хранятся ревизские сказки с пятой по десятую ревизии.

Однако данные, извлекаемые из ревизских сказок, метрических книг и переписей населения, как правило, содержат краткие сведения о жизнедеятельности наших предков. Например, программа переписи населения России 1897 года состояла из четырнадцати вопросов, включавших только ключевые персональные данные по трем категориям населения: наличному, постоянному и юридическому. Материалы переписи позволяют получить данные по половому, возрастному, сословному, брачному состоянию, грамотности, родному языку, вероисповеданию, отношению к воинской повинности и некоторым другим характеристикам.

Следует обратить внимание на то, что архивные документы этих столетий написаны от руки, что затрудняет возможность работы с источниками для неподготовленных исследователей. Кроме того, метрические книги – реестры для официальной записи актов рождений, браков и смертей

– заполнялись на разных языках в зависимости от вероисповедания. Так, православные метрики велись на русском языке, а магометанские – на старо-татарском, на основе арабской графики. В данном случае даже профессиональному историку бывает, необходима квалифицированная помощь архивного специалиста.

Поэтому важно использовать и «живую историю», свидетельства, воспоминания современников. Непосредственные воспоминания людей, особенно долгожителей, переживших сложные процессы первой половины XX века, позволяют передать дух времени. Они могут оказаться единственными в освещении нитей родственных отношений нескольких поколений.

Кроме того, проследить линию жизни той или иной фамилии, выявить родственные связи приглашают специальные интернет-сайты, занимающиеся генеалогическими и лингвистическими исследованиями. Следует выделить сайт «Анализ фамилии. Центр исследований», предлагающий исследовать филологические, исторические и национальные корни любой фамилии.

Богатая справочная информация содержится на сайте «Уфаген. Генеалогия и архивы». Данный интернет-ресурс, предназначен в первую очередь для историков-краеведов. Он уникален тем, что здесь содержатся списки фондов ЦИА РБ, довольно разнообразные сведения о названиях населенных пунктов на момент переписи населения 1870 года – числе дворов, жителей мужского и женского пола, национальном составе, наличии молитвенных зданий, учебных заведений, промышленно-торговых учреждений и т. д. Основным источником информации является книга «Населенные пункты Башкортостана. Ч. I. Уфимская губерния, 1877» (Уфа, 2002). Здесь же зарегистрированный пользователь может получить доступ к ревизским сказкам в ЦИА РБ. Однако дела в электронном доступе содержат много неточностей или отличаются неполнотой сведений. Например, отсутствуют данные о крещении мусуль-

Рустам Закирович Алмаев

манского населения. Нередко жители одной деревни относятся к разным управленческим единицам. Поэтому для уточнения информации возникает необходимость дополнительного ознакомления с другими архивными источниками.

Сайт также полезен, для желающих изучить историю своего рода, села, города. Так, по форуму «Деревни», который опирается на многотомник известного историка А.З. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана» можно рассмотреть историю вашего села от самого его основания. Имеется возможность познакомиться с библиографическими материалами по башкирской и татарской генеалогии.

Методически грамотный анализ комплекса опубликованных, архивных и электронных источников позволит изучить свою семейную историю. Одним из примеров тому могут служить попытки сбора информации автором данной статьи, о своем рано ушедшем из жизни отце – Алмаеве Закире Гумеровиче, корнях фамилии, родословной.

Генеалогическая цепь объединяет людей во времени и пространстве. Изучение истории своей родословной стоит на-

чинать с выяснения времени происхождения и значения своей фамилии. Так, большинство современных тюркских фамилий и имен было заимствовано из арабского, иранского языков. Специалисты Центра исследований «Анализ Фамилии» подтверждают это. Согласно их ономастическому анализу, фамилия Алмаев имеет тюркскую основу и уходит корнями в XV–XVII века. Первыми носителями этой фамилии были, скорее всего, «обрусевшие» представители Золотой Орды – возможно, потомки печенегов или половцев. Межнациональные браки с русскими князьями, боярами, купцами и дворянами позволяли сохранить тюркскую основу своей фамилии.

Ученые-лингвисты выдвигают две интересные версии происхождения фамилии *Алмаев*. Первое объяснение несет благородное духовно-религиозное начало. Фамилия *Алмаев* состоит из сочетания двух арабских имен. Это «Али» – «высший, могучий» – так звали четвертого халифа, двоюродного брата пророка Мухаммеда. А также «Мухаммед» – «хвалимый, прославленный» – имя последнего пророка и посланника Аллаха. Таким образом, тюркское имя Алмай, ставшее основой фамилии, буквально может значить: «великий Мухаммед» либо, если начальное «али» выступает как приставка, «Мухаммед, которым доволен Аллах». То есть имя предка рода Алмаевых, скорее всего, было Мухаммед.

Второй вариант этимологии фамилии Алмаев не менее благозвучен и красив. Она образована от имени Алма, что в переводе с казахского значит «яблоко». Возможно, что предок Алмаевых был любителем этих фруктов либо продавал их.

Представление о генеалогии рода Алмаевых, месте компактного размещения и проживания дают архивные документы. В книге историка-краеведа И.Р. Габдуллина, посвященной истории татарских мусульманских служилых родов, содержится информация об упоминании Алмаевых в ревизских сказках XVIII века. В разделе «Фамильный состав служилых татар, мурз и татарского дворянства» отмеча-

ется, что «в первой половине XVIII века мурзы Алмаевы проживали в д. Лямбиль Саранского уезда (ныне республика Мордовия).

Аристократический титул «мурза» в государствах Золотой Орды относился к высшим слоям тюркского дворянства и соответствовал русским князьям. В период правления Екатерины II многие мурзы уравнивались в правах с русским дворянством. Представители высшего сословия татарского народа ассимилировали в русской среде, основывая на территории Поволжья города, крепости и села. Так, именно темниковские татары, прибывшие для строительства Саранской крепости, и основали в 1642 году село Лямбиль.

Однако не следует забывать о том, что большинство служилых татар и мурз, исповедовавших ислам, в эпоху Петра I лишились своего привилегированного положения. По утверждению академика Миркасыма Усманова, они превратились в «мурз-лапотников» (чаботалы морзалар), то есть обычное крестьянство. Может быть, поэтому следующее упоминание в книге И.Р. Габдуллина характеризуется тем, что «в XIX веке мещеряки Алмаевы отмечены в д. Кашкалаши Уфимского уезда Оренбургской губернии». Мещеряками тогда называли татар-мишарей, живущих на территории Башкирии.

Изучение ревизских сказок 1816, 1834, годов Оренбургской казенной палаты Оренбургской губернии позволило определить основателя «башкирской» ветви династии Алмаевых – Абдулнасыра Алмаева. Как видно из ревизской сказки 1834 года, он родился в 1769 (1770) году. Старейшего представителя рода Алмаевых можно считать, по меркам того времени, долгожителем. Абдулнасыр являлся современником Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I.

Согласно архивным источникам, у Абдулнасыра было четыре жены – Хабиба, Зульхиз, Тазинша, Хабикамал. Жены отличались более молодым возрастом. Они были младше Абдулнасыра на 6, 9, 22 и 34 года. От нескольких браков родилось семнадцать детей. На свет появилось девять

дочерей: Гульстан (1798 г. р.), Хайриниса (1801 г.р.), Кайдафа (1811 г.р.), Шарифа (1818 г.р.), Хумуниса (1818 г.р.), Газаниса (1821 г.р.), Садиha (1822 г.р.), Хуснурай (1823 г.р.), Маргыз (1831 г.р.) Долгождан-ными были и восемь сыновей: Абдулзепар (1798 г.р.), Абдулхабар (1804 г.р.), Габдулгани (1807 г.р.), Абдулвали (1812 г.р.), Гиблулзагир (1813 г.р.), Гибдулкабир (1815 г.р.), Гали (1824 г.р.), Исхак (1829 г.р.).

Воспроизведение всей родословной Абдулнасыра Алмаева пока не возможно из-за отсутствия данных всех ревизий XIX века. Кроме того, существует проблема с определением линии непосредственных потомков по мужской линии, связанных с моим дедом – Гумером Мухаметхазиевичем Алмаевым (15 марта 1884 г.р.).

Достоинством старых мусульманских имен является их полновесность. Значительная их часть состоит из двух компонентов. Наиболее подходящими считались имена, включавшие в себя религиозные понятия и символизировавшие великое предназначение простого человека. Так, имя Абдулнасыр переводится с арабского на русский язык как «помощник, защитник, раб Аллаха». Не менее весомый религиозный смысл несут имена отца и бабушки автора данной публикации. Имя Закирьян, именно так оно значится в метрической книге мечети деревни Кашкалаши Сафаровской волости Уфимского уезда [3], переводится как «человек, воздавший хвалу Богу». Состоит из двух частей: арабского имени Закир, означающего «помнить», «прославлять Бога», и персидского компонента «январь» – «душа человека». Имя бабушки Фатима означает дочь пророка Мухаммеда.

Значительную помощь в определении ближайших и дальних родственников – представителей поколения конца XIX – начала XX века оказала Мафруза Гумеровна Кузеева. От представителей старшего поколения ей удалось сохранить «генеалогическую схему» рода Рахманкуловых. Согласно этому генеалогическому дереву, ее дед по линии матери Могалим Рахманкулов был женат на сестрах Минникамал и Гайникамал, чья

девичья фамилия была Алмаевы. По рассказам матери, Мафрузы Кузеевой, Минникамал умирает в тридцать два года и Могалим женится на семнадцатилетней Гайникамал. Версию о том, что их мать носила в девичестве фамилию Алмаева и переехали они в село Салихово Чишминского района из Кашкалашей, подтвердила в беседе со мной и дочь Гайникамал и Могаллима Фаузия Рахманкулова.

Из рода Кузеевых-Рахманкуловых вышли яркие представители отечественной науки, организаторы образования, видные государственные деятели страны. Махмут Рахманкулов занимал должность первого заместителя председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР. Имена братьев Рустема и Раиля Кузеевых, видных деятелей науки и образования второй половины XX века, широко известны за пределами республики. Безусловно, дальнейшее родство с этими людьми не может не вызывать у меня чувства гордости.

Возвращаясь к теме генеалогических связей рода Алмаевых, следует еще раз выделить деревню Кашкалаши Уфимского уезда, ныне Благоварского района. Данное село стало местом компактного проживания Алмаевых на территории Башкирии. Среди Алмаевых, уроженцев Кашкалашей, немало представителей «массовых профессий». Это подлинники создатели национального богатства страны. Особенно известны Гата Нурулович (1909–1984 гг.) и Равиль Асхатович (1938 г.р.) Алмаевы. Гата Алмаев в 1944–1948 и 1951–1964 гг. занимал должность главного редактора газеты «Кызыл Тан». Выходец из Кашкалашей дважды избирался депутатом Верховного Совета БАССР пятого и шестого созывов. Один из ведущих журналистов республики, активно решал социальные проблемы региона и заслужил уважение и авторитет соотечественников.

Инициативностью, открытостью и интеллигентностью отличается ныне здравствующий профессор Башкирского государственного аграрного университета, кандидат технических наук Равиль Ал-

маев. Ученый-практик, награжденный нагрудным знаком «Изобретатель СССР», имеет 33 авторских свидетельства на изобретения. Много лет работал деканом факультета гидромелиорации и лесного хозяйства, затем – деканом факультета природообустройства и заведующим кафедрой гидравлики и графики и сегодня продолжает передавать свои знания студентам.

Кашкалинский период присутствует и в биографии моего отца, Закирьяна (Закира) Гумеровича Алмаева (1914–1970). Его детские годы пришлось на время революций и гражданской войны. Судьба моего деда Гумера Мухаметхазиевича по архивным документам пока не прослеживается. Двух сыновей – Закира и Салихжана (1913–1941) воспитала моя бабушка Фатыма Гиндулловна (1891–1976 гг.). Салихжан Алмаев погиб в начале Великой Отечественной войны.

Судя по архивным документам, Алмаева до революции занималась торговлей. В годы новой экономической политики семья относилась к категории крестьян-середняков. Алмаева Фатыма и ее сыновья имели посев 4,35 дес., держали лошадь, корову и мелкий скот. До 1927 года бабушка владела мануфактурной торговлей по патенту III разряда. В 1930 году постановлением правительственной комиссии по Кашкалинскому сельсовету Уфимского района БАССР Ф.Г. Алмаеву раскулачили, то есть лишили всего имущества.

В сложное для семьи время коллективизации бабушка вместе с сыновьями Закиром и Салихжаном была вынуждена бежать из Кашкалашей в Уфу. В городе, возможно, желая избежать репрессий и спасти детей, она вновь вышла замуж и получила новую фамилию – Мамаева.

Переехав в столицу, Закир Алмаев стал оперным певцом. Пение стало делом его жизни. Причем случилось это совершенно случайно, по воле судьбы. По воспоминаниям его друга заслуженного артиста БАССР Самуила Григорьевича Русинова, «...в голодные 1930 годы Закир работал поваром треста столовых. Ему приходилось плавать от треста и на

пароходах. После очередной летней навигации будущий хорист сильно заболел. Медицинское обследование выявило болезнь легких. Полезными для выздоровления могли стать лечение кумысом или пением. Это привело его в 1938 году в театральную студию хормейстера Тихомирова, располагающуюся в саду им. А.В. Луначарского».

Так ударник труда Уфимского треста общественного питания связал свое будущее с искусством. Отец, видимо, и не предполагал, что ему придется стоять у истоков создания Башкирского государственного театра оперы и балета, принявшего первых зрителей в декабре 1938 года. Ведь через несколько десятков лет Закира Алмаева будут называть старейшим артистом ведущего театра столицы Башкирии.

К этому времени республика получила первых выпускников башкирского отделения при Московской государственной консерватории – композитора Хусаина Ахметова, оперных певцов Магафура Хисматуллина, Бану Валееву, Хабира Галимова, Ульяну Калинину-Сыртланову, Габдрахмана Хабибуллина, Зайтуну Ильбаеву, Вали Галкина, Шагида Валиахметова.

Однако большая часть артистов нового театра не имела специального музыкального образования. Это была талантливая городская и сельская молодежь. Работа артиста давала твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне. За пение одной партии платили 40 рублей. Для молодых певцов организовывались курсы, на которых преподавалось сольфеджио и другие музыкальные дисциплины. Видимо, благодаря таким занятиям и природным данным, мой отец научился хорошо играть на аккордеоне. По воспоминаниям современников, Закир Алмаев обладал звонким и мягким голосом оперного тенора. Еще в годы войны исполнял маленькие партии в операх П.И. Чайковского: Чаплицкого в «Пиковой даме», Запезвалы в «Евгении Онегине», Гришки в либретто «Дубровский». Участвовал в балетных спектаклях «Красный мак», «Салават Юлаев».

В разгар Великой Отечественной войны, 15 марта 1943 года, мой отец исполнил одну из ведущих партий в опере «За Родину», которая была написана украинским композитором Филиппом Козицкими драматургом Хабибуллой Ибрагимовым на либретто Сайфи Кудаша. В марте 1944 года Закир Алмаев участвовал в премьере первого башкирского балета «Журавлиная песнь».

В годы войны целиком и полностью использовался духовный потенциал театральных коллективов, работающих в республике. Репертуар Башкирского государственного театра оперы и балета служил главной цели – отстоять свободу и независимость Родины. Недаром среди награжденных в 1946 году медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» деятелей науки, техники, искусства и литературы Башкирской АССР был и Закир Гумерович Алмаев.

Важную роль в формировании Закира Алмаева как оперного певца и в целом артиста ведущего театра Уфы и республики сыграли его коллеги. Среди них было много выдающихся, ярких представителей культуры республики и страны: солисты оперы старшего поколения, народные артисты России Габдрахман Хабибуллин, Бану Валеева, Магафур Хисматуллин, Магафура Салигаскарова, знаменитые башкирские танцовщики Хашим Мустаев, Рудольф Нуреев,

Файзи Саттаров, артистки балета Зайтуна Насретдинова, Гузель Сулейманова, Фердаус Нафикова.

В 1955 году вместе с уфимской труппой театра мой отец принимал участие в декаде Башкирского искусства и литературы в Москве. Благодаря активной жизненной позиции, личным качествам Закир Алмаев был рекомендован и вступил в члены КПСС. Входил в профсоюзную организацию Башкирского государственного театра оперы и балета. Старейший хорист театра выступал в оперных спектаклях классического и современного репертуара. За успешную работу в области искусства был удостоен еще одной медали «За трудовое отличие». Несмотря на неизлечимую болезнь печени, отец до конца жизни выезжал на гастроли. По словам моей матери, Таскиры Миннихметовны, все 56 лет он сохранял светлую ауру, всегда оставался добрым и жизнерадостным человеком, стремящимся принести добро людям.

История любой семьи – это наше бесценное достояние, на котором мы должны воспитывать молодое поколение. Изучение деятельности «маленьких людей» на конкретных примерах разных поколений родственников способствует созданию целостного представления об особенностях отечественной истории. Их имена возвращаются к нам как символы исторической памяти.

Блуждающий по кругу

О спектакле «Калигула» Стерлитамакского государственного башкирского драматического театра

Император Калигула, «рассказанный» однажды, в далёком 1945 году Альбером Камю, вновь предстал перед зрителем, облёкшись в плоть и кровь. Вечность его сберегла...

Спектакль, поставленный Азатом Зиганшиным в Стерлитамакском государственном башкирском драматическом театре – это удачная попытка режиссёра вступить в диалог с современным зрителем. Уже сама пьеса Альбера Камю, творчество которого было весьма провокационным, обращает душевное равновесие в хаос, обрушивая на человека множество неразрешимых вопросов. Иной раз кажется, что перевести столь сложную мысль на театральный язык невозможно, но в данном случае мы имеем не просто трепетно созданный спектакль, а очень точно выверенные особенности психологического поведения каждого из персонажей. Более того, перед режиссёром стояла не простая задача перенести текст пьесы и её события на сцену башкирского театра, стараясь сохранить каждую деталь в первоизданном виде. Актёры, на которых возлагалась огромная работа над характерами персонажей, смогли в полной мере воплотить сущность, пороки и добродетели своих героев. Отношения, страдания, чувство смерти здесь не просто «игрались», но и проживались, создавая ощущение реальности происходящего. Это анатомия человеческой души, её всевозможных превращений, где время беспощадно замедляет свой ход, разрушая границу между историей и действительностью.

Пространство спектакля – живая плоть, которая дышит и существует, отзы-

ваясь на страдания персонажей, подобно шекспировской природе. Благодаря работе композитора Урала Идельбаева, действие приобретает новые оттенки, а музыка вторит измученной душе Калигулы. Но сценография художника-постановщика Руслана Мугалимова контрастирует с музыкальной партитурой. Языки пламени, ярко-красный свет, ни на минуту не дающий забыть о смерти, наконец, луна на чёрном небе, которая выведена на экран плазмы под самым потолком, – всё это апеллирует к нам и становится необходимой частью жизни Калигулы, его своеобразной «клеткой» из которой мир выглядит столь ненавистным.

С самого начала режиссёр даёт зрителю предысторию: на невысоком помосте, изображающем любовное ложе, опустившись на колени (спиной к зрителю) сидит Калигула (Вадим Клысов). Перед ним тело мёртвой Друзиллы. Последующие минуты – это синтез эмоций, где страх, медленно переходящий в ужас, жалость и боль оказывают сильнейшее психологическое воздействие, которое и задаёт тон дальнейшим событиям. Напевая мелодию, Гай пытается поднять бездыханную любовницу на руки, чтобы исполнить с ней последний танец, но тело уснувшей больше не поддаётся власти правителя. Калигула «тащит» Друзиллу, сжимая её в объятиях, его мелодия звучит всё громче и громче, переходя в иступлённый вопль сумасшедшего. Начальная мизансцена будет дублирована в самом конце, когда Гай задушит Цезонию и точно также опустит её на своё ложе, только теперь это будет совсем иное чувство...

Чаще всего бывает трудно установить, когда именно наступает кульминация и, самое главное, как меняется состояние Калигулы. Азат Зиганшин поступил очень разумно в данном случае. После разговора Керей и Гаю, где император даёт позволение довести заговорщику задуманное до конца, со сцены исчезает кресло тирана, которое находилось там в качестве «трона» на протяжении почти всего спектакля. Исчезает кресло, стирается граница между Гаем и властью.

Экраны, установленные с каждого края сцены – это не просто попытка придать пространству современный оттенок. В глубине, ближе к заднику помещена камера на штативе, являющаяся тем самым зеркалом, к которому так часто обращался герой Альбера Камю. Как только Калигула приближается к объективу, его лицо транслируется на шести вышеупомянутых экранах, крупным планом. Каждая эмоция как на ладони, порой, словно под увеличительным стеклом оказывает сильнейшее воздействие на зрителя. Калигула предстаёт совершенно открытым, вступая в прямой диалог с залом. Взгляд императора поглощает всё внимание, губы, которые изрекают страшнейшие по своей сути вещи, всё это ввергает в гипнотическое состояние. Взаимоотношения Гаю и Цезонии (Светлана Файзуллина), приобретают в трактовке Азата Зиганшина новые оттенки. Это связь более тесная, которую можно только ощутить, – близость духовная. Сцена убийства Цезонии обнажает всё то, что было скрыто от глаз зрителя ранее. Разрывается невидимая нить, окончательно приводя к уничтожению абсурдного мира правителя.

Костюмы героев выполнены в современной стилистике. Это становится своеобразной попыткой ещё более сблизиться со зрителем, сидящим в зале. Таким образом, пьеса об императоре, славящемся своей жестокостью, переносится из прошлого в действительность, где Гаю одет не в тогу, а в классический костюм, напоминая, скорее, представителя известной всем верхушки. Его окружение, а именно патриции, внешне соответствуют облику

своего правителя, являя образы вполне уважаемых людей. Костюм Керей становится отражением его творческой деятельности, подчёркивая отличность от остальных. Он одет в клетчатый пёстрый костюм, а на шее небрежно намотан шарф. Яркие цвета используются также в костюмах Цезонии, что выделяет её, как и Керей, из массы серых образов.

Каждое новое действие на сцене превращается в открытый поединок между патрициями и правителем, но наиболее ярко этот мотив выражен в сцене между Кереей (Рафик Хасанов) и Гаем. Всё в тех же креслах они сидят в разных концах сцены, друг напротив друга. В руках у каждого маска: у Калигулы – маска комическая, у Керей – трагическая. Итак, скрыв своё истинное лицо, каждый из них ждёт, не желая быть побеждённым. Это решающий поединок, после которого правитель добровольно отдаст свою жизнь в руки звереющей от страха толпы. На суд зрителя представлены два враждующих лагеря: в одном люди не желают принимать новое, в другом жаждут истины, которая выступает как жестокость и боль. Каждый человек, находящийся в зале, мысленно мог сделать тот или иной выбор, принять импонирующую ему сторону. Так или иначе, но трагический исход, как в пьесе Камю, так и в спектакле Азата Зиганшина очевиден. Власть толпы, которая подавляет единицы восставших против неё – это трагедия всех времён и, к сожалению, неразрешимая. Калигула – «опухоль», которая мешала расти и развиваться огромному очеловеченному стаду. Он одинок, и кажется, что не только теперь, но и всегда был таковым. Даже юный Сципион (Фаниль Тулунгузин), который проходит через сильнейшие муки, ненависть и любовь, покидает Калигулу, унося с собой частицу его правды: «Люди умирают, и они несчастны». Но образ поэта, как и образ Цезонии, кажется в трактовке режиссёра призрачным и отдалённым. Их присутствие ощутимо, но оно не способно утешить рвущуюся на части душу Гаю. Это жуткое, холодное одиночество вырывается со сцены и оглушающим вихрем разно-

сится над замершим залом. Сам Калигула сеет вокруг себя пустоту, руководствуясь абсурдными доводами и решениями. Как в самом настоящем аду, во владениях правителя есть место для казни. После состязания поэтов, в котором победил Сципион, трое остальных участников считаются предателями и приговариваются к повешению. Важно помнить, что эта сцена проводится от начала до конца на глазах у зрителя. Калигула собственноручно вздёргивает на петле одну из своих жертв, чем окончательно доказывает своё отречение от веры в человека.

Приёмы жестокого театра становятся главным пунктом в партитуре всего спектакля. Опираясь на суждение Антонена Арто: «Именно осознание придаёт управлению любого жизненного акта свой кровавый цвет, свой налёт жестокости, так как ясно, что жизнь – это всегда чья-то смерть», – можно аргументировать поведение Калигулы как антигероя. Его отношение к смерти, а именно «бесконечное убийство», оказывается попыткой приблизиться к концу и отречься от земных благ.

Принцип игры также главенствует в спектакле, как и принцип иллюзорности, который является отражением внутренней духовной жизни Гая, вывернутой наизнанку. Обед, на который Калигула созвал всех патрициев, превращается в игру. С колосников на нитях опускаются тарелочки и столовые приборы. Так подчёркивается образ марионеток, для которых подобное обхождение становится нормой. Здесь никто не протестует, никто не говорит без приказа, только смех, периодически вырывающийся из давно отживших душ, теперь эхом отдаётся в памяти. Но патриции, чьё самолюбие было поставлено на ступень ниже привычного, не готовы смириться с действительным положением вещей. Вспоминаются две мизансцены в начале и конце спектакля, когда в темноте заговорщики по очереди высвечивают свои лица фонариками. Сговор вершится в тайне даже от самого зрителя. Образы едва различимы, словно скрытые за тёмной, недвижимой материей. Уже совсем скоро становится ясно, что

каждый из этих людей готов уничтожить сотни других жизней, ради спасения своей собственной.

Здесь всё разрастается до масштабов всемирной катастрофы. Пространство, которое окружает правителя, кажется нарочно гиперболизированным и неуправляемым даже беспощадной властью. На этом фоне внутренний мир Калигулы оказывается хрупким и едва ли способным уместить в себе действующие законы бытия, а потому, ощутив своё бессилие перед мощной громадой существующего, он сдаётся.

Неоднократно возникает ощущение адской пропасти, куда зритель попадает уже в первые минуты спектакля. Геенна огненная извергает из своего лона страшные существа, которые лишены способности сострадать, любить и, самое главное, верить. Края сцены заставлены железными лестницами, являющими собой подобие амфитеатра. Здесь Калигула исполняет свой танец, когда перевоплощается в танцовщицу – сцена не менее жуткая. Гай в нижнем белье, едва прикрываясь белой простыней, двигается в беспорядочных балетных «па» (хореограф – Эльвира Даутова), лицо правителя разукрашено, а разум, кажется, совершенно покинул его. Но лестница здесь не просто декорация, как всё сценическое пространство, она живёт и имеет свой голос. В одной из сцен у Альбера Камю Гай изо всех сил ударяет молотком в гонг, сзывая патрициев в тронный зал. У Азата Зиганшина гонг заменяет эта самая лестница, но эффект от этого усиливается ещё больше. Властитель мечется по сцене и разрываемый гневом, высекает из железа скрежещущий стон, который, кажется, звучит из-под земли, моля о помощи...

Спектакль «Калигула» – это мир, состоящий из палитры звуков и чувств, который приходит к своему трагическому концу. Здесь рождаются мысли не только о человеке, разрушающем себя нравственно и духовно, но и о нежелании каждого принять единственно возможную истину: человек сам творит свою судьбу, но какой бы она ни была, конец неминуем...

круг вопросов: о снах, описках, оговорках. Но Никитина – медик в высшей степени оригинальный, душевед-новатор с явным филологическим уклоном:

«Гумилев все же оказал влияние на ваше творчество, или вы оба оказались акмеистами, так сказать, каждый сам по себе?»

«Анна Андреевна, давайте поговорим о... классической литературе... Например, о Льве Николаевиче Толстом».

Однако! Уверен: такой дерзкий и глупый анализ личности не снился ни Адлеру, ни Фромму. Впрочем, ответы пациентки и того удивительнее:

«Я родилась 11 июня 1889 года под Одессой. В один год с Чарли Чаплиным, “Крейцеровой сонатой” Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии».

Знакомо, не правда ли? D j vi растет и крепнет от абзаца к абзацу. Ахматова – подумать только! – в 1946 году слово в слово пересказывает психиатру свои автобиографические заметки конца 50-х – начала 60-х: «Коротко о себе», «Будка», «Дикая девочка». Покончив с ними, принимается за пересказ очерка о Модильяни, написанного в 1957-м. А еще Раневская делится воспоминаниями об Ахматовой, то бишь фрагментами «Дневника на клочках», и Симонов читает наизусть отрывок из книги «Размышления об И.В. Сталине»... В 1965-м врач и пациентка встречаются еще раз, и Анна Андреевна к дословно воспроизводит статью «Ахматова и борьба с ней».

Что ни говори, а Станислав Лем гениально предугадал появление литературного конструктора «Сделай книгу сам».

Но в одном все-таки ошибся, утверждая: «“Do Yourself a Book” почти не имели спроса». Имеют, пан Станислав, еще как имеют...

Когда б вы знали, из какого сора! Метода, отточенная на кошках и афоризмах, работает безотказно: сору – paste. И эта часть повествования в «Психоанализе», безусловно, лучшая. Об остальном можно судить по двум цитатам:

«В отчете я укажу, что окончательный вердикт возможен лишь после всестороннего изучения», – вердикт, знаете ли, выносят присяжные. А психиатры все больше диагнозы ставят.

«Я уловила разговор об опальном поэте Бродском, которого не так давно вернули из ссылки после многократных обращений к правительству советских и зарубежных писателей», – правительство советских и зарубежных писателей? Это, простите, что за коллегиальный орган?

Впрочем, это малозначащие детали. Главный вопрос, который возникает после «Психоанализа»: зачем понадобилась книга в пятьдесят девять тысяч чужих слов? Что, собственно, г-жа Мишаненкова пыталась доказать бесконечным потоком сшитых на живую нитку цитат? Клаузула обнаруживается под занавес:

«Вся биография Ахматовой – это миф, выдуманный ею самой... Почти все, что Ахматова рассказывала мне, тоже было частью мифа».

Молодца авторесса! – прочла не только ахматовские мемуары, но и статью «Анти-Ахматова» в Википедии...

Дальнейшее полагаю излишним. Вердикт, он же диагноз, тут напрашивается сам собой. А самый нужный афоризм без труда отыщется в памяти.

Особенности героя «нулевых»

О повести «Гнать, держать, терпеть и видеть» и романе «Терешкова летит на Марс» И.В. Савельева

Игорь Савельев – представитель молодого поколения уфимских прозаиков (в разные годы писателем опубликованы повести «Бледный город. Повесть об автостопе» – 2004, «Гнать, держать, терпеть и видеть» – 2007, «Женщина старше. Преодоление графомании» – 2011, роман «Терешкова летит на Марс» – 2012 и др.), чьё творчество всегда было в фокусе пристального внимания как российской, так и региональной критики. Успех и известность молодого литератора во многом определила независимая литературная премия «Дебют», финалистом которой И.В. Савельев – повесть «Бледный город» – стал в 2005 году.

К характеристике этой повести уфимского автора обращались М.А. Богатов («По ту сторону воды // Вершина айсберга. Повести»), И.С. Булкина («Журнальное чтиво. Выпуск 186»), С.М. Казначеев («Бездомные дебюты»), А. Кириллов («Русские снова в моде»), С.Г. Коган («Когда бог Вын-чан спал»), А.С. Немзер («Чётко организованное безрыбье»), Б.В. Орехов («Бледный «Бледный город»), В.Е. Пустовая («Диптих») и др. Положительный отзыв это произведение получило дважды: от литературного критика и писательницы О.А. Славниковой в предисловии к повести, напечатанной в «Новом мире» – ей «с первых абзацев стало понятно, что И. Савельев – настоящий писатель», и от П.Г. Шепотинника, кинокритика, задумавшего снять фильм по повести И.В. Савельева. Но два этих отклика тонут в потоке негативных оценок.

Так, М.А. Богатов, рассуждая о повестях трёх финалистов премии «Дебют» 2004 года в номинации «Крупная проза» – Станислава Бенецкого, Саши Грищенко и Игоря Савельева, – относит произведе-

ния этих молодых писателей к «сумрачной» прозе и считает их тексты больше творческой неудачей, чем успехом.

Ещё более резкую оценку повести «Бледный город» даёт Б.В. Орехов. Он указывает на недостатки сюжета, вернее, отсутствие его достоинств. Не выдерживает критики, с точки зрения Б.В. Орехова, и стиль повести: неудачен зачин, рассказчик как бы заигрывает с читателем, навязчивы цитаты из классиков и т. д.

С.Г. Коган, говоря о достоинствах рецензии Б.В. Орехова (рецензия на рецензию), подчёркивает, что многие выводы, сделанные в ней, точны и, безусловно, верны. Он, вслед за Б.В. Ореховым, пишет, что идея с подзаголовком повести могла бы быть неплохим обрамлением для одной из сюжетных линий, но, будучи использована «в лоб», превращает всю повесть в странный гибрид производственного романа и молодёжного произведения отечественной литературы 60-х годов XX века.

Ю.А. Горюхин в послесловии к рецензии С.Г. Когана замечает, что «выросла» повесть «Бледный город» из статьи об автостопе: «Статья породила повесть. А когда такое случается, то получается жанр, определяемый как журналистская проза. Ей-то как раз присуща линейность, незамысловатость, узнаваемый широкому читателю изобразительный ряд с разъяснениями и пояснениями для домохозяек».

И, наконец, причину успеха уфимского автора, его продвижения в «Новом мире» и лестного отзыва О.А. Славниковой объясняет А.С. Немзер: «Вольно организаторам всенародной забавы “Фабрика звёзд (виноват, премии «Дебют») двигать своих протеже в журналы, которые вообще-то издаются для читателей, а

современная уфимская проза

не для формовки перспективной литературской смены. Но Белкинскую премию вроде бы для другого придумали? Хотя, коли по-политкорректному рассуждать, Савельев выбран логично: и по губернской квоте проходит, и по возрастной». И всё же автор повести, делает вывод А.С. Немзер, только претендует на «поколенческую новизну», выдавая «новейшие словечки» «за знаки смысла».

В.Е. Пустовая в статье «Диптих», посвящённой анализу современной прозы молодых писателей, выявляя и формулируя некоторые её особенности, говорит, что, несмотря на определённую живость повести И. Савельева, в ней есть искусственность, например, «развитие сюжета перебивается манифестацией идеологии», а герои – надуманностью и т. п. Но всё же уфимского писателя отличает «поиск литературных ходов, образность, живость языка, попытка философского осмысления реальности – всё это позволяет увидеть в Савельеве возможность дальнейшего развития в интересного прозаика. Пока же его опыт выглядит, скорее, попыткой застолбить опыт одной из молодёжных субкультур». Оценка В.Е. Пустовой является, пожалуй, одной из самых нейтральных среди критиков, прокомментировавших текст повести «Бледный город».

В большей части негативную оценку получила ещё одна повесть И.В. Савельева – «Женщина старше. Преодоление графомании» (2011 г.), которая обсуждалась уфимскими литераторами на заседании клуба «Гамбургский счёт» (журнал «Бельские просторы»).

Одну из самых ёмких характеристик повести дал И.А. Фролов (её можно смело отнести не только к этому произведению молодого прозаика). Он считает, что главный недостаток савельевской прозы – вялый герой, который «распадается» на два подвида: «Он всё время наблюдает жизнь, находясь вне её <...> Жизнь лирического героя состоит из двух кругов почти ада – в первом, в котором он существует, только и делают, что пьют, блюют и если и совокупляются, то как-то нехотя такие же, как

он, не знающие, куда себя девать, молодые люди. И есть второй круг – там обитают некие дикие твари <...> они и есть хозяева большой жизни: они не читают, не пишут, они живут там своей тёмной жизнью и, временами проникая в малый круг вялых, вырождающихся отпрысков интеллигенции, бьют их, отнимают игрушки – то плер, то блокнот с умными заметками, – и, как полагается доминантам, писают на ботинки униженного и напуганного героя». Это точное замечание во многом вбирает в себя отзывы других литераторов (Д.Б. Лапицкого, Ю.А. Горюхина и др.). И всё же среди художественных достоинств повести члены клуба «Гамбургский счёт», принимавшие участие в обсуждении повести, выделили «чудный политический момент про Путина» (А.С. Иликаев); сочный язык произведения (С.В. Вахитов); приём перетекания функции главного героя от одного персонажа к другому, не до конца реализованный (В.О. Глуховцев).

Похвалы и упреки, прозвучавшие во время обсуждения повести И.В. Савельева, совершенно справедливы. Суммируя отзывы, можно утверждать, что отнести «Женщину старше. Преодоление графомании» только к неудаче уже нельзя. Хотя герои первой, как и более поздней повести уфимского автора, всё так же невыразительны, инфантильны и бездеятельны, они существуют в сером пространстве, абсолютно сливаясь с его скучным и тусклым пейзажем.

Но, несмотря на всё вышесказанное, мы связываем поиск героя нашего времени в уфимской прозе с творчеством И.В. Савельева. Наиболее интересными с этой точки зрения нам кажется повесть «Гнать, держать, терпеть и видеть» (2007) и роман «Терешкова летит на Марс» (2012): объединяет столь разные произведения общий взгляд автора на жизнебытование и мир молодого человека.

Повесть «Гнать, держать, терпеть и видеть» И.В. Савельева – более зрелая, хотя и написана всего тремя годами позже, чем «Бледный город». Уже в первую главу автором вводятся мотивы холода, смерти, безысходности, одиночества, которые по-

лучат в тексте своё развитие. Действие в произведении разворачивается в замкнутом, зажатом пространстве. Предметный мир, вещные детали помогают создать картину убогого, нищенского существования. Чётко организовано пространство, в котором находятся герои повести. Время в нём как будто остановилось.

Начинается действие в подъезде, где «стены бледные, побитые. Замученная побелка. Весь подъезд – как обмороженный». В этом «живописном», выстуженном месте молодые люди собрались распить бутылку водки. Но бдительная старушка выгоняет ребят на улицу, грозя милицией. Приятелям же и так пора: скоро похороны друга.

Друга Костярина похоронили в Лодыгино. Это «глухой окраинный посёлок, давший имя огромному кладбищу. Оно, конечно, называется Западное, но... <...> Какая странная судьба. Быть дырой в две с половиной улицы... <...> Собрать под худыми крышами бог знает кого... Стать маленькими воротами большого кладбища... Уступить ему – схватка явно неравная! – своё имя, да что там, уступить самой смерти, потому что “Лодыгино в языке горожан – однозначно её синоним...”».

В Лодыгино, которое ассоциируется со смертью, и будут происходить основные события повести. В начале второй главы появляется лёгкое недоумение: друзья, гуляя по парку ранним майским утром, решают поехать к Костярину и навестить его. После первой главы, в которой рассказано о похоронах Кости, возникает ощущение фантазмагоричности всего происходящего, смещения вектора реальности в сторону нереального.

Это происходит потому, что во время чтения повести возникает больше вопросов, чем ответов. Из текста произведения неизвестно, почему Костярин попал в Лодыгино, почему оттуда нельзя вырваться и, наконец, почему люди, «перевезённые в посёлок, ютятся в домишках-развалюхах» и живут там, как на режимном объекте, и, главное, как умер Костя. Возможно, всё это не так важно для писателя и цель повествования скрыта в другом. Лодыгино

Игорь Савельев

воспринимается как некая зона, которая не отпускает тех, кто однажды попал туда. Околокладбищенский посёлок, жизнь которого подчинена кладбищенской индустрии, – это метафора. Наш мир, по мысли автора, – замкнутое, закрытое пространство, подчиняющееся жёстко регламентированному распорядку жизни.

Друзья (Никита, Олег и его девушка Ева) поехали к Косте на майские праздники. У Никиты рождается план побега друга из Лодыгино, но беглецов возвращают назад, потому что, как оказывается, сбежать оттуда нельзя.

В Лодыгино друзья встречают Арсения Ивановича – смотрителя кладбища, осуществляющего надзор над «жильцами» посёлка и прибывшими туда гостями; Кузьмича, забытого детьми, никому не нужного «на большой земле», бывшего фронтовика; бабу Машу, последнюю любовь Кузьмича, спасающуюся в Лодыгино от внука, отнимавшего у неё деньги и чуть было не убившего «любимую» бабушку топором. Таким образом, в посёлке, примыкающем к кладбищу, живут только неприкаянные и отверженные люди.

Границы между миром живых и мёртвых в повести И.В. Савельева размыты. В первой главе Олег на похоронах Кости думает, что хорошо было бы, если бы

люди не умирали, а просто переселялись в Лодыгино: «Пускай без права выезда. Пусть как в тюрьме. Домишки с огородами... Пусть! И сейчас бы ехали как на праздник. Счастливая кавалькада, с вещами, может быть, и с мебелью... В эти дни судорожно бегать, заказывать не гроб, а допустим, срочно – шкаф и кровать. И в гости приезжали бы – каждый месяц». В третьей главе этот же герой, поражённый убожеством жизни лодыгинцев, ужасается: «Неужели всех такое ждёт?!», а в восьмой главе Костя неохотно разъясняет приятелям принцип существования в Лодыгино: «Как только человека забывают “на большой земле”, его выселяют из посёлка. Что называется – «на выход с вещами». Куда?.. Неизвестно, да и знать не особо хочется». Затем следуют слова повествователя о том, что у молодых больше шансов задержаться в Лодыгино: «Их помнят до-олго... По-настоящему Костя волнуется только за Кузьмича. Кому он нужен, что там, что здесь. Дети позабыли... А вот с бабой Машей-то как раз всё в порядке. С убийствами особая “фишка”. Ведь пока виновный отбывает наказание, о человеке, получается, помнят, да?..».

В финале повести ребята, прихватив с собой Кузьмича, пытаются сбежать, плутают по лесу, постоянно натываясь на «кладбищенский край». Арсений Иванович, настигнув сбежавших, говорит, что уйти «дальше нельзя». А Кузьмич и Костя впадают в какое-то отрешение, в полубоморок и вообще напоминают полумертвцов (последняя, десятая глава) [136, 30]. «Режимный объект», «западный мегаполис», Лодыгино не отпускает, цепко держит своих пленников.

Параллельно в повести развивается любовная линия: между Евой и Костей. Интересные ассоциации вызывает в повести образ Евы. Имя героини прямо указывает на библейский персонаж – прародительницу всех женщин. Ева упоминается уже в самом начале повести в эпизоде похорон Кости. «– Ну, что, Олежек. – С трудом отдышавшись, Никита всё-таки продолжил этот разговор. <...> – Вот ты скажи, ты с Евой уже спишь?.. Господи,

назвали же родители девчонку». Мотив грехопадения и связанные с ним мотивы измены и предательства возникают в повести неоднократно. Ева, оставшись с Костей наедине в его разваливающемся домишке, слушая его песни, влюбляется в него. «Словно пробило стену», – так говорит о чувствах героини автор. Поистине, с милым рай и в шалаше, хотя шалаш намного уютнее ужасной Костиной комнаты с «жухлыми обоями» (как жухлые листья на кладбище). Но даже после признания в любви лица Кости и Евы остаются «похоронными», так как оба чувствуют, что, полюбив друг друга, они перешли черту, они предали Олега.

Библейские ассоциации должны вызвать у читателя, например, и такие выражения в речи повествователя, как «инстинкт единственной женщины у Евы» (героиня, движимая этим инстинктом, начинает заниматься убогим хозяйством в домишке Кости), «желтоватые ноги яблочной чистоты», (героиня идёт босой по траве около дома Костярина) и т. п. А «яблочная чистота» – практически прямая аллюзия с библейским сюжетом грехопадения Адама и Евы, вкусивших запретный плод.

Наконец, ещё один важный момент: Еве удалось вернуть к жизни Костю. Такое открытие для себя делает Олег, он почти уверен, что, не будь Евы, тот, возможно, не согласился бы на побег из Лодыгино. Ева становится воплощением самой жизни и любви, возвращающей и возрождающей. Ева даже готова остаться с Костей в посёлке, если бы ей разрешили. Но всё же в своём противостоянии мёртвой действительности героиня проигрывает. Она бессильна вырвать любимого у Лодыгино и из рук смерти.

Героев повести не оставляет ощущение, что всё происходящее с ними – сон, наваждение, «сумеречный бред». Слово «бред» часто характеризует состояние, в котором находятся ребята. Героям приходится играть, «напрягаться голосом и лицом», ощущая неестественность происходящего вокруг. Олег «собирает лицо», он всегда так делает, когда, выпив, изо-

бражает трезвого. Еве приходится «работать лицом», скрывать в эпизоде попойки друзей свои настоящие чувства. Никита притворяется, что ничего не случилось и что он не догадывается о том, что Олег знает об их с Евой поцелуе, и т.д. Мир, в котором существуют персонажи И.В. Савельева, искажён полностью, и то, что должно рождать жизнь (например, молодость, чувства), несёт смерть. Это значит: мир мёртв, и он зона смерти, а не жизни.

И над всем этим поют птички, как в раю, или, скорее, как на погосте: «Было рано. Пели птички. Прислонённые к забору, стояли огромные кресты из морёных дубовых балок». Кладбищенский лес во время пребывания друзей в посёлке уютно заливают солнце, а во время побега он как будто застывает, в нём «ужасно холодно» и «сумрачно». «Эта брошенность, покинутость человеком места была, пожалуй, страшнее всего. То закрученный трос, оглушительно ржавый, буквально вросший в землю, уходящий туда, как корень. То особый кладбищенский хлам».

Время в кладбищенском крае будто остановилось, ему писатель даёт самые разные характеристики: «сжигание времени», стучит «лом-метроном», «одуряющая монотонность», «предыскульное время», «все здешние утра одинаковы» и т.д. Ближе к финалу повести писатель начинает оперировать такими временными понятиями, как «память» и «забвение», которые соединяют застывшее время и однообразное пространство, жизнь, похожую на смерть. И всё же только на кладбище неестественно празднично, оно расписано «онкологическими» красками, и в этом уродливом пространстве «выгорают» чувства человека.

Наш мир – царство мёртвых, кладбище разрушенных судеб и надежд. Такой подтекст возникает в повести И.В. Савельева «Гнать, держать, терпеть и видеть». Неслучайно уфимский писатель, публицист И.А. Фролов относит эту повесть вместе с рассказом «Домик в чугунном загончике» к лучшим текстам молодого писателя: «Кстати, сам сюжет “Гнать, держать... весьма аллегоричен именно в

отношении к савельевской Теме, – мёртвый герой пытается убежать из царства мёртвых в царство живых, но граница не пускает, – пересекая её, попадая в Жизнь, герой умирает, хотя в своём мёртвом мире он живёт». К сожалению, стремясь сказать читателю о безысходности, зияющей пустоте, в которой существует молодое (и не только, вспомним Кузьмича, бабу Машу) поколение, И.В. Савельев увлекается «замысловатостями» сюжета, прерывая его развитие историями, звучащими явно искусственно (это рассказ о фронтовой жизни Кузьмича и его побеге из плена во время войны; история финала жизни лубочной бабы Маши, воплощающей вселенский образ всех гонимых, убогих старушек России). Но, несмотря на это, повесть И.В. Савельева «Гнать, держать, терпеть и видеть» – удача писателя.

Роман И.В. Савельева «Терешкова летит на Марс» был опубликован в 2012 году издательством ЭКСМО. Это произведение о молодых людях, которые только входят во взрослую жизнь и пытаются найти в ней своё место. Образы, созданные писателем, во многом типичны, фотографически скопированы из самой жизни. Главные действующие лица романа – Паша и его друзья. Настоящее, взрослое их существование сурово, тем более что герои оценивают свои поступки не с точки зрения получения материальной выгоды, а с позиции нужности и пользы для того пространства, в котором они живут. Это обычные ребята, которые пытаются наметить свои жизненные ориентиры.

Друзья Павла – Игорь и Данила – друзья героя ещё со школьной скамьи. Истории жизни Игоря и Данилы выписаны в романе по известным шаблонам – набор ситуаций из жизни молодых людей социально благополучной и социально неблагополучной семей.

Вероятно, в Игоре воплотились некоторые автобиографические черты самого И.В. Савельева. Игорь – непризнанный гений или перехваленное дарование. Писать начинает ещё в школе, после окончания вуза поступил в аспирантуру, ра-

ботает в какой-то газетёнке, получает мизерное жалование, сидит на шее у обеспеченных родителей, но не расстаётся с мечтой стать известным писателем. Думается, этот герой более удачный и цельный образ, чем образ Паши: в нём есть качество, которое явно выгодно отличает его от друзей детства, неуёмное стремление помочь и вмешаться в жизнь своих товарищей.

История жизни Данилы в романе более лаконичная, сжатая: смерть матери, плохая компания, преступление, свидетель на судебном процессе, опекунов бабушки. Именно на квартире Данилы происходят все встречи действующих лиц романа (Паши, Игоря, Ольги и хозяйина «подпольной» квартиры): геройская бабушка-разведчица, прошедшая войну, спасшая своего внука, лежит в больнице, и квартира свободна для того, чтобы в ней вынашивать планы борьбы с явным социальным злом – авиакомпанией, в которой работает Паша и которая бессовестно обманывает своих пассажиров, обещая им абсолютно безопасные полёты на самолётах-развалюхах.

Данила, как нам кажется, образ, менее разработанный в романе. И хотя этот персонаж присутствует во всех основных сюжетных ситуациях, писатель практически не предоставляет ему возможности высказаться: у него в тексте нет ни одной развёрнутой реплики. Этот герой как ружьё, которое висит на сцене и обязательно должно выстрелить. И оно выстрелило. В эпизоде распространения и наклеивания листовок-воззваний к жителям города по поводу авиакомпании-обманщицы Данила неожиданно проявляет себя: будучи не очень трезвым, он затевает драку с милиционером, за что сам был изрядно избит и заключён под стражу. Уголовное дело на возмутителя порядка почему-то заведено не было, его на следующий день отпустили домой.

Ключевых женских образов в романе два: девушка Паши, целеустремлённая Наташа, приложившая так много сил, чтобы вырваться из страны, и Ольга, которой Павел вручает золотую карту члена ави-

акомпании, гарантирующую самые безопасные полёты на самолётах-доходях. Хотя первая героиня – будущий дипломированный технолог промышленных печей, а вторая – будущий экономист, они похожи. Или, скорее, они так схематичны, что возникает ощущение, что речь идёт об одной героине, а не о двух. Обе девушки – эмоциональные и увлекающиеся натуры, отстаивающие свой круг интересов, и, на наш взгляд, с чуть более точно выписанными чертами характера, чем у Паши и Данилы.

Ольгу и Пашу роднит то, что они похожи на детей, играющих роль взрослых. Паша занимается нелюбимым делом, чтобы доказать любимой девушке, что и он в этой жизни чего-то может добиться (хотя бы зарабатывать хорошие деньги), он так и не становится архитектором, хотя именно об этой профессии мечтал ещё в школе; Ольга учится в местном вузе на экономическом факультете, не имея к будущей специальности и отцовскому бизнесу особого влечения, но всё-таки находя себе отдушину – старое кино.

Пожалуй, самым достоверным и интересным в романе является образ Максима – троюродного брата Паши, деревенского парня, хорошо устроившегося в большом городе, отвоевавшего себе место под солнцем. Это персонаж с комплексом периферийного человека. В каждом новом эпизоде Максим раскрывает качества хваткого человека, отлично понимающего, что он никогда не вернётся в деревню.

По-настоящему «цепляющая» сцена в тексте, которая связана с Максимом, – это эпизод рассказа о поездке в Чернобыль. «Адский Диснейленд» – так называет это путешествие один из иностранцев, принявший в нём участие. Побывать на экскурсии в Чернобыле, считает Максим, дорого, престижно и просто прикольно: «Была катастрофа, а теперь гламур <...>». Для таких, как Максим, чернобыльские события не национальная техногенная трагедия, а всего лишь заповедная зона для дорогих эксклюзивных путешествий.

Паша, Игорь, Данила, Максим, Наташа, Ольга – таким разношёрстным и, как

нам кажется, невнятным предстаёт в произведении И.В. Савельева «племя младое, незнакомое».

Имя Терешковой – легендарной советской лётчицы и космонавта, которое звучит в заглавии текста и неоднократно упоминается в тексте романа, становится символом человека, стремящегося воплотить свою мечту, в которой есть место самопожертвованию, беззаветной любви и служению своему делу. И для одних героев романа Терешкова – романтик и мечтатель, а для других – выжившая из ума старая женщина, которая грезит о том, что когда-нибудь полетит на Марс.

На наш взгляд, в романе И.В. Савельева возникает какофония: жизненные ситуации, в которых существуют герои, перемешиваются в тексте с сообщениями об авиакатастрофах, практически рефреном идущими в тексте. Сама наша жизнь – катастрофа, мир рушится, он полон абсурдных ситуаций, и поэтому всё в нём напоминает фарс. Видимо, к такому незамысловатому выводу пытается подвести нас писатель. В этом мире приходится учиться выживать поколению, которое по сравнению со своими родителями ещё не перестало задавать вопросы, почему всё так, и продолжает бороться (пусть немного вяло и совсем по-детски) за неясно сформулированные идеалы. Складывается впечатление, что герои (особенно Павел) не до конца понимают, что им нужно в жизни.

В связи с этим более чётко выписанными остаются в романе некоторые проходные, фоновые сцены, а не герои. Например, поражает своим равнодушным спокойствием эпизод избития мужика на улице: «Человека четыре, разогреваясь перед началом, избивали чуть подвыпившего мужика. Мимо шагала другая компания парней. Валяясь и пузырясь, мужик попросил их о помощи. Один из парней равнодушно совершенно подошёл и помог – пнул кровавое лицо. И, гогоча, пошли дальше. Но и он, Паша, тогда не спас несчастного. Виноватого, например, в том, что нетрезво-благодушно отпустил шуточку: что это вы сынки, с серьгами, как бабы?.. Ну а чем можно было помочь?».

Ещё одним положительным моментом в романе уфимского писателя является язык произведения. И.В. Савельев стремится создать образную, словесно яркую картину мира, в которую помещены герои. Привлекают внимание точные эпитеты, метафоры и сравнения: «номенклатурное пальто [Путина]», «снежно-простудные дворы», «в маршрутной газели, в которой лишние люди стояли скорбно, как висельники», «бумажки разноцветные, справки; выпрямившиеся от скуки кудри факсов с готовыми выцвести напрочь текстом», «тризна по зрению», «день великолепно старел, прирастали тени все в золоте» и т. д. Жаль, что все языковые находки автора тонут в вязком сюжете, в невыразительном, зачастую банальном жизненном материале.

Жанр произведения «Терешкова летит на Марс» обозначен И.В. Савельевым как роман, но в тексте нет той глубины обобщения, которую требует данный жанр, нет и острых ситуаций, которые могли бы раскрыть характеры.

И, несмотря на это, публикация романа И.В. Савельева «Терешкова летит на Марс» в издательстве ЭКСМО – прорыв молодого писателя в большую литературу. Книга уфимского автора получила большое количество отзывов как в региональной, так и в российской литературной критике.

С.Л. Кубрин в статье «Там далеко-далеко есть земля...» («Литературная Россия»), оценив в целом савельевский текст положительно, утверждает, что произведение писателя – это проза о поиске счастья, поиске своей красной планеты, своего Марса. Критик, комментируя содержание романа «Терешкова летит на Марс», проводит параллели с другими текстами прозаика, которые, с его точки зрения, объединяет общая тема (это повести «Бледный город» и «Гнать, держать, терпеть и видеть»). Делая выводы, С.Л. Кубрин приходит к мысли, что в романе есть подтекст и обобщения: беда героев И.В. Савельева, их бесприютность возникает из-за разрозненности представителей молодого поколения; у восьмидесятников отсутствует в жизни

опора, вера в поддержку их начинаний, а отсюда одиночество; нет у героев связи со страной, для которой они пытаются быть полезными.

А.С. Иликаев, оценивая первый роман своего земляка И.В. Савельева, не видит в произведении тех достоинств, которые отмечает С.Л. Кубрин, и в отзыве о романе пишет, что книга молодого прозаика больше напоминает «интеллигентское нытьё», что автор не смог верно распорядиться в произведении точно подчёркнутым качеством восьмидесятников, заявленным в начале текста: «Г-н Савельев умеючи схватил нерв вакханалии ельцинизма, когда всё рушилось, разворовывалось тысячелетнее. Но в то же время впервые со времён Новгородской республики, раздавленной монголоидами-москвитами, грудь русских дышала воздухом свободы!». Этим и ограничиваются достоинства романа.

Пусть отзыв А.С. Иликаева скромнен по объёму и выполнен в жанре заметки, своего рода анонса литературной новинки, но его восприятие книги И.В. Савельева, на наш взгляд, более точное.

О романе «Терешкова летит на Марс» писали Л.А. Данилкин, В.А. Левенталь, Я.С. Левченко, А.Д. Петрова, А.В. Татаринов и др. Практически все рецензии объединяет ключевая мысль: уфимскому прозаику удалось рассказать читателю о проблемах поколения «нулевых», выявить основные черты характера изображаемых им молодых людей. Герои И.В. Савельева одновременно инфантильны и наивны, они романтики и бунтари, часто нелепо протестующие против буднично-заурядного существования, завидующие чужой мечте о полёте на Марс, страшась, а скорее, не умеющие воплотить в жизнь собственные влечения и начинания.

Л.А. Данилкин убеждён, что «Терешкова...» «любопытна для социального антрополога – как документ, свидетельствующий о том, что происходит в голове нынешних 24-летних людей, автопортрет очередного героя-нашего-времени, вы-

зывающего уважение, с каким-никаким, но моральным стержнем», «это хорошая проза – составленная из ладных фраз и точно подобранных слов, классно сделанная технически». Я.С. Левченко поддерживает эту точку зрения, считая, что роман И.В. Савельева – «уверенный текст, за чьим исполнением стоят годы предварительной работы».

В.А. Левенталь и вместе с ним Р.И. Габбасов пишут, что в романе раскрывается трагедия поколения «нулевых», которая заключается в тоске и стремлении молодых людей вырваться из болота жизненных мелочей, тоске по трансцендентному, тоске по мечте. А.В. Татаринов видит в произведении «затянувшееся, кризисное взросление трёх друзей», а С.И. Трунев относит роман к текстам «об исчезновении романтики», об исчезновении из жизни молодого человека в процессе взросления мечты как естественном, потому и страшном процессе.

Мы думаем, что наиболее точен в оценке романа уфимского прозаика А.В. Татаринов: «Если сопоставить основные мотивы “Терешковой”, получается следующее: мы боимся лететь на старых самолётах, нам страшно подниматься в небо, и так же страшно лететь в филологии, педагогике и социальной науке, потому что эта оставленная эпохой сфера не даёт никаких гарантий. Она способна обречь на бедность и маргинальное существование. Два страха – жестокой непредсказуемости неба и безнадежности гуманитарного знания – образуют тяжёлый фон романа, определяют атмосферу поражения».

Мы согласны с тем, что герои И.В. Савельева потерпят поражение, потому что и сам автор недостаточно хорошо понимает конечную цель романтического протеста молодого поколения «нулевых» годов, потому что не Павел, Данила и Игорь, а Михаил более убедительно выглядит в романе, так как именно Михаил, в отличие от ребят, чётко осознаёт границы своих жизненных приоритетов.

Барабанные палочки

Обзор публикаций в третьих номерах литературных журналов за 2015 год

«КОНЯ НА СКАКУ ОСТАНОВИТ, В ГОРЯЩУЮ ИЗБУ ВОЙДЕТ...»

Мартовские номера «толстяков» традиционно порадовали читателей интересными публикациями. А с чего весна началась? Многие вспомнят о самом известном празднике марта – Международном женском дне. В литературном календаре есть Всемирный день писателя, который также отмечается в самом начале первого весеннего месяца. Еще раз вернемся к этим прошедшим примечательным датам и поговорим о представительницах прекрасного пола. В этом выпуске «Барабанных палочек» – одиннадцать романов, повестей и рассказов, либо созданных женщинами, либо посвященных женщинам. Всегда удивительные, вдохновляющие, неповторимые, искренние, верные, заботливые и... сильные.

Центральная публикация 3-го номера «Знамени» – «Ветер и песок» Натальи Ивановой. Если в конце минувшего года свои литературные воспоминания в рамках романа «Вот жизнь моя» представил главный редактор журнала Сергей Чупринин, то теперь настал черед его первого заместителя. Сотня небольших автобиографических записей о временах и людях – «роман с литературой в кратком изложении». Имена героев личных историй разноплановы: одни – у всех на слуху (Борис Слуцкий, Варлам Шаламов, Инна Лиснянская), другие позволяют узнать, как была устроена жизнь редакций «Знамени» и «Дружбы народов» в восьмидесятых-девяностых.

Историческую повесть «Зло» и небольшой рассказ «Королева» Марии Амор представляет на суд читателей 3-й номер «Дружбы народов».

В 3-м номере «Нового мира» начинает печататься роман Марии Галиной «Автохтоны». Безымянный герой, копаясь в прошлом и настоящем безымянного города, пытается понять его необычную сущность.

Строенный номер 1–3 журнала «Дон» открывает публике творчество писателей и поэтов Республики Коми. Прозаический раздел начинается с рассказа Тамары Ломбиной «Люблю, как десять жизней» о физической и духовной силе простых русских женщин, наполненных любовью и терпением.

Простым женщинам посвящена и новелла Владимира Сорокина «Невеста», вышедшая в 3-м номере «Москвы». Студент Шурка, давно не бывавший в родной деревне, приезжает погостить к любимой бабушке. Здесь его дожидается соседская хулиганистая девчонка Ленка, но у парня теперь совсем другая любовь – в деревню он привозит свою невесту – мулатку из Франции Элизабет, которая учится в России по обмену. Сперва бабушка не примет экзотического выбора внука, но в итоге назовет Лизу внучкой и подарит ей иконку, переходящую в семье из поколения в поколение по женской линии. Словом, главное, чтобы человек был хороший...

Деревенская проза и в 3-м номере воронежского журнала «Подъем». Персонаж рассказа Андрея Новикова «Мамка да Нюнька» Миша Кудрявцев привык во всем просить совета у матери и супруги. Ослушался лишь однажды, отчего и погиб. Трагический финал ждет и героиню новеллы «Барин Камалы» Тамару, убитую пьяным сожителем. Зато в рассказе «Ми-

В. Колтышкин с «толстяками»

ша-пистолетик» смерть окажется мнимой: Коляня, перепугав женщин, задумал «похоронить» брата, «чтобы на выпивку денег добыть». Все персонажи Новикова близки к шукшинским «чудикам» – простодушным, но открытым жизни мечтателям.

Отчасти продолжает тему повесть Сергея Луцкого «По материнской линии», увидевшая свет в 3-м номере екатеринбургского «Урала». Объект внимания писателя – студенты, проходящие фольклорную практику и знакомящиеся с историями деревенских.

3-й номер казахстанского «Простора» знакомит читателей с повестью Ф. Фариды «И снова о войне...». Юной Зине, потерявшей отца, когда ей было всего одиннадцать, предстоит героически «пройти» Великую Отечественную и пережить не менее тяжелые послевоенные годы. Путь простой девчонки, внесшей свой вклад в нашу общую Победу.

Во фрагментах мемуаров Юдиты Вайчюнайте «Гостиница Мабре», публи-

куемых в 3-м номере «Иностранной литературы» в переводе Далии Эпштейн, – тоже Великая Отечественная. Взгляд на войну глазами ребенка, которому нет и десяти. Кстати, этот выпуск «Иностранки» – тематический. Называется он «Рассеяние и собрание», а посвящен литературе Литвы.

Роман Елены Девос «Уроки русского» представлен в 3-м номере петербургской «Невы». Заметки учителя, преподающего русский язык во Франции. Иногда забавные, иногда грустные подробности удивительного опыта.

В двоянном номере 3–4 петрозаводского журнала «Север» о взаимоотношениях между женщиной и мужчиной в рассказе «Роман» пишет Ирина Львова. Героиня, завершившая свой «роман с литературой», погружается в обычную, свободную от мира слов жизнь. Но литература не отпускает – и окружающие люди становятся персонажами романа.

Надеемся, литература не отпустит и вас...

Из мусорного бака – в космос

О романе Марата Басырова «Печатная машина»

В минувшем году финалистом всероссийской премии «Национальный бестселлер» стал уроженец Уфы, живущий ныне в Петербурге, Марат Басыров с романом «Печатная машина». Если учесть, что это событие произошло в год 200-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова, то невольно закрадывается мысль о какой-то мистической связи классика русской литературы с нашим городом, в котором он никогда не был и, скорее всего, даже не знал о его существовании. Хотя уфимские краеведы могут указать на пребывание в нашем городе дальнего родственника поэта, архитектора Н.Ю. Лермонтова, украсившего улицу Ленина зданием Башпотребсоюза, или на легендарную постановку Максима Поскрякова «Песни про купца Калашникова» весной 1941 года в детском любительском театре при городском дворце пионеров, а также на Лермонтовский центр сестёр Вавиловых и кое-что другое. Вот и в аннотации к изданному в возрождённом «Лениздате» романе Басырова промелькнула отсылка к «Герою нашего времени».

Марата Басырова сравнивают с французским писателем Жаном Жене, американскими эпатажными классиками Генри Миллером и Чарльзом Буковским, нашим Эдуардом Лимоновым. Но гораздо больше оснований для сопоставления его романа с поэмой Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» и прозой Джека Керуака. Его дебютный роман «Печатная машина» заставляет вспомнить «юнкерские» поэмы юного Михаила Лермонтова, традиционно остающиеся в тени его классических шедевров. Басыров как-то удивительно напоминает Лермонтова, застрявшего между своими юношескими поэмами и «Героем нашего времени».

Этот современный роман с его грубым натурализмом и грязной эротикой, выходя на запретную искренность, мало чем напоминает исповедальную молодёжную прозу 1960-х годов В. Аксёнова и А. Гладилина, а прямиком восходит к лермонтовскому творческому наследию с его ранней obscene поэзией и космическими страданиями Духа в «Мцъри», «Демоне» и, конечно, «Герое нашего времени». Интересно, что роман Басырова успешно продолжает традиции писателей разных стран и эпох (М. Лермонтова, Ш. Бодлера, Д. Керуака, Вен. Ерофеева), объединённых общей темой рождения и гибели человеческого Духа из грязи и мусора пошлой действительности. В этом плане художественный метод «Печатной машины» можно отнести не к реализму, а к своеобразному чёрному романтизму, поскольку главный предмет его изображения – не социальные проблемы, а метания больной, но вольной человеческой души.

Композиция романа построена внешне просто, но прихотливо. Не случайно наиболее проницательные критики называют его романом-поэмой, поскольку вместо традиционного линейного сюжета каждая глава представляет собой законченную историю. Все эти разнообразные главы связывает эволюция души главного героя. Как верно отметила Оксана Бутузова, «сама композиция романа-поэмы похожа на модель вселенной, в которой каждый временной отрезок жизни постепенно сжимается, доходит до какого-то предела и взрывается, рождая новое состояние души»¹. При желании в романе-поэме можно обнаружить «рифмы», представленные многогранными образами-символами вроде зеркал, пальцев, космоса и других предметов, складываю-

Кружечка

щиеся в «строфы», группирующие текст по временным отрезкам: от школьных лет до начала писательской карьеры. Фрагментарность произведения связана ещё и с разнородными качествами героя, отрицающего «эпическую эволюционность в событийном и персонажном планах»².

Роман начинается с нулевой главы, в которой герой-повествователь в семилетнем возрасте сидит ночью в позе эмбриона в мусорном баке. Поначалу это событие воспринимается как детская шалость, граничащая с глупостью. Но в конце главы выясняется, что мальчик поверил фантазии своего приятеля, который убедил его в том, что ночью они смогут улететь в космос с помощью мусорного бака. При всей анекдотичности ситуации в ней содержится горькая правда о нашем обществе эпохи брежневского застоя, когда при внешней стабильности и материальном благополучии молодое поколение было лишено идеалов. И здесь возникает переключки с давним романом М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Герой Басырова, находясь в грязном мусорном баке, мечтает о космических полётах, подобно Печорину, тоскующему о высоком предназначении человека, но вынужденному жить в негероическое время. Образы-символы в романе многослойны. Так, мусорный бак символизирует одновременно и мальчишескую мечту о космических полётах, навеявая воспоминания о «Денискиных рассказах» В. Драгунского, и одновременно напоминает о грязи и неустроенности позднего советского быта.

В следующей главе, о балконах, мечты о космических полётах трансформируются в плевки сверху на нижестоящих, школьную пьянку и падение вниз.

Знаковой для романа является глава «Минута молчания», в которой в образе школьной линейки представлено близкое автору поколение 70-х. Это поколение, рождённое в СССР, было первым в нашей стране, волей истории лишённое идеологического стержня. Оно рано почувствовало фальшь и лицемерие официальной идеологии, не получив взамен никаких новых идеалов. В романе этот идейный

вакуум заполняется архаизацией подросткового сознания: вместо восхищения подвигом Александра Матросова школьники становятся заложниками тотального пьянства и грубого, примитивного секса. Они видят окружающий мир через призму варварского эротизма, в котором господствуют первобытные инстинкты, а образование и культура воспринимаются как досадная помеха их удовлетворению.

Юность героя, прошедшая в типичном российском городе, прототипом которого является Уфа, наполнена бесцельностью и убожеством провинциального существования. Шокирующие картины бесконечных пьянок и сексуальных приключений, сдобренные обценной лексикой, за которыми скрывается безмерное честолюбие героя, сближают произведение Басырова с традициями отечественного и зарубежного либертинажа. Навязчивое повторение грубых сексуальных сцен связано с переоценкой христианской этики и реабилитацией страстей. Восстановление «прав природы» при этом приводит к разрушению культуры и торжеству самого примитивного варварства. Более того, как и «юнкерские» поэмы Лермонтова, по мнению философа В. Соловьёва, «внушённые... демоном нечистоты»³, эти сцены в романе отравляют героя ядом страстей и страданий.

Постепенно роман выходит на экзистенциальные проблемы человеческого существования. Взрослеющий герой сначала расстаётся с остатками романтизма, сворачивая шею прекрасным воображаемым фламинго. А потом незаметно, шаг за шагом становится трагическим персонажем эпохи безверия, про которую митрополит Антоний сказал: «Мы живём не просто в тварном мире, но в мире падшем, трагедия которого – обезбоженность. Мы живём в мире, который, утратив Бога, как бы потерял ключ к тайне гармонии»⁴.

Взрослая жизнь героя без идеалов и веры в Бога наполнена печалью и скорбью, но какой-то незримый ангел-хранитель отгоняет от него тоску пустой и бессмысленной жизни и ужас перед вечной темнотой. Возможно, это подсознатель-

ный опыт предшествующих поколений, оставивших загадочный бабушкин «иероглиф» из «Корана» на стене уфимской квартиры. Жизненный путь героя кардинально отличается от дорог Вен. Ерофеева и Д. Керуака. Блестящий интеллектуал Веничка, при всех его обильных алкогольных возлияниях и сопровождающих их галлюцинациях, до самой гибели не теряет веры в то, что жизнь прекрасна. И пусть за окном электрички темно и он находится на дне социальной жизни, мечта о благословенных Петушках согревает его на скорбном пути.

Герои романа Д. Керуака «В дороге», ставшего своеобразным манифестом американской контркультуры 1950-х годов, превыше всего ценят личную свободу. Они готовы пожертвовать многим ради самовольного выбора пути в своей жизни. При этом для героев Керуака важна не конечная цель пути, а само движение, поскольку именно в этом состоянии познаётся высшая правда человеческого существования.

Герой же Басырова во всех своих разнообразных историях постоянно ходит по краю бездны. Но падают с балконов и спиваются до смерти другие, а он продолжает жить без мечты и любви к близким. По глубокому замечанию одного из читателей романа, «...чем больше давление надвигающейся бездны, тем границы внутреннего живого мира расширяются. Герой чтобы выжить вынужден быть равным нарастающему хаосу»⁵.

В полной мере либертинаж героя, сближающий его с Печориным, проявляется в петербургских главах. Самоутверждение в ставшем уже привычным разрыве, отрицание моральных принципов ради освобождения разума и тела героя свидетельствуют о живучести на новом витке постсоветской истории антропологических идей романтизма. Их сущность недавно сформулировал В.А. Котельников: «В человеке заложены разнородные душевные, умственные силы и свойства, и то, что они в своей автономности и в ничем не ограниченных проявлениях не подчиняются какому-либо единому ре-

Обложка книги Марата Басырова
«Печатная машина»

лигиозному, моральному началу, – это и знаменует свободу человека»⁶. Герой Басырова, как и Печорин, обладает высокой душой и при этом совершает самые низкие поступки, не испытывая угрызений совести; в нём одновременно сосуществуют красота и безобразие, апатия и страсть, чувствительность и жестокость, космос и хаос. Не случайно совпадение сюжетов с княжной Мери в «Герое нашего времени» и некрасивой девушкой в «Печатной машине», в которых герои произведений с холодным расчётом ведут театрализованную либертинистскую игру со своими наивными жертвами. Цель этих игр состоит в получении изысканного наслаждения от подчинения мужской воле чувственно пассивной женской натуры. Но попрание нравственных норм и свобода от человеческих обязательств рано или поздно приводят героев к тотальному одиночеству и трагическому отчаянию. Неспособность к настоящей любви ведёт

к потере смысла жизни. Герой Лермонтова после пережитого внутреннего кризиса становится фаталистом и умирает по дороге в Персию, а герой Басырова находит в себе силы возродиться из праха и стать писателем. Как верно заметил митрополит Антоний Сурожский, «свободу можно обрести, лишь совершив над собой насилие, то есть обратив все силы, всю свою позитивную энергию против того ложного, дурного, ущербного, что в нас есть, против всего, что мешает вырасти в полноту, которая составляет наше человеческое призвание»⁷.

Роман завершается, пожалуй, самым значимым образом-символом – пишущей машиной. Это и сам герой-автор, ставший писателем, и современный человек, превратившийся в придаток к компьютеру, и сама современная культура, представленная в образе дефективной пишущей машинки. Герой печатает на ней письмо из Петербурга в Уфу своим родителям. И в этом письме отсутствие лишь двух букв русского алфавита «А» и «М» не позволяет герою написать самые главные слова: мама и папа. Этот образ вызывает ассоциацию с поколением 70-х годов, потерявшим в своём культурном коде не только

две буквы, а целые пласты религиозных и нравственных традиций предшествовавших поколений.

В итоге герой романа не взлетел в космос и не прозрел в одночасье, как многие его современники, в вопросах веры. Он так и остался сидеть в мусорном баке, провоняв за долгие годы гниющими объёмами современной цивилизации. Но, в отличие от других своих современников, он в своей жизни увидел не только окружающий его мусор, но и бездонное вечное небо над своей головой. Подобно Чехову, автор не спешит приобщить своего героя к вере, поскольку это долгий и тернистый путь с непредсказуемыми последствиями. Роман Марата Басырова при всей его внешней бессюжетности и отсутствии ярких персонажей и диалогов отличается редкой искренностью и глубиной постижения человеческого духа. Герою романа вопреки сложившимся обстоятельствам и в самом деле удалось осуществить в нём головокружительный полёт из мусорного бака провинциальной жизни застойных времён в глубины своей внутренней жизни, в космос вечных проблем духовного мироздания, оставшись при этом грешным человеком на грешной земле.

Примечания

1 Бутузова О. Марат Басыров «Печатная машина» [Электронный ресурс]: (мой комментарий). Режим доступа : <http://butuzova-o.livejournal.com/>

2 Котельников В.А. Сюжет с княжной Мери и традиция либертинизма // Рус. лит. 2014. № 3. С. 31.

3 Прозоров Ю.М. «Юнкерские» поэмы Лермонтова // Рус. лит. 2014. № 3. С. 26.

4 Антоний, митрополит Сурожский. О насилии // Новый мир. 2013. № 5. С. 148.

5 [Отзыв читателя на роман М. Басырова «Печатная машина»] [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://nirushmash.livejournal.com/88212.html>.

6 Котельников В.А. Сюжет с княжной Мери и традиция либертинизма // Рус. лит. 2014. № 3. С. 31.

7 Антоний, митрополит Сурожский. О насилии // Новый мир. 2013. № 5. С. 148.

Книги и прилавки

Живое: Сборник стихов // Поэтический проект «Живое». – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2014. – 96 с.

С «прилавком» я тут, как выяснилось, слегка погорячилась.

Книгу с оптимистичным заглавием «Живое», детище одноименного поэтического проекта, родившегося в городе Рязани, «пригодившегося» на фестивалях во многих российских городах, как то – Самаре, Саратове, Чебоксарах, Нижнем Новгороде, уж не говоря об обеих столицах, да и книга «Живого» вышла в Санкт-Петербурге, – купить с прилавка нельзя. Такой вот Юрьев день.

Я знаю о деятельности проекта «Живое» не понаслышке уже два года, с осени 2012, когда они начали свою активную поэтическую «движуху» в Рязани, «движухой» не сильно избалованной. В формате работы «Живого» с публикой литературные вечера, встречи с культовыми поэтами, лекции (одну из «крайних» дал Данила Давыдов), презентации книг, просветительские акции. Очень симпатичен был лично мне поэтический вечер с онлайн-критическим разбором – авторы читают, критики (некоторые дистанционно, в записи, как Михаил Богатов из Саратова) анализируют услышанное. Вечер планировался на несколько часов, занял целый день и вечер; я устала слушать, думать и говорить, но не могу отрицать главного – это было на самом деле *живо*.

В числе публичных акций «Живого» были не только литературные, но и общественно-полезные мероприятия, например, посадка деревьев в рязанских скверах. Лично я этот процесс, к своему сму-

щению, не созерцала, но знаю, что по его итогам были выпущены какие-то малые полиграфические формы типа календарей и открыток – и запущены в книжную и сувенирную торговлю города с благой целью заработать денег на общую книгу, о которой «Живое» задумалось сразу же, как родилось. Судя по тому, что через год работы о выпуске сборника заговорили уже не умозрительно, а предметно, я и подумала, что продажа проспектов не то чтобы принесла «Живым», как Курочка Ряба, золотые яйца, но, продолжая «птичье» сравнение, курочка по зёрнышку клюёт, вот и наклевала на издание.

Была я не совсем права, как обнаружилось много позже, когда одна из организаторов «Живого» Кристина Азарскова подарила мне сборник. Основной источник средств на него был всё же «складчиной», а не заработком (но «вписывались» деньгами не только сами поэты, но и потенциальные читатели, что, согласитесь, говорит о востребованности этого проекта). А распространение открыток, скорее, настроило инициаторов проекта против такой формы социализации. В итоге книга «Живого» принципиально, даже в порядке эксперимента, не передана ни в какой книжный магазин – ни в Рязани, ни в Москве, ни в Питере. Продаётся она только из рук главных «Живых» – Кристины Азарсковой и Юлии Грековой – ну, может быть, ещё из рук неких доверенных лиц.

Вообще-то «прилавок» в виде лично авторской торговли своими стихами – давняя, хоть и безрадостная традиция современной русской поэзии. Стало быть, умолчать о нём мы не имеем права.

Плохо в такой форме поэтической продажи то, что продавцом выступает сам автор (авторы), стало быть, о какой-то

Курочка Ряба

объективной оценке «культурного товара» речи нет. С одинаковым энтузиазмом можно впихивать читателям и пробитую графоманию, и настоящую поэзию. Даже, пожалуй, обратно пропорционально: чем бездарнее автор, тем напористее...

Рада сообщить, что это не про «Живое». Ни бездарность, ни напористость. Наоборот, их «книжная торговля» очень деликатна, а чаще это бескорыстное дарение. Эдакое доверие, опозитизированное в книге Сергеем Свиридовым:

*собеседники мои,
теперь возьмите на двоих
напишу на двери я
телефон доверия*

Дар тоже художественно обыгран:

*Беспробудно сплю
в аквариуме Петербурга,
На заводском поле,
Рязанским стоном,
Парижских стихиков.*

*Мима не проходите,
она бесплатно отдаётся!
(Екатерина Чистова)*

Не преувеличила Екатерина! В мои добрые руки сборник отдался бесплатно. Короче, как его распространять, «Живое» решает по обстоятельствам. В конце концов, это не самый неудобный путь к известности. А что известность ребят ждёт, я как-то не сомневаюсь – хотя бы потому, что в литературных кругах вне Рязани они уже признаны.

Сборник идёт в комплекте с «суперобложкой» – это правда супер!.. Книжка лежит в конверте с логотипом – замочной скважиной – и будоражащей воображение надписью: «Не содержит ГМО. Содержит нецензурную брань».

Как своевременно в январе, на официальном открытии Года литературы, Президент России Владимир Путин сказал, что допускает использование в литературе неформальной лексики!.. Президент поставил точку в споре дея-

телей культуры с министром культуры, которые просили вернуть нецензурные выражения хотя бы в кино!.. Владимир Мединский заявил журналистам, что министерство готово проработать поправки к закону о нецензурной лексике. Так что «Живые» защищены высочайшим решением от проявлений ханжества. На мой взгляд, проблема «мата в искусстве» в большей степени из пальца высосана – то ли законодателями, то ли озабоченными гражданами, что друг друга не исключает, как посмеялись режиссёры Наташа Меркулова и Алексей Чупов в фильме «Интимные места» (режиссёры тоже молодые, дерзкие, «отпротивные», как наши герои). Эту самую лексику в книге «Живого» надо с лупой искать, и найдёт лишь тот, кто действительно на ней «повёрнут».

Книга оформлена дизайнером Екатериной Горбачёвой в чёрно-белой гамме. Рисунки на обложке и в книге примитивные, но символические: среди них доминируют силуэты ключа, замочной скважины, глаза и деревца с побегими. Перевода не требует, верно?..

Пренебрежение общепринятыми нормами в книге «Живое» начинается, впрочем, не с лексики и не с графики, а с количества авторов: их тринадцать. На этом пиршестве духа в дурные приметы не верят. Сергей Свиридов, Ольга Мельник, Игорь Витренко, Юлия Грекова, Кристина Азарскова, Екатерина Чистова, Наталья Малахова, Владимир Смирнов, Карина Кожаринова, Илья Лицентов, Егор Ардашев, Светлана Белая, Арина Бедрина. Порядок, в котором следуют подборки, для меня таинственен. Можно предположить, что по старшинству. Старшинство паспортное (50 лет) и статусное сочетается в фигуре открывающего книгу Сергея Свиридова, пожалуй, первого поэта-авангардиста Рязани, начавшего ломать устои «пейзажной лирики» ещё в конце 80-х. «Ломать стереотипы» и «возражать очевидному» – не только поэтическое, но и жизненное кредо Сергея Свиридова, которое он применяет во всех удобных – и с особым

шиком в неудобных – случаях. Например, ему очень не нравится то, что я делаю как критик. Моё отношение к тому, что Свиридов делает как поэт, сложнее:

*я товарищ не было
и мне товарищ обидно
посчитали дебилом
побрезговали не убили*

Именно так и я могла бы ответить моему «румяному критику» Свиридову. Прямо сказать, его эстетика мне чужда – но при этом она весьма профессиональна, а это редкое и ценное явление. А что у хороших поэтов, как правило, прескверные характеры, давно взвешено, измерено и подсчитано, в том числе в моей однозной статье «Диагноз: Поэт».

В конце книги даны краткие автобиографии авторов. Кто-то (Ольга Мельник, Наталья Малахова, Егор Ардашев, Илья Лицентов) подошёл к их составлению как к анкете и выдал факты без эмоций. Другие же (Владимир Смирнов, Карина Кожаринова, Светлана Белая, Арина Бедрина) дали волю фантазии (наиболее органично, ИМХО, получилось у Светланы Белой). Сергей Свиридов тоже написал авторскую справку как стихотворение (орфография и пунктуация авторские):

«родился в январе 65-ого. учился, учился и ещё раз учился. где-то между демобилизовался. далее работа. «мне рубля не накопили строчки». публикации в московских сборниках, региональной прессе, в проектах димы макарова, в сети. участие в каких-то фестивалях. это всё в сухом остатке».

*пушкин наше всё
и всё?
(сергей свиридов)*

Проект «Живое», как с первых его шагов говорили «крёстные мамы» Кристина Азарскова и Юлия Грекова, изначально был рассчитан на тех авторов, которые не хотят писать «про берёзки». Этим ёмким определением очерчивается всё, что

есть «замшелого» в поэзии, творимой в Рязани. Да и не только в Рязани. Отойти от привычного формата, усомниться в неизбежности постулата, разрушить канон и попытаться создать свой – всё это цикл Свиридова «Литература»

*беги кролик
колыбелька для кошки
качается в замке федора михайловича*

*толстых как известно было три
кто же из них дурак*

*гоголь
моголь быть другим, –*

и, по сути, весь сборник «Живое». Конечно, есть риск сорваться в «ломать – не строить». Но «Живым» задачу облегчает то, что «поиски себя» ведутся плечом к плечу и под эгидой старших опытных товарищей, которые знают толк в деликатности.

гигиена

*не замечай не здоровайся
не вmeshивайся не мешай
пойди руки помой вдруг у него лишай
одна вот не брезговала со всеми подряд
болтала из чужих стаканов пила
а поутру проснулась вся голова
в коросте герпес на пол-табла*

*не замечай не здоровайся осторожней
с заразой здешних мест
старость безденежье одиночество
графомания заикание
невезение лишний вес*

*не пей из копытца
не садись на обочину на пикник
а не то все подумают
что ты тоже один из них
(Ольга Мельник)*

Ольга Мельник принадлежит к поколению поэтов, «раскрывшихся» в начале нулевых. Помню её стихи в сборнике «Вся королевская рать» 2002 года – если не ошибаюсь, первом рязанском коммер-

ческом проекте, основанном на платной публикации стихов по страницам. На фоне развесистых «берёзок» её стихи, тогда ещё более чётко ритмические и рифмованные, бросались в глаза. Другие «Живые» не идут по пути Свиридова и Мельник от «почти классики» – в основном они уже начали с «дальше от классики». Хотя темы-то – вечные...

*потом идёт толпа
их шествие война
а голова –*

*их пена. и шумит
о камни кто разбит*

невысказанная

и выросла и выросла молва

*была
молитва
(Юлия Грекова)*

К слову, о коллективе и поэтической общности... В искусстве это не всегда достижимый идеал. Слишком самостоятельные характеры могут действовать как центробежные силы. Как мне представляется на основе двухлетнего общения с «Живыми», их объединение возникло из желания проторить собственную тропу в литературу – и осознания, что в одиночку её торить труднее, чем коллективно. Долго ли, коротко ли продержится коллектив единомышленников, «Живые» не загадывают. Пока им хорошо вместе, и они с энтузиазмом берутся за общие дела – а главное, доводят их до триумфального финала!.. Сборник без ложной скромности назовём одним из них.

Сейчас «Живое» на той стадии, с которой важно развиваться, а не деградировать. А это означает не только совместное, но и индивидуальное совершенствование, литературный рост. Будем надеяться, что «Живые» изначальные амбиции и способности не растеряют. Как не растеряют и другие отступления от поэтических «ожидан-

ностей» – впрочем, если «ожиданно», то уже вряд ли поэзия...

Например, здесь ни в одной букве нет «брутальной поэзии», которую с лёгкой руки Всеволода Емелина стали подхватывать некоторые молодые пишущие мужчины. И наоборот: наиболее чувственные из лирических стихов «Живых» принадлежат мужчинам, а женщины не так часто и не так пылко вещают о любви, как это тоже утверждается иными сексистами.

* * *

*одинокие ищут приюта
из августа в сентябрь
глаза мои...*

* * *

*на кровати две
можжевеловых подушки:
одна моя,
вторая ничья.*

* * *

*пахнет твой цвет
дорожными драмами
разрешить его
целовать глазами?*

(Егор Ардашев)

* * *

Мы похожи с тобой на два венских стула с переломанными ножками.

Лежим на захлавленной кровати, как на помойке, шепчем друг другу нежности.
(Игорь Витренко)

Что приятно, в сборнике «Живое» нет вообще никаких указаний на «войну полов» - счастливым образом ребятам удалось вообще обойти гендерные разногласия. Даже если они и были где-то за кулисами, то в сборнике нет их и следа. Мне понравилось, что Кристина Азарскова о предназначении женщины выразилась (в авторской справке) словами рязанской писательницы XIX века Надежды Хвоцинской: «Свобода женщины, по-моему, есть её деятельность, а начинается она с умения пришить заплат-

нарочито запутанное настроение «русского братства судного дня» мне, тем не менее, понятно. Пусть растут все деревья. Они живые.

Что пожелать авторам напоследок, поздравляя их с дебютной книгой? Пусть «Живое» не берёт пример с Ленина:

* * *

*я не помню, как я болел
в детстве корью.*

*я не помню, когда стало
портиться зренье.
но в пять с половиной лет
я уже знал, что такое горе.
тогда мне сказали, что умер ленин.
(...)
а утром я пошел в детский сад
ощущая смертную грусть.
и хотя кругом было много ребят,
я уже знал одиночества вкус
(Игорь Витренко)*

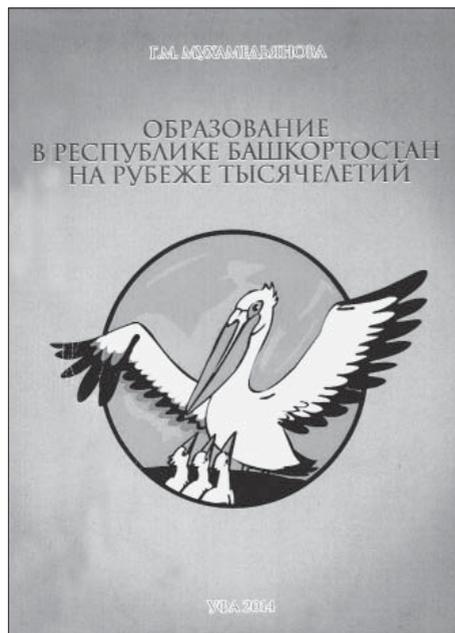
ОБЗОР КНИЖНЫХ НОВИНОК

Мухамедьянова Г.М. Образование в Республике Башкортостан на рубеже тысячелетий. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014.

Издательско-полиграфический комплекс БГПУ им. М. Акмуллы выпустил книгу доцента кафедры государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте РБ, кандидата педагогических наук Галии Мухамедьяновой «Образование в Республике Башкортостан на рубеже тысячелетий».

В издании описываются поиск путей развития системы образования в Башкортостане на рубеже тысячелетий и реализация конкретных целевых образовательных программ; собран ценный опыт работы ученых и практиков, на основе которого во многом строится и сегодняшнее республиканское образование.

В работе использованы документальные архивные материалы, статьи, опубликованные в средствах массовой информации, воспоминания коллег, личные впечатления автора. Галия Мухамедьянова долгие годы работала в должности министра образования Республики Башкортостан, начальника столичного

управления ГУНО. Издание представляет интерес для широкого круга читателей, включая руководителей образовательных учреждений, государственных и муниципальных служащих, молодых педагогов, родителей.

ИА «Башинформ», Галия Набиева

Возвращение росوماхи

Повесть

(Продолжение. Начало в №№ 1–3)

ЧП НА ДОРОГЕ

Промысловый сезон близился к завершению. Охотники один за другим возвращались в село. Кто с богатыми трофеями, кто так себе, но в целом план по пушнине и заготовке мяса госпромхоз выполнил. Сдав охотоведу добытые за четыре месяца меха, промысловики получили небольшой аванс и занялись накопившимися за зиму в домашнем хозяйстве делами. А для Степана Ермилыча настала самая ответственная пора. Он тщательно рассортировал принятую пушнину по цветам и сортам. Сложил получившиеся «пачки» в два мешка. Как только прошёл паводок и дорога чуть просохла, загрузил всё это богатство в коляску служебного мотоцикла «Урал» и поехал в город сдавать «мягкую рухлядь» на меховую базу.

Дорога через марь хоть и подсохла, но весной ручьи местами размыли её. Чтобы проехать, приходилось заваливать промоины травянистыми кочками и стволками худосочных лиственниц. В итоге до города добрался лишь под вечер. Переночевав у однокурсника-кинолога, со вторника по четверг занимался сдачей пушнины: спорил, добивался справедливых цен по каждой позиции, оформлял передаточный акт, утрясал порядок расчётов. В итоге ему удалось почти полностью отстоять не только сортность и цветковые категории, но и получить аванс – пятьдесят процентов от согласованной стоимости. Договорились, что полный расчёт, как обычно, будет произведён после завершения пушного аукциона.

В пятницу полдня пробежал по кабинетам областного охотуправления: выписывал бланки для летнего и зимнего учёта, журналы ежедневных наблюдений, а главное – получил свою зарплату за три месяца. Поставив точку в служебных делах, накупил полную коляску продуктов и всевозможных городских вкусностей к предстоящему совершеннолетию дочери. Пообедав в столовой, выехал в Верхи.

Степан любил ездить с ветерком. Но в окрестностях села дороги такие, что не разгонишься. Отвести душу он мог лишь на пятнадцатикилометровом участке от города до моста. Прямая, как стрела, дорога там проходит по высокому берегу. Выехав на неё, мотоциклист крутанул газ до упора и за несколько секунд разогнался так, что в ушах зашумело. И тут наперерез ему из чащи выскочили лосиха с лосёнком. Степан резко взял влево. «Урал» крутануло, и тяжело гружённая коляска стянула его на край высокого обрыва. Мотоцикл перевернулся и полетел в воду. Степана спасла хорошая реакция: он успел спрыгнуть буквально в метре от обрыва. Вскочив на ноги, Степан, не чуя боли от ушибов, подбежал к месту, где исчез «железный конь».

Внизу напористое течение со скрежетом тащило мотоцикл по камням. Впереди него наперегонки неслись, исчезая и вновь выныривая, пакеты и коробки. Степан побелел – сумка! Деньги!

Хватаясь за кусты, он спустился с крутого обрыва. Тем временем мотоцикл, вытолкнутый мощным сливом на столообразный камень, застыл, как корабль на рифах. Пробежав далеко вперёд, Степан обогнал пльвишие коробки и, не раздеваясь, кинулся им на

рухлядь

перерез. Выловил их и перекидал на берег. Пристально всматриваясь в воду, он простоял в ней ещё минут пять, но сумка с деньгами так и не появилась. По дну за всё это время протасило лишь батон колбасы.

«Сумка тяжёлая, могла и застрять меж камней или зацепиться ремешком». Степан потихоньку двинулся вверх по руслу, внимательно рассматривая каждый сантиметр дна. Выловил ещё кое-что из провизии, а вот сумки нигде не было.

«Может, она так и лежит в коляске?»

Подойдя к подрагивающему от напора воды «коню», охотовед заглянул в люльку. Фартук разорван, внутри пусто. Даже сидишку вышибло. Степан прощупал рукой каждый выступ, каждую выемку, как будто сумка могла скрыться в них. Результат тот же.

Наверное, застряла в месте падения, предположил он и пошёл вверх по течению, по-прежнему тщательно осматривая дно речки. В том месте, где рухнул «Урал», обнаружил лишь деревянный ящик с инструментом. Сумки не было. Почувствовав в ногах ломоту от холодной воды, охотовед вышел на берег и побежал к шумевшему метрах в двухстах мелкому галечному перекату – если сумку унесло течением, то она должна застрять на нём. Увы, там белела лишь размокшая коробка с зефиром. Прошёлся ещё несколько раз по речке вверх и вниз. Результат нулевой. Ноги опять заломило. Не в силах терпеть, Степан вышел на берег и, надёргав сухой травы, сунул её под кучу сучьев и веток, нанеённых в половодье. Доставая из нагрудного кармана зажигалку, он нащупал пачку – это была его зарплата. Степан на миг обрадовался: ладно хоть эти деньги уцелели!

Через минуту костёр полыхал в полную силу. Развесив на воткнутых в песок палках штаны, носки, сапоги, согревшийся охотовед собрал уцелевший груз и разложил его вокруг огня для просушки. Всё делал автоматически. На сердце неподъёмным грузом давила потеря громадной суммы.

Степан попытался возобновить поиски, но в косых лучах заходящего солнца вода вглубь почти не просматривалась. Стало ясно, что продолжение поисков следует отложить на завтра, а пока солнце не совсем село, лучше разобраться с мотоциклом.

Осмотр техники ещё больше расстроил охотоведа. Удар о камни был настолько сильным, что на колёсах выбило половину спиц. Проржавевшую раму в двух местах разорвало, руль погнуло, а бока искорёжило так, будто по ним били кувалдой.

«Даже на запчасти не сгодится... Ну с «Уралом» как-нибудь разберусь, а деньги мужикам где взять?... Нет, завтра, как солнце поднимется, буду искать, пока не найду. А если не найду?.. Придётся занимать. У кого только?.. Как не вовремя всё это... Послезавтра у Маруси день рождения! Весь класс придёт...»

Мысленно перебрав всю родню и знакомых, Степан пришёл к выводу, что занять можно только у Подковы. Тот частенько ссужал деньги сельчанам под проценты. Но даст ли он такую большую сумму?

Надев подсохшие вещи, Степан задумался: где ночевать, тут или в городе? До города километров четырнадцать. Если быстрым шагом – часа два идти. А на попутке вообще двадцать минут. Правда, шансов на неё мало – за всё время лишь две машины вверху прошумели.

Поколебавшись, Степан всё же решил идти в город: ведь надо доложить начальству о случившемся. Спрятав собранный груз в кустах, он поднялся на дорогу.

Начальник охотуправления рассказ Степана об аварии и пропаже бланков выслушал на удивление спокойно.

– От этого, Степан Ермилович, никто не застрахован. Слава Богу, сам цел. Бланки вообще не проблема. Мы их в типографии сразу на три года отпечатали. Ну а мотоцикл твой давно пора списать – два срока отслужил. Другие давно поменяли, а ты всё ездешь... Пиши объяснительную, дальше я улажу. Начальник ГАИ свой человек. Думаю, с учета снимем без проблем. Вот только дать тебе взамен пока нечего. Как-нибудь пешим ходом обходишь.

Степан не верил своим ушам: так просто разрешилась одна из двух проблем. Он почему-то уверовал, что, вернувшись, найдёт и сумку. Воодушевлённый тем, что не придётся обращаться к Подкове, он заторопился к речке. Но, как в народе говорят, лишь чёрта помяни, он тут как тут. Сзади послышалось натужное урчание мотора, и из-за поворота выкатился на малом ходу знакомый «ГАЗ-66».

Увидев охотоведа, Семён Львович затормозил.

– Здравствуй, Степан Ермилович! Какими судьбами?

– Пушкину сдавал.

– Так на тебе лица нет. Заболел, что ли?

– Да нет... Мотоцикл вчера угробил... В речку с обрыва улетел. Вот иду посмотреть, что на запчасти можно снять.

– Неприятная история. Сочувствую! Далеко идти-то?

– До поворота на мост.

– Садись, подброшу.

Вода в реке за ночь поднялась и сильно помутнела: похоже, в верховьях прошёл хороший дождь. Степан понял – искать сумку бессмысленно. Теперь выход один – просить деньги у Подковы. Степан не стал ходить вокруг да около и откровенно рассказал ему о своей беде.

Когда он озвучил необходимую сумму, экспедитор обрадовался, хотя виду не подал. Причина радости была проста. Он давно мечтал заполучить лайку охотоведа. И не удивительно – Мавр имел столь выдающийся экстерьер, что редко с какой выставки возвращался без медали.

К Степану он попал щенком от одnogруппника, чей отец, известный в стране кинолог, всю жизнь занимался селекцией западносибирских лаек. Семён Львович понимал, что охотовед ни за что не продаст своего выдающегося кобеля, а тут такой подходящий момент. Что-то, а вести переговоры прожжённый коммерсант умел.

– Сочувствую... Влип ты, Степан Ермилович, как кур в опии! – Помолчав, Подкова продолжил: – Вот все вы думаете: мол, у Семёна куча денег. А я ведь в Верххи иной раз себе в убыток езжу. Знаешь, сколько бензина за рейс жгу? Так он ещё каждый квартал дорожает. Я же за все годы ни разу закупочные цены не снизил... Понимаешь? А машина? Удивляюсь, как она на таком бездорожье до сих пор не развалилась! Да что тебе объяснять – сам ездишь... Двигатель давно пора менять, но никак не наберу нужной суммы. Всё по мелочам расходуется. То резина облысела, то радиатор потёк, то аккумулятор сдох. Контора-то на ремонт ни копейки не даёт.

– Семён Львович, я всё это понимаю, но больше не к кому обратиться. Выручай! На тебя вся надежда. Не подведу. За год, максимум за два рассчитаюсь.

Подкова выдержав паузу, пошёл в атаку:

– Ермилыч, ты же знаешь, охотник я зелёный, а участок на отшибе. Вокруг ни души. Страшно одно. Толковая собака позарез нужна. Вот если б ты Мавра на годик дал, я бы постарался.

Степан опустил голову. Собака была для него главной отрадой. Любил он её до дрожи в груди. И Мавр отвечал ему безоглядной преданностью. Сколько раз, рискуя не только шкурой, но и жизнью, выручал! Но, похоже, выхода нет, придётся согласиться. «Не навсегда ведь», – уговаривал Степан сам себя, а вслух сказал:

– Семён Львович, я-то готов, но ты ж понимаешь: собака – это не ружьё и не машина. Собака – существо особое. Она привязанность имеет. Не знаю, примет ли тебя.

– Да ты не переживай. Я уж постараюсь подладиться.

Степан опять задумался, взвешивая все «за» и «против». Он понимал, что найти такие деньги больше негде.

– Хорошо, согласен. А как быстро ты всю сумму сможешь набрать?

– Часть у меня есть, а с остальным, думаю, друган поможет. Сейчас к нему заедем, порешаем, и сразу в Верхи....

ПРЕДАТЕЛЬСТВО. МЕСТЬ

Когда автолавка подкатила к степановскому дому и во двор уверенно зашёл Подкова, у Мавра почему-то похолодело в брюхе. Пёс нутром почуял беду. Этот улыбочивый, с розовой лысиной человек в сильно потёртом синем халате, противно пахнущем одеколоном, Мавру никогда не нравился. Его неуловимо-скользящий взгляд вызывал озноб, словно от сквозняка. Особенно встревожило лайку то, что Хозяина будто подменили: он непривычно ссутулился, взгляд стал хмурым, потерянным. Собака заглянула ему в глаза. «Что случилось? Чем помочь?» – спрашивала она и, виляя хвостом, демонстрировала готовность исполнить любую команду.

Степан отвёл глаза и, тяжело вздохнув, прошёл в дом. Вернулся с красной папкой. Мавр сразу узнал её: с ней они ездили на собачьи выставки.

Хозяин передал её Лысому, и они сели за стол под кустом сирени. Сначала что-то писали, потом долго перекладывали сложенные в пачки разноцветные бумажки. Мавр знал, что за них Хозяин получит от Лысого кучу разных пакетов. В одном из них будут любимые им сладкие камушки.

Он с нетерпением ожидал этого момента. Бумажек много, значит, угощение будет щедрым. Но Хозяин почему-то унёс их в дом. Вернувшись, подошёл к Мавру и обнял за шею:

– Мавруша, прости меня. Тебе придётся пожить у этого человека!.. Недолго, потом я тебя заберу.

Мавр за многие годы общения научился улавливать смысл того, что говорил Хозяин. Поняв, что его отдают в чужие руки, он, возмущённо рыча, попытался. Пёс был уверен, что Хозяин одумается и отменит это решение: ведь он всегда служил ему верой и правдой!

– Гляди-ка! Понял! – смущённо пробормотал охотовед. – Успокойся, мой хороший! Это не навсегда. Так уж получилось. Выручай, дружок! – голос Степана задрожал.

Не нюхом, а сверхчутьем, верою необъяснимой, но и не обманывающей, Мавр почувствовал, что он должен подчиниться. Он приник к ноге Хозяина, потерся об нее плечом – это означало: «Тяжело, но подчиняюсь».

Степан благодарно потрепал пса за загривок и, передав поводок Подкове, решительно подтолкнул к калитке.

Семён Львович погладил Мавра по спине, а тот едва сдержался, чтобы не вцепиться в липкую ладонь. Впервые он почувствовал подобное желание и сам же его испугался: как могло такое прийти в голову?

Заметив в глазах лайки сатанинский блеск, Подкова напрягся:

– Он не укусит?

– Смотря как вести себя будешь, – горько улыбнулся Степан. Помолчав, добавил: – Главное, не обижай. Собака – существо преданное. Её обидеть – большой грех.

– Не беспокойся! Притрёмся! – заверил Подкова и осторожно, как бы проверяя настрой Мавра, ещё раз провёл рукой по его спине. Лайка внутренне напряглась, но стерпела.

– Я тут намордник на всякий случай прихватил. Надену пока.

– Валяй, коли взял, – с горечью произнёс Степан.

Намотав на руку поводок, прикрепленный карабином к ошейнику, Семён Львович повёл лайку к машине. Мавр не сопротивлялся, но у калитки остановился и обернулся в надежде, что Хозяин его позовёт. Подкова же с силой дёрнул поводок. Пёс в ответ

глянул с укоризной. «Больше так не делай!» – говорили его глаза. Ища поддержки, он вновь поглядел на Хозяина. Мавр был уверен, что тот осудит Лысого. Степан, конечно, заметил, что Подкова с ходу пытается показать свою власть, и его словно что-то острое кольнуло в сердце. Он физически ощутил боль, но вынужден был промолчать. А любимой собаке ответил взглядом:

«Прости, друг!»

Подкова посадил лайку в кабину и без промедления выехал из Верхов. Пользуясь удобным моментом, он решил заехать на участок: подремонтировать крышу на промысловой избушке и соорудить навес для дров.

Оставив, как обычно, машину прямо на дороге (кроме него и Степана тут мало кто ездил), он закинул на спину рюкзак с провиантом, на плечо – обёрнутый полиэтиленом рулон рубероида и, взяв на поводок Мавра, зашагал к зимовью.

Когда Подкова переходил ключ, из-под поваленной осины выскочила лиса. Рванув за ней, Мавр с такой силой дёрнул его, что он качнулся и, влекомый тяжёлым рубероидом, со всего размаха впечатался лицом в сырую землю.

Очистившись от налипшей грязи, прохрипел:

– У, сука, убью!

Эти слова лайке не были знакомы, но в них прозвучала такая злость, что шерсть на загривке непроизвольно вздыбилась, а в горле вскипело рычание. Момент был серьёзный.

– Ты чего? Виноват, а ещё крысишься... Раз такой прыткий, сам тащи эту дуру!

Подкова обвязал рулон верёвкой. На другом конце сделал петлю и продел её меж передних лап собаки так, чтобы она охватила грудь и спину. Привычный таскать нарты Мавр спокойно потянул чёрное «бревно» по лесной тропе. Оно то и дело застревало между стволов, и тогда Подкове приходилось самому вытаскивать и подправлять рулон. В одной из низинок рулон скатился в заиленную лужу и застрял в ней так крепко, что Мавр, пытаясь вытащить его, порвал верёвку. Подкове пришлось лезть в болотину, связывать её и вместе с собакой вытаскивать рубероид на сухое место. Весь перепачканный, он, срывая злость, со всей силы пнул пса. Тот, обнажив два ряда острых зубов, посмотрел на него с такой угрюмой свирепостью, что Подкову будто огнём опалило. Это окончательно вывело его из себя. Притянув Мавра за поводок к стволу берёзы, он отломил от сушины увесистую ветку и стал наносить собаке удар за ударом. Один из них пришёлся по носу. Лайка едва не взвыла от боли.

Ещё удар, ещё!

– Не смей так смотреть! Не смей так смотреть! – кричал Подкова, в ярости брызжа слюной.

Мавр понял, что лучше смириться. Он опустил голову и тихонько заскулил. Подкова удовлетворённо просипел:

– То-то! – А немного постыв, добавил: – Пошли, осталось немного...

Мавр никогда не симпатизировал Лысому, но после этого случая он просто возненавидел его. Подкова же, довольный результатом воспитания, шагал в приподнятом настроении.

– Ну вот и прибыли! – произнёс он, по-хозяйски оглядывая избушку, лабаз, – всё ли цело? Привязав собаку под пихтой, бросил ей кусок колбасы и принялся за дела. Подправил дверь, обил тонкой жестью четыре столба, на которых стоял лабаз, – дабы мыши не могли добраться до сложенных в нём припасов. После этого соорудил у боковой стены зимовья навес для дров. Покрыв новым рубероидом порванные участки крыши. Щель возле трубы замазал глиной. Закончив работу, сварил кашу, поел сам и поставил полную миску лежащей под деревом лайке. Но та даже головы не повернула.

Утром они выехали в город. На разбитой дороге трясло и бросало так, что Мавр едва сдерживал приступы рвоты. Ближе к обеду дорожное полотно стало ровней, и собака

перевела дух. Вскоре показался большой человечесий муравейник. Запахи, рокот проносающихся машин, множество тесно стоящих многоглазых домов Мавру были знакомы. Здесь он с Хозяином уже не раз бывал.

Поселили его не в конуре, а чистом сарайчике на краю обширного двора. Пол застелен войлоком, у двери две кастрюли: одна с водой, вторая с похлёбкой, заправленной большими кусками мяса. Рядом несколько сахарных косточек.

Такая щедрость удивила Мавра. Самого Лысого словно подменили. Заходя в сарай, он безостановочно что-то ласково бубнил лайке. Что именно, пёс не понимал – ещё не привык к его голосу. Утром и вечером расчёсывал гребнем шерсть. Всё это для Мавра было странным и необъяснимым. «Наверное, боится, что укушу», – заключил он.

Однако причина такой перемены была банально проста. Если б Мавр мог посмотреть на себя со стороны, то он непременно восхитился бы совершенством своего экстерьера. Подкова и взял лайку не столько для охоты, сколько для заработка на случке. Прекрасная родословная и девять медалей, из них четыре золотые, на региональных выставках создавали для этого все предпосылки.

На пятый день к дому Семёна Львовича подкатила сверкающая машина. Из неё вышла солидная парочка с молодой, изящной лайкой на поводке. Подкова надел Мавру намордник и повёл через двор к гостям.

Послушно следуя за ним, пёс изучал обстановку: калитка закрыта, но забор невысокий, лес рядом. На светло-серую молодую сучку и стоящих рядом с ней людей глянул мельком. Всё его внимание было сосредоточено на том, чтобы не упустить удобный момент для побега.

Хозяева лайки внимательно осмотрели кобеля. Мужчина, от которого исходил дурманящий запах, попросил Подкову открыть ему пасть. Тот, погладив Мавра, снял намордник. Пёс без слов понял, что от него требуется, и с гордостью продемонстрировал ослепительно белые, здоровые зубы. Все довольно заулыбались, Семён Львович – шире всех.

– Умница! – не удержался и похвалил он. – А нюх у этого пса такой, что любую вещь за минуту найдёт. Сейчас убедитесь.

Подкова дал Мавру понюхать пятирублёвую монету и, накинув ему на голову фуражку, отбросил пятак метров на пятнадцать. Отстегнув поводок от ошейника, приказал: – Ищи!

Мавр понял, что удобный момент настал. Он прижался к своему обидчику боком и, задрвав заднюю ногу, помочился на брюки. Ошеломлённый Семён Львович принуждённо засмеялся:

– Какой шалун!

Пёс тем временем триумфально прошествовал мимо остолбеневших гостей и одним махом перепрыгнул через ограду. Скорей в спасительный лес! Скорей, скорей под его защиту!

Оказавшись в зелёной чаще, он понёсся, перепрыгивая через валежины, мимо деревьев и кустов. Вот и дорога! Она была знакома – тут они несколько раз проезжали с Хозяином, а совсем недавно и с Лысым. Где-то в её конце будет его родное село. Ободрённый Мавр бежал по обочине прочь из города. Сзади послышался знакомый гул – Лысый?! Собака сиганула в кусты. Вон и машина показалась. Она пронеслась, оставив за собой пыльный хвост. Точно, Лысый! Мавр понял – появляться в селе нельзя.

Ничего страшного, у них с Хозяином есть дом в лесу. О нём Лысый не знает. «Поживу там. Буду охранять его», – решил пёс. Когда Хозяин придёт и увидит, что дом в порядке, он поймёт, что Мавр самый лучший, самый надёжный друг, и больше его Лысому не отдаст, – такая цепь рассуждений пронеслась в голове лайки.

Дождавшись, когда пыль осядет, Мавр вышел на дорогу и затрусил по обочине. Вот и речка зашумела. После моста вправо уходит старая лесовозная дорога – она и приведёт

к лесной избушке. Точно, вон и спуск на неё – память не подвела. Пёс был горд собой: удались и месть, и побег! Теперь можно передохнуть.

МАВР В ТАЙГЕ. ДРУЖБА С ТОПОМ

Светает в начале лета рано. Как только засерело утро, Мавр был в пути. Пробежав изрядное расстояние, он увидел горы. Где-то среди них должен быть дом Лысого. Пёс напрягся – там может быть засада. Лучше перевалить отрог и дальше до хозяйского участка пробираться по лесу. Бежалось так легко, что он и не заметил, как добрался до места. Тут все знакомо. Под защитой патлатых кедров на прогалинах белели пышные кусты ягеля, атласно зеленели плотные листики брусники. На полянке – избушка Хозяина. Под обрывистым берегом – широкое полукружье серой гальки, намытое вытекающим из распадка ключом.

Мавр помнил, что под крыльцом должны лежать припрятанные им зимой сахарные косточки. «Сейчас попирую в любимом углу под навесом!» – размечтался он.

Увы! Его ожидало разочарование: кости сгрызли мыши, подстилка была засыпана наметенным ветрами мусором, затянута паутиной. Без Хозяина всё выглядело унылым и неустроенным. Ожидаемой радости не получилось. Наоборот, на душе стало прескверно. А каково еще может быть собаке, привыкшей получать утром и вечером полную миску еды, привыкшей, чтоб ее мыли, вычесывали, смазывали ранки и ссадины? Теперь же пищу надо было добывать самому. Охотясь в паре с Хозяином, Мавр мог по запаху находить и задерживать зверя, а вот умерщвлять его не умел. Чтобы утихомирить желудок, он сжевал пару пучков ягеля. Невкусно, но голод ослаб. Мавр прилёг на крыльце и задремал. Во сне ему привиделась сахарная кость. Он жадно принохивался к ней. От неё почему-то пахло росомахой. От расстройства пёс даже открыл глаза. Косточка исчезла, а вот запах росомахи, наоборот, окреп. Похоже, она совсем близко. Лайке даже показалось, что ощущает её взгляд... Точно! Вон в листве блеснули черные бусинки, донёся шелест удаляющихся шагов.

Связываться с вонючкой у Мавра не было желания: в памяти были свежи уроки прежних лет. «Хорошо, что ушла», – обрадовался он и спустился к ручью. Нанившись воды, прилёг на песчаном бугре: на нём комаров было поменьше. Вскоре уши уловили лёгкий скрежет гальки. Пёс напрягся. В прибрежных кустах смородины мелькал тёмный нескладный силуэт. Мавр оторопел – росомаха шла прямо на него.

«Ну что ж, буду биться! Отступать нельзя – если пропущу к зимовью, она там всё испоганит», – решил он и принял боевую стойку.

Росомаха же шла спокойно, не проявляя признаков агрессии. Более того, Мавру показалось, что она рада их встрече. Что-то в её дружелюбном взгляде напомнило ему одного из двух росомашат, которых они с Хозяином навещали. Неужели это Топ?.. Да, это он!

Собака приветливо закачала из стороны в сторону хвостом-калачом. Топ от радости перекувыркнулся через голову, ещё раз, ещё... Мавр узнал эти коронные прыжки и подбежал к старому знакомому.

С этого дня росомаха и пёс стали жить вместе: охотиться на пару было легче и добычливей. Особенно на зайцев. Тут они действовали по отработанному сценарию. Мавр, преследуя бегущего по кругу зайца, выгонял его на затаившуюся в засаде росомаху. Топ бросался наперерез и душил косоглазого. Со временем пёс перенял от росомахи её приёмы охоты и стал таким же добычливым, как и его широколапый друг.

Единственное, чему Мавр так и не смог научиться, – промышленять, как Топ, ночью. В этом смысле он был обычным псом, законным сыном той первородной Собаки, которую

страх перед темнотой и ненависть к Луне привели к пещерному костру и побудили обменять свободу на службу человеку.

Не было дня, чтобы Мавр не вспоминал своего Хозяина. Обида на него угасла. «Может, сбежать в село?» – колебался иногда пёс. Ведь так много важного надо сообщить друзьям и Хозяину: о том, что они с Топом охраняют избушку; что она цела, только во время недавней грозы повалило навес; что Топ многому научил его, и теперь он сможет лучше помогать на охоте.

Как он это расскажет – пса не волновало. Мавр об этом даже не задумывался. Он просто знал, что Хозяин поймёт, так же, как и он сам понимал Хозяина.

Тропу в село Мавр знал с детства: каждый год по несколько раз проходил по ней. Сначала долго-долго бежишь по берегу речки мимо участков других охотников, потом переваливаешь два отрога. С последнего уже видны дома и озеро. Останется лишь спуститься и окунуться в любимый запах дыма и еды, приготавливаемой в огромных тёплых печах. Но страх того, что, пока он бежит, кто-то чужой зайдёт в зимовьё и нарушит порядок, каждый раз останавливал Мавра.

Как-то в середине лета он всё же не утерпел и отправился в село. На двери хозяйского дома висел замок. По совсем слабому запаху Хозяина пёс понял, что его тут давно нет. Не страшно! Выпадет снег, и Хозяин придёт в свой лесной дом.

Откуда ему было знать, что Степан, чтобы побыстрей рассчитаться с Подковой, продал корову и бычка. А сейчас, поскольку ягоды и орехи ещё не поспели, работал на госпромхозовской пасеке. Жена же с дочерьми уехали в город. Маше надо было перед поступлением в институт походить на подготовительные курсы.

НОВЫЙ ПРОМЫСЛОВЫЙ СЕЗОН

С наступлением холодов в тайге появились люди, зазвучали выстрелы, собачий лай. Пока снег был неглубок, охотники промышляли пешим ходом, но после обильного снегопада вынуждены были встать на широкие охотничьи лыжи. С того дня белую перину дырявили не унты и валенки, а разрезали на ломти бесконечные парные борозды.

Подкове поспело время везти в Верхи почту, пенсии, заказанные селянами товары. Он выехал не двадцатого числа, а на три дня раньше, чтобы обойти участок и выставить на путиках капканы. Высокий снег не успел уплотниться, и «ГАЗ-66» легко пробивал снежные надувы.

После обеда машина встала у тропы, ведущей к зимушке. Вокруг с едва слышным шорохом сыпал мелкий крупчатый снежок. Белая пелена радовала густой паутиной заячьих следов и лосиных набродов. Из-за удалённости от села на этом участке лет пятнадцать никто не промышлял. Обитатели тайги быстро вычислили зону покоя, и зверья тут было заметно больше, чем в других охотничьих угодьях.

Пока шёл к избушке, Подкова настрелял рябчиков для еды и для приманки.

В зимовье было стыло, неприятно, пахло затхлым – как-никак, почти месяц не глядявал. Семён Львович набил в печь смолистые полешки, запалил бересту. Не прошло и пяти минут, как пламя забушевало в тесном чреве. Стенки с боков быстро раскалились до малинового цвета. Таёжное жилище под веселое потрескивание огня ожило, задышало, очищаясь от затхлости, быстро наполнялось жилым духом. С потолка посыпался отмякший иней.

Через пару часов избушка приобрела жилой вид. Бревенчатые стены высохли, осветлели. На столе рядом с привезённым салом и луком задымилась картошка.

Допив заваренный на чаге чай, Семён Львович загасил керосиновую лампу и забрался в спальник. В приоткрытую дверцу из-под хлопьев седого пепла ему приветливо под-

мигивали угли. Пара головешек ещё хранила невысокое ровное пламя. Шуршал, оцупывающая стена, ветер, а в зимовье тепло, приятно...

Плотно позавтракав, Семён Львович набил рюкзак капканами, рябчиками для привады; в боковые карманы сунул сало, хлеб, термос с чаем и отправился на первый путик. Ниже порожка, дымящегося завитками пара, речку уже перехватило ледяным мостом. Придерживаясь за ломкие на морозе ветки краснотала, он съехал на этот мост. Ослабив крепление, чтобы в случае чего успеть скинуть лыжи, осторожно засеменял по присыпанному снегом льду. Он никак не мог понять, действительно ли тот под ним пружинисто прогибается или это ему только кажется. Подкова застыл в позе метателя диска. Осторожно простучал вокруг посохом. Да нет, вроде держит!

На противоположном берегу соболевых следов было намного больше. Возбуждённый мечтаниями о богатой добыче, охотник весь день без усталости раскладывал приманку и маскировал ловушки.

* * *

Удаляясь в поисках добычи всё дальше и дальше, Топ с Мавром как-то вышли на свежую парную колею. Исходящий от неё запах был им обоим хорошо знаком: для Мавра это был тот самый Лысый, что в начале лета долго бил его, Топ же признал в нём запах ранившего его Круглолицего. Эти запахи-воспоминания разбередили в их сердцах старые обиды, и им захотелось досадить этому двуногому.

По характеру следа друзья легко определили, в каком направлении прошёл их недруг, и направились в обратную сторону – туда, где стояла его избушка. Двигаясь по двойной борозде, они вскоре вышли к амбарчику – снежному конусу с краснеющим в пещерке аппетитным куском мяса. Он источал такой соблазнительный аромат, что Топ едва успевал сглатывать слюну. Однако, помня, что мясо в таких пещерках всегда охраняет больно кусающая железная пасть, он обошёл её стороной. Мавр же, взяв зачем-то в зубы обломок ветки, смело направился к снежной куче.

Дальнейшие его действия были и вовсе необъяснимыми: он тыкал веткой в снег перед мясом до тех пор, пока тот не вспучился и не раздался резкий металлический лязг. Топ рефлекторно отпрянул. Напарник же безбоязненно протянул лапу к мясу. Рядом валялась ветка с вцепившейся в неё железной пастью.

Топ был потрясён. Мавр же в своём поступке не находил ничего особенного. Подобным способом «убивал» железные челюсти и его хозяин. У второго амбарчика эта операция повторилась. Лайка, весело покачивая закрученным в бублик хвостом, подошла к Топу и положила перед ним очередную добычу.

Перекусив, друзья продолжили путь. Прodelав эту нехитрую процедуру в нескольких амбарчиках, они так наелись, что стали относить добычу подальше и зарывать её в приметных местах. Это отнимало немало времени, и до логова обидчика они в тот день так и не добрались. Сытые и довольные, заночевали неподалёку.

Весь следующий день Подкова расставлял ловушки на втором путике, а утром третьего уехал в село. Друзья, наблюдавшие за ним издали, отправились за новыми порциями мяса. Избалованный обилием легкодоступной добычи, Мавр теперь расстораживал самоловы выборочно – там, где мясо посвежее и кусок побольше. Наблюдая за его уверенными действиями, Топ осмелел настолько, что решил сам попробовать рассторожить присыпанную снегом железную пасть обломком ветки. Получилось!

Когда он расстораживал следующий капкан, послышался шорох, как будто закапали бусинки града. Росомаха вскинулась столбиком.

«Фу ты! Ложная тревога!»

Это белка шелушила еловую шишку. Вон еще одна... вторая. Все давно выкуняли* – покрылись по бокам серебром, а спинки почернели. Длинные и острые ушки на концах окрасились углём. Распушившийся хвост приобрёл бархатистость и блеск.

Когда поднялись на седловину, от амбарчика молнией метнулся зверёк. По шоколадной шубке с серебристыми искорками Топ издали определил – соболь! На его задней лапе бренчал капкан с цепочкой, тянущейся к стволу берёзы. Увидев росомуху, соболь замер, в его взгляде мелькнула надежда. Но когда показалась трусившая сзади собака, он быстро зарылся в снег, правда, неглубоко – дальше не пустила цепочка.

Поскольку в пещерке мяса уже не было, Топ не стал подходить. Мавр же, приученный Хозяином к тому, что соболей упускать нельзя, вытащил его за торчавший хвост и, придавив лапами, перекусил шейные позвонки...

Обойдя за несколько дней все амбарчики, парочка рассторожила большую часть лощек. Что-то из привады они съели, что-то прикопали на будущее.

После этой удачной эпопеи друзья на какое-то время расстались. Мавр вернулся к зимовью дожидаться Хозяина: раз снег лёг, стало быть, скоро придёт. А неугомонный Топ отправился бродяжничать.

Странствуя в одиночестве по горам, он стал время от времени обходить путики других охотников. Обнаружив амбарчик, долго кружил вокруг него, топтался, принюхивался. Убедившись, что двуногого поблизости нет, подходил и аккуратно расстораживал железную челюсть. Он стал таким привередливым, что мелочь вроде сойки игнорировал: пока её съешь, всю пасть пухом залепит.

Попавших в капкан соболей и норок Топ прятал поблизости в «кладовых»: выкапывал траншейку и, опустив в неё тушку, забрасывал снегом. Затем, крутясь на месте, трамбовал ее и ставил пахучую метку. Иногда, для большей надёжности, неподалёку делал ещё два-три ложных схрона. На участке у него имелись уже десятка два таких схронов. Природная память и чутьё помогли бы найти эти запасники и через пару месяцев, но пока в этом не было нужды.

Правда, случалось, что его гайниками пользовались рыси. Одну из них Топ застукал. Схватка была кровопролитной и упорной. Несмотря на превосходство в размерах, рысь вынуждена была отступить перед яростным напором возмущённого хозяина.

* * *

Обходя путик, Подкова сначала никак не мог понять: что за чертовщина? Приманка почти везде исчезла (осталась только там, где лежала мелкая привада – крылышки, лапки рябчиков), капканы сработали, но ни в одном нет ни соболя, ни колонка. Из металлических дуг одни палки торчат. Разгадку подсказали следы – везде походили росомуха и ещё какой-то зверь. Какой, неопытный охотник так и не определил. С этого дня все его мысли занимала росомуха. Из рассказов бывалых промысловиков он знал, что охоты теперь не будет.

– Вот гадина! Что ж, так и буду всю зиму её кормить?! Надо как-то отвадить.

Восстанавливая разграбленный путик, Семён Львович обнаружил в кедраче замёрзшего оленя и хорошо натоптанную к нему росомашью тропу. Олень уже на одну треть был съеден.

«До чего ж ненасытная! Всё ей мало! Попробую-ка тут на неё капканы насторожить!»

Подойдя к сбежке, охотник вырезал деревянной лопаткой рядом со следом снежный куб. Вынув его, почистил, утрамбовал площадку уже непосредственно под следом и

* Выкунять – сменить летний мех на зимний, при этом шкура (мездра) становится толще и белее.

установил на ней взведённый капкан. Теперь след росوماхи и тарелочку капкана разделяла лишь снежная корка толщиной два сантиметра. Потаск с цепочкой Подкова вдавил в пушистую перину, снежный куб вернул на место. Неровности пригладил лопаточкой, а отступая, «засеял» поверхность свежими снежинками.

Памятливый Топ сразу обратил внимание на чуть заметные нарушения снежного покрова между бороздами, оставленными лыжами двуногого, и его тропкой. Чтобы не рисковать, к туше подошёл с другой стороны. Насытившись, ушёл, ступая чётко на свои следы.

Весь следующий день Подкова обходил длинный путик, проложенный по гребням отрогов. В избушку вернулся в приподнятом настроении – снял соболошку. Переночевав, не завтракая, помчался к оленьей туше – посмотреть самый главный капкан. Подкова не сомневался в том, что зловредная росوماха попала в него. Охотник настолько был уверен в этом, что захватил с собой большой рюкзак.

Подходя, издали всё высматривал вытоптаный в снегу круг и меховое пятно на нём, но вместо этого обнаружил возле оленя лишь свежие следы. Всё ещё надеясь на чудо, Семён Львович подошёл почти вплотную. Увы! Росوماха обошла ловушку стороной, а чтобы он не сомневался в том, что она разгадала его коварный замысел, – нагадила рядом.

– О Боже! – простонал зверолов. – Похоже, запах металла чует!

Кто-то из штатных рассказывал ему, что хороший результат даёт опускание капканов в ключевую воду: под корочкой льда запах железа не ощущается.

«Попробую!» – решил Подкова и, окунув имевшиеся капканы в ближайшую промину, установил у привады сразу шесть капканов среднего размера: два под следами на тропе, остальные вокруг оленьей туши на подрезку.

Топ появился на вторую ночь. Хотя трепещущие ноздри уловили противный дух Круглолицего, исчезновение запаха железных челюстей его несколько успокоило. До оленя оставалось несколько шагов. Тут надо быть особенно внимательным. Приглядевшись, Топ по изменениям в снежном покрове определил, что у привады появились две новые ловушки. Они стояли прямо на его пути. Проголодавшийся зверь осторожно приблизился к капканам и рассторожил их, как обычно, обломками веток.

Всласть поужинав, гордый тем, что в очередной раз перехитрил своего обидчика, Топ решил отрезать у оленя ногу и переташить её в более надёжное место. К этому его побудило появление в долине соседнего ключа следов волчьей своры. Если они выйдут на оленя, то от этой горы мяса ничего не останется.

Перегрызая кость, Топ подходил к ноге то с одной, то с другой стороны, пяtilся. Вдруг он взвился вверх и тут же рухнул на снег: в заднюю лапу вцепилась «пасть» на цепочке. Пытаясь вырваться, росوماха заметалась и угодила передней лапой во вторую «пасть».

К счастью, её стальные дуги захватили лишь когти. Отличаясь поразительной для своих размеров силой и терпимостью к боли, росوماха довольно быстро освободила переднюю конечность. Правда, пришлось пожертвовать двумя когтями. А вот капкан, вцепившийся в заднюю лапу, сомкнул челюсти выше широкой ступни и держал намертво. Напрасно зверь многократно с разбегу пытался выдернуть лапу и перегрызть ненавистные железки. В бессильной ярости рвался, бежал по кругу, зарывался в снежную толщу. Многочасовая борьба за жизнь изнурила Топу. Настал момент, когда он настолько обессилел, что едва шевелился. Чтобы не застыть, бедолага вырыл в снегу пещерку и свернулся в ней калачиком.

ВЕЗУЧИЙ ТОП

Утром следующего дня Подкова шёл к приваде в премерзком настроении. Он понимал, что, если обнаглевшая мародёрка обхитрит его и на этот раз, то лучше прекращать охоту. За полтора месяца в меховой копилке оказалось всего три соболя. Их не хватит

даже на покрытие расходов на капканы и продукты. И всё же бросать охоту не хотелось. Семёну Львовичу всё больше нравилось это азартное занятие. Даже в межсезонье, летом во время поездок в Верхи, он всегда на день-два задерживался на участке. Работы хватало: подлаживал что-нибудь в зимовье, расчищал тропы для будущих путиков, пилил сухостой, колол на зиму дрова. А чаще всего просто отдыхал здесь от городской суеты. Но появившиеся на его участке грабители порушили все планы, свели его труды на нет.

Увидев у оленьей туши глубоко вытоптанную арену, Подкова просиял – наконец попалась! – и прибавил шагу.

В боковых стенках утрамбованного круга чернели глубокие дыры. К одной из них вела туго натянутая цепочка. Охотник ликовал: «Хитра, но я хитрей!»

Дрожащими от счастья руками он расширил лаз и вытащил ещё не застывшую росомаху. Разжав дуги, освободил лапу. Потом раскрыл рюкзак, чтобы засунуть в него добычу. В этот момент лежавший на снегу косматый зверь вскочил и помчался вниз по косогору. Подкова до того растерялся, что, когда схватил прислонённое к стволу дерева ружьё, росомаха уже скрылась в чаще.

* * *

Натерпевшийся страху Топ ещё долго обходил стороной владения заклятого врага. Он вернулся к Мавру и стал промышлять вместе с ним. Однако клокотавшая в нём жажда мести не давала покоя. В конце концов он набрался смелости и отправился на разведку. На этот раз Мавр последовал за Топом, ступая след в след. Там, где снег был особенно глубок, они переходили на накатанную тропу двуногого.

Избушка Круглолицего-Лысого встретила их побелевшим от инея окошком. Удостоверившись, что хозяина нет, Топ подошёл к двери. Запустив длинные когти в щель, осторожно открыл её. В нос ударили десятки запахов, самый сильный из них – запах обидчика. Внутри логово оказалось просторней, чем представлялось снаружи. Вдоль стен на полках стояли железные банки, коробки, с потолка свисали туго набитые мешочки, с настенных крючьев – одежда. На широком топчане лежали шкуры, спальный мешок.

Топ первым делом набросился на вонючий овчинный полушубок, потом переключился на подвешенные к потолку узелки. Прыгая на них со стола, запускал в ткань когти и с треском раздирал. Оттуда струйками сыпались мелкие камушки, белая пыль. Она щекотала, забивала ноздри. Одурев от охватившего его приступа бешенства, Топ стал в иступлении драть всё подряд. Мавр поначалу лишь с недоумением наблюдал за его действиями, но вскоре, заражённый яростью друга, тоже принялся рвать и трепать что попадалось на глаза.

Сбросив на пол то, что стояло на полках, Топ лизнул рассыпанные по полу белые крупинки. Они оказались настолько горько-солёными, что он с отвращением зафыркал и вцепился зачем-то в столешницу. Успокоился, лишь когда отгрыз от неё изрядный кусок. А Мавр в это время с аппетитом поглощал мелкие кристаллики, рассыпанные рядом. После неудачной дегустации Топ не решился последовать его примеру. Окропив нары пахучими выделениями, он напоследок выдал лапой оконное стекло.

Озирая результаты погрома, росомаха, сладко жмурясь, вытянула пушистый хвост в одну линию со спиной. Эта поза означала: «Отличная работа!». Мавр согласно помахал хвостом: «Да уж! Постарались!»

* * *

Подойдя к займке, Семён Львович снял лыжи и принялся старательно отряхиваться от нападавшей с деревьев хуфты. Только тут он заметил, что дверь приоткрыта.

Подкова шагнул в полумрак. Представшая взору разруха сначала ошеломила его, а потом привела в бешенство: пол покрывали куски драной мешковины, клочья овчины, перемешанные с мусором съестные припасы. Алюминиевая посуда смята, жестяная труба сплющена. Разгрызены ножка табуретки и край столешницы. А на саму столешницу нагажено.

В адрес грабительницы понесли такие проклятия и пожелания, что, осуществись они даже наполовину, росомаший род прекратил бы своё существование. Поостыв, Подкова обратил внимание на чётко отпечатавшийся на рассыпанной муке след, похожий на волчий.

– Выходит, росомаха бесчинствовала не одна – с ней был волк? Хотя волк с росомашой – это абсурд!

И тут охотника прожгла догадка:

«Это же Мавр! Как же он с росомашой-то схлестнулся?... Стоп, стоп, а не тот ли это росомашенок, что у Пули жил? Тогда понятно, почему он такой наглый.

С этого момента Подкова думал лишь о том, как изничтожить зловредную парочку. Собак у него нет, да и стрелок он никудышный. Капканы, как ни обрабатывай, они все равно чувят, а попав в них – уходят. Надо что-то новое, более надёжное придумать.

Наскоро устранив последствия погрома, он сразу поехал в Верхи. Не стал даже проверять капканы – зачем лишний раз огорчаться? И так ясно – добычи в них не будет.

Завершив в селе торговые дела, Подкова решил пройтись по штатным охотникам: может, кто посоветует, как избавиться от незваных гостей? Из опытных промысловиков дома застал лишь деда Ермила.

Суровый старик встретил хозяина автолавки настороженно, но за стол всё же пригласил. Пока старуха ставила самовар, пропустили втихаря по маленькой. Видя, что дед подобрел, Подкова поделился своей бедой, утаив только то, что на пару с росомашой орудует собака Степана.

– Да уж! Не позавидуешь тебе. Росомаха – хитрая животина. Мне тоже от неё досталось. Но один надёжный способ избавиться от неё есть. Яд, стрихнин. Сейчас с ним напряжёнка – под запретом он. Даже Степан не смог достать. Коли добудешь – росомаше конец.

– Найду, лишь бы толк был. Мы ведь с разными конторами и городами работаем. Где-нибудь разыщем... А как им пользоваться?

– Проще простого. Берёшь небольшой, так, чтобы зараз в пасть взяла, кусок мяса, делаешь надрез и таблетку в него поглубже закладываешь. Тока опосля руки хорошо помой. Дюже опасная штукавина. До войны мой брательник через неё крепко отравился. Три дня блевал. Чуть не оочурился. И ещё: на приваду, штоб птицы не склевали, два-три пера положи, тогда они её не тронут.

Через месяц Подкова получил упаковку стрихнина. Жажда реванша в тот же день погнала его в тайгу. Разложив «заряженную» приваду по дальнему путику – там следы росомаше встречались чаще всего, Семён Львович три дня безвылазно просидел в зимовье – боялся вспугнуть.

Его задумка сработала наполовину. Приманку со стрихнином съел только Мавр. Топа же, обладающего более тонким нюхом, смутил едва уловимый непривычный запах, исходящий от аппетитного куска мяса. Появившиеся вскоре изменения в поведении друга только усилили его подозрения. Лайка вдруг принялась жалобно скулить. Затем начались конвульсии, сопровождающиеся рвотой. Когда спазмы в желудке отпускали, Мавра начинали одолевать видения.

Вот он, чтобы спасти Хозяина, вцепляется в медвежий зад. Вот после удачной охоты он подходит к костру, садится рядом с другими собаками и зачарованно наблюдает за изменчивой игрой красных язычков пламени. Вот уже сам Хозяин выручает его, застрелив насавшего медведя. Вот они возвращаются с добычей, пораненные и помятые, но полные

взаимной любви.... И тут до него донёлся неповторимый и любимый голос Хозяина. Он не звал его, а просто звучал где-то рядом. Пёс кинулся на голос и провалился в чёрную бездну...

Топ, конечно, не понимал, отчего умер Мавр, но интуитивно связал смерть друга со странно пахнущим мясом.

* * *

Промысловики, завершая сезон, расстораживали последние капканы, опускали пасти, кулёмки. Иные, загрузив волокуши, уже ушли с добычей в село.

Когда исходящие от людей запахи ослабли, а следы от их длинных «лап» стали пахнуть лишь снегом, Топ стал педантично наведываться в избушки и других охотников. Забравшись внутрь, остервенело рвал и грыз всё, что попадалось на глаза.

Он понимал, что его разбои не могут оставаться безнаказанными. Что могущественные двуногие будут добиваться его смерти, и ему теперь следует быть особенно внимательным и перед каждым шагом подолгу осматриваться и принохиваться – не таится ли в снегу лязгающая челюсть. А лучше всего покинуть этот край. Тем более что после смерти друга его ничто не держало здесь. Воинственный пыл остыл, а переполнявшая сердце жажда мести была удовлетворена сполна.

Снег растаял, а Топ всё не уходил. Он уже колебался: может, остаться? Тут всё так привычно! Еды в достатке. Да и двуногие не появляются – чего торопиться?

НОВЫЙ УЧАСТОК

В разгар лета на обширном горельнике поспела малина. Алых ягод было так много, что нижние ветки склонились до земли. Обожавший малину Топ зачастил сюда. Однажды, лакомясь сочными, сладкими ягодами, он услышал голоса людей. Привстав на задние лапы, разглядел поднимающуюся по горельнику большую стаю двуногих и мельтешивших среди них собак. Они шли прямо на него. Появление людей в тёплое время года было столь необычным, что у зверя не оставалось сомнений:

«Это за мной! Надо бежать».

Куда – Топ давно определился: за синевший вдали острозубый хребет. Он находился дальше всего от места обитания двуногих.

На второй день пути Топ достиг водораздела, представлявшего собой широкий щебнистый гребень, поросший короткой и редкой травой. По нему шла извилистая каменная тропа, набитая за многие века медведями. Кое-где видны свежие лёжки: клочья шерсти, помёт, примятые, погрызенные ветки. Ниже тощими языками растекались заросли кедрового стланика, жадно вцеплялись в каменистую почву карликовые берёзы; изредка где-нибудь в затишке можно было встретить невысокую, скрюченную ветрами и морозами листовенницу.

От скального зубца ветерок донёс запах мохноногого канюка. Вскарabкавшись по уступам, Топ обнаружил гнездо – хаотичное нагромождение сучьев с плоским дном внутри. В нём и вокруг валялось много погадок – комочков непереваренной шерсти и костей грызунов, отгрызнутых птицами из желудка. Но птенцов в гнезде не было. Видимо, уже встали на крыло.

Отсюда хорошо были видны расходящиеся широким веером три кряжа, разделённых межгорными долинами. Их склоны за многие тысячелетия изрезали ручьи и ледниковые сходы. Над ними, на уровне облаков, парили два беркута. Дальше до самого горизонта во все стороны простиралась невидимая отсюда зелёная равнина.

В одной из долин слезой блестела вода. Прежде чем начать спуск к ней, осторожный зверь ещё раз внимательно прощупал глазами незнакомую местность. Не обнаружив ни единого намёка на присутствие людей (остальное его не беспокоило), запрыгал по шатким камням вниз.

Путь к водоёму преграждал перестойный пихтач с участками многоярусных ветровалов. Свисавшие с нижних ветвей сизые бороды лишайника облепляли морду росомахи паутиной. Приходилось то и дело смахивать её лапой.

Вот и озеро. Над водой мечутся крикливые чайки. В высокой траве тихо переговариваются гуси. Топ напрягся – попробовать подкрасться? Опыт подсказывал, что днём в траве эту сторожкую птицу ему не добыть, и он побрёл по берегу, принохиваясь к витавшим вокруг запахам. И тут ветер нанёс самый чудный из всех известных Топу – запах мёда. Лихорадочно процеживая воздух, Топ быстро определил источник – громадная сосна.

Проворно взобравшись на неё, нашёл в ребристой коре крохотное, отполированное до блеска отверстие, сквозь которое туда-сюда неутомимо курсировали пчёлки. Запах, сочившийся из дырочки, пьянил и побуждал к действию. Чтобы расширить её, Топ обхватил одной лапой ребристый ствол, а второй стал когтями отковыривать края. Немного увеличив диаметр, дальше расширял уже зубами. Грыз, не обращая внимания на укусы расswireпеших хозяек. Они жалили не только покрытую короткой шерстью морду, но умудрялись с противным жужжанием протискиваться сквозь густую шерсть к животу, к груди и вонзять свои копьеподобные жала в места, где шкура понежнее и почувствительнее.

Когда дыра стала достаточно большой, Топ принялся извлекать куски сот, истекающие душистыми янтарными тянучками. С жадностью поглощая их прямо с прилипшими пчёлами, он время от времени потирал искусанный нос тыльной стороной лапы. В его урчании слышались как восторг от неповторимого наслаждения, так и страдальческие нотки от болезненных укусов.

Наевшись, Топ побежал к озеру – после сладкого хотелось пить. Утолив жажду, он взобрался на утёс и вытянулся на прогретой за день плоской глыбе. Зверь был в прекрасном расположении духа – новое место его очаровало.

ЧАСТЬ III

СЧАСТЛИВЫЕ МОЛОДОЖЕНЫ

Минуло два года. Очередное лето выдалось тёплым и щедрым на пищу. Буйная растительность не только скрадывала шаги, но и скрывала охотника с головой. Это значительно облегчало охоту. В покое и сытости Топ порядочно заматерел, налился подкожным жиром. Шерсть на спине и боках залоснилась, а на ногах и животе стала отливать вороновым крылом.

Как и положено в эту пору, Топу стало одолевать любовное томление. Хотелось ласки и нежного общения с себе подобной. В прошлом году у него уже была семья*. Выкормив потомство, они расстались. Теперь в поисках подруги он, оставляя на холмиках и камнях любовные послания, удвоил суточный ход. Обследовал распадки, поднимался на окрестные вершины, но своей прежней подруги не находил. Зато на стрелке хребта обнаружил след другой соплеменницы. От него исходил до того чудный запах, что Топ от охватившего волнения задыхал шумно и часто.

По чередованию размеренного шага с лёгкими прыжками он понял, что это молодая, полная сил росомашка. Вытянув вперёд влажный чёрный нос, Топ помчался на

* Половая зрелость у росомах наступает, как правило, после двух полных лет жизни.

очаровавший его запах. Вот и мочева метка. Понюхав её, Топ буквально опьянел, по телу волной прокатилась сладкая дрожь. Ему страстно захотелось прикоснуться к этому влажному пятну и пропитаться его ароматом. Топ стал, извиваясь, тереться о него. Затем вскочил и помчался, забыв обо всём на свете.

Нагнав росомашку, он замер от восхищения, до того красивы были её глаза и шубка с золотистой шлейей. Покорённый Топ принялся галантно прохаживаться перед красавицей, делать свечки. Но она не отвечала на его ухаживания.

Отдышавшись, кавалер предпринял последнюю попытку: разбежался и, высоко подпрыгнув, перевернулся в воздухе. Приземлившись, с надеждой поглядел на избранницу. Она взирала на него так, будто ожидала большего, а не дождавшись, разочарованно потрусила дальше.

Всё ещё на что-то надеясь, незадачливый ухажёр последовал за ней. Энергично покачивая хвостом, он всячески проявлял симпатию. Однако стоило ему попытаться приблизиться, как та зло щерилась.

Топ обескуражил этот явный провал, но он не терял надежды. Проходя в день десятки километров, выловил, наконец, в струях ветра ещё один волнующий дух. Следуя за ним по лесной тропе, догнал самку с полторагодовой дочкой*.

Мамаша отреагировала на его появление весьма благосклонно. Чтобы закрепить успех, Топ был обходительнее как никогда. Его старания оценили. Выражая симпатию, росомаха подошла и обнюхала его. Когда то же самое попыталась сделать взрослая дочь, она злобно цвиркнула на неё.

После знакомства звери встали на задние лапы и, тыкаясь чёрными носами, перешли к «поцелуям». Успешная вечерняя охота ещё больше скрепила их союз.

С появлением галантного жениха мамашу стало тяготить общество дочери. Она всё больше охладевала к ней. Держала её на расстоянии, а к концу второго дня окончательно прогнала. Через неделю уже самому Топу пришлось отстаивать право на обожаемую подругу перед другим самцом. Порванные уши и многочисленные шрамы на морде конкурента выдавали в нём заядлого драчуна.

Бесцеремонно подойдя к Топу, он угрожающе обнажил клыки, но, когда их взгляды скрестились, пришелец уловил в глазах Тоба такую силу и уверенность, что, принуждённо ворча, удалился. А парочка продолжила наслаждаться любовными играми.

Эта пора для пернатых и четвероногих обитателей тайги самая благодатная: тепло и корма вокруг хоть отбавляй. Под пологом прогретого леса созревали, сменяя друг друга, жимолость, земляника, черника, костяника, голубика. Отъедались на щедрых дарах выводки тетеревов, рябчиков, глухарей. Без усталости пополняли свои кладовые шустренькие белки, подвижные, как ртуть, бурундучки.

С середины лета даже такие хищники, как медведь и соболь, переключаются на вегетарианское меню. Не осталась в стороне и наша парочка. К сладким, сочным ягодам росомахи добавили молочные орешки кедрового стланика. Не ленились они забираться и на высоченные кедры. На них среди пучков длинной хвои гроздьями висели уже отяжелевшие связки шишек. Росомахи сбрасывали их на землю. Быстро спустившись вниз, собирали в кучу и, сев рядом, расплющивали каждую шишку зубами, затем когтями выбирали ещё мягковатые скорлупки с ядрышками и, тщательно разжевав, с наслаждением проглатывали.

Как-то росомахи столкнулись с волчьей стаей. Молодожёны приготовились к обороне, но серые даже не остановились. Отвернув морды, они протрусили след в след стороной. В эту пору все сыты.

* В предыдущий год во время гона росомаха не обзавелась кавалером. Оставшись пустой, она до сих пор ходила с детёнышем предыдущего помёта.

* * *

Незаметно подкралась пора жёлтых листьев. Заморозки по утрам выбеливали траву и кусты. Перед долгой зимней спячкой деревья облачались в самые красивые наряды. В изумрудное поле елей вплелись огненным янтарём лиственницы. Стайки берёз на склоне соседней сопки стояли облитые золотом. С трудом верилось, что ещё вчера они были зелёными. Но праздник не вечен. Деревья изо дня в день теряли своё роскошное убранство. Опавшие листья покрывали землю жёлто-красным ковром и, высыхая на солнце, скручивались в хрустящие под ногами лодочки.

Белка необычайно рано сменила неказистую рыжеватую летнюю шубку на шикарную зимнюю стального цвета и отрастила на ушах кокетливые кисточки. Топ знал, что это наивернейший признак скорых морозов. Побитый заморозками лес за несколько дней оголился и оцепенело застыл до весны. Там, где недавно царил сумрак, стало светло и просторно.

Теперь сюда частенько заглядывали низовые ветры. Они поднимали в воздух упавшие листья, сметали их в ямы, забивали в расщелины. Две выбеленные солнцем сухостойины, раскачиваемые ветром, соприкасаясь, жалобно скрипели. Топ любил эти «песни» леса. Они были неотъемлемой частью его жизни.

С запада напозла армада тяжёлых, низких туч, и, как бы разминаясь, медленно и лениво закрапал холодный дождь. А вскоре полило так, что росомahi вынуждены были забраться под ель. Водяная пелена временами становилась столь плотной, что контуры ближних деревьев размывались. Монотонный шум бесчисленных капель, усиленный порывами ветра, сливался с рокотом набухающего ручья. Затаились звери и птицы. Притихли даже кедровки с сороками.

Обложило основательно: дождь лил, то стихая, то усиливаясь, трое суток. Тайга пропиталась водой до такой степени, что капли проникали даже сквозь самые густые кроны елей. Мучительный озноб не оставлял промокшую парочку ни на минуту. Чтобы не замёрзнуть в отсыревших шубах, звери вырыли под корнями нору и забрались в неё. Когда голод заставил Топa выбраться из обжитого убежища, он с удивлением обнаружил, что дождь прекратился, но тайгу накрыла такая волна хлынувшего с севера холода, что ветви берёз и хвоя елей оделись в стеклянные чехольчики, а стволы запылили прозрачной глазурью.

Нос уловил в налетавших порывах запах медведя. Топ с этими громилами никогда не связывался, но не брезговал поживиться остатками их трапез. Поводя носом, он шумно засопел. Запах шёл с противоположного берега озера.

Осторожно обойдя его, Топ обнаружил на оледенелых листьях вмятины от лап медведя. На некоторых – замёрзшие капельки крови. Вон и сам мишка показался. Прячась за валежинами, Топ осторожно приблизился к косматой горе. Из полураскрытой пасти торчали жёлтые, в обломках коры, клыки. Шерсть на ногах вся в ледышках, на широких лапах смёрзшиеся комочки грязи. На задней – громадный железный капкан. Между мощных дуг белела оголённая кость. С носа свисала сосулька. Всё ясно! Околел, горемыка!

Поев сухого жилистого мяса, напоминающего по вкусу и жёсткости древесину, Топ сходил к норе и привёл к туше Ласку. После трапезы они обосновались неподалёку.

ЗИМА

Начало зимы выдалось студёным, бесснежным. Невысокое бледное солнце делилось теплом скупно. Едва прикрытую снегом почву испещрили глубокие трещины. Холод тут же вливался сквозь них и рвал, скручивал корни деревьев, замораживал закопавшуюся в землю живность.

Мороз был до того силён, что кормившиеся на ольхе рябчики попеременно поджимали то одну, то другую лапку: согрели их внутри перьевой муфточки. У них к зиме

на пальцах (как и у глухарей и тетеревов) выросла роговая бахрома. Она в два раза увеличивала площадь опоры при ходьбе по снегу, а в гололёд помогала удерживаться на обледенелых ветках. Если летом ноги рябчиков оперены только до колена, то сейчас их тёплые, несколько расклеванные «штанишки» опускались до самых коготков.

Добывать пропитание становилось всё сложнее. Росомах выручали сделанные осенью запасы. Но вот кончились и они. Топ припомнил, что на мшистых редицах, на бруснике всю прошлую зиму держались большие стаи куропаток и одиночные глухари. Может, и сейчас они там?.. Увы! На снегу ни единой лунки, да и ягод почти нет.

Середина зимы для росомох – самое голодное время. Старые заначки съедены, а зайцы и олени по ещё не глубокому снегу легко уходили от них, тихоходов. Олени к тому же ещё полны сил – запасы осеннего жира не иссякли, да и ягель копытить легко. Вот навалит снег, тогда шансы уйти от росомох у них невелики. А пока супругам приходилось довольствоваться чужими обедками. Мяса на них немного – в основном кости, но и над ними стоило потрудиться. Особенно, если это были трубчатые кости – ведь внутри них необычайно сытный костный мозг. Только мощные челюсти и крепкие зубы росомох были в состоянии добраться до этого лакомства.

Ситуация в корне изменилась после затяжной метели. Высота снежного покрова сразу удвоилась, и шансы на успешную охоту у обладателей лап-снегоступов заметно возросли. Как только непогода уgomонилась, Топ отправился в пихтач, обвешанный бордатыми лишайниками. Там жила кабарга – пятнистый и как будто сгорбленный из-за необычайно длинных задних ног оленёнок с большими грустными глазами. У него нет рожек, но изо рта торчат острые, слегка загнутые клыки. Топ уже несколько раз пытался догнать его, но безуспешно. Оленёнок играючи уходил по заблаговременно натоптаным тропкам. Теперь, когда их засыпало, кабарга вряд ли сумеет бежать столь прытко.

Притаившись в том месте, где тропки скрещивались, Топ дождался её. Увидев летящий мохнатый шар, кабарожка в немыслимом отскоке увернулась от когтей и запрыгала, увязая миниатюрными копытцами в пухлой перине, к скале. Топ кинулся вдогонку. Задевая ветки, он оставлял за собой снежные шлейфы от падающей кухты. Через несколько минут перепачканный кровью ловкий хищник уже нёс добычу своей избраннице.

С этого дня Топ с Лаской не испытывали недостатка в пище. Тем же северным оленям стало трудно копытить ягель в сыпучем снегу, да и топили они в нём порой по самое брюхо. Обессиленные, исхудавшие животные стали гибнуть от истощения.

В зиме тем временем наметился перелом. И, хотя морозы ещё кусались, разгоравшееся солнце несло первую весть о скорой весне. Это было очень кстати – у Ласки подходила пора щенения. Однажды она встала и завела Топу в глухой, заметённый снегом распадок с несколькими башнеобразными останцами в изголовье. Чтобы надёжно спрятать выводковое логово от непрошенных гостей, супруги вырыли в снежной толще многометровый канал. Его конец удачно упёрся в просторную скальную нишу. Здесь, прямо на камнях, чуть высланных ветками, устроили «родильную палату».

Литература. Культура. Имена

РЕСПУБЛИКА...

* * *

1 мая – 100 лет со дня рождения башкирского поэта-сатирика **Тимера Арсланова** (1915–1980). Тимер Гареевич – участник советско-финляндской войны 1939–1940 годов и Великой Отечественной войны. Явлением в башкирской поэзии стали его поэмы о трудовых подвигах башкирских нефтяников; работал также в жанрах сатиры и юмора. Автор сборников стихов и поэм «Со дна окопов» (1944), «Горы поют» (1950), «Джигит Башкортостана» (1949), «Сваты и свахи» (1964), «Приезжай, мама, в гости» (1972) и др. На здании школы № 11 г. Октябрьский РБ установлена мемориальная доска в память о поэте; в селе Какрыбашево РБ одна из улиц носит его имя.

* * *

1 (13) мая – 140 лет со дня рождения композитора, дирижёра, музыкального этнографа, народного артиста Башкирской АССР **Антон Эйхенвальда** (1875–1952). Антон Александрович работал в театрах многих городов России, гастролировал как оперный и симфонический дирижёр во Франции, Бельгии, Швейцарии, преподавал в музыкальных училищах Уфы, Казани,

Тифлиса, Харькова, Ашхабада и др. Занимался сбором образцов башкирского и татарского музыкального творчества. Записал на фонограф более 60-ти народных песен. В начале 30-х годов XX века работал в Уфе – стоял у истоков Башкирского государственного театра оперы, создал оперы «Мэрген» (либретто М. Бурангулова), «Ашкадар», «Солнечный камень» (по сказке Г. Тукая, 1946). Антон Эйхенвальд записал более 4000 народных мелодий народов Поволжья и Средней Азии. Автор балетов «Ёлочка, или Зима» (1913, Одесса), «Жар-птица» (1925, Париж), «Всадники» (1947), романсов, песен, двух башкирских маршей, квартета на башкирские темы.

* * *

6 мая – 75 лет живописцу, народному и заслуженному художнику Республики Башкортостан **Владиславу Меосу** (род. в 1940 г.). Владислав Эдуардович работал на студии телевидения в Уфе, в книжном издательстве, а с 1967 года – в художественном фонде. С 1964 года – участник республиканских, зональных, межрегиональной, региональных, всероссийских, всесоюзных, международных и зарубежных выставок. Главная тема произведений Меоса – природа Башкортостана. Картины художника находятся в собраниях Башкирского государственного худо-

Культурная среда

жественного музея им. М.В. Нестерова, Национального музея РБ, дома-музея С.Т. Аксакова, дома-музея М. Гафури, дома-музея Ш. Худайбердина и др. Основные картины – «Дорога в поле» (1976), «Звезда упала» (1991), «Сирень,

умытая дождем» (1978), «Летом на Усолке» (2001) и др. Им созданы серии картин «Воспоминания о Ленинграде», «По городам России», «Москва историческая», «Уфа – любимый город».

* * *

...И МИР

7 мая – 175 лет со дня рождения композитора, дирижёра, педагога, музыкально-общественного деятеля, музыкального журналиста **Петра Чайковского** (1840–1893). Один из величайших композиторов в истории музыки. Создал высочайшие образцы опер – «Евгений Онегин», «Черевички», «Пиковая дама» и др. Новатор в области балета – «Лебединое озеро», «Щелкунчик» и др. К мировым шедеврам принадлежат 6 симфоний, 3 концерта для фортепьяно с оркестром; концерт для скрипки с оркестром, романсы. В 1894 году открыт Дом-музей Чайковского в Клину, в 1940 – мемориальный музей в Воткинске. С 1958 года в Москве проводится Международный конкурс имени Чайковского.

* * *

3 (16 мая) – 105 лет со дня рождения поэтессы, писательницы **Ольги Берггольц** (1910–1975). В годы блокады 1941–1943 гг. находилась в осажденном фашистами Ленинграде – работала в Доме радио,

почти ежедневно ведя радиопередачи. Была награждена орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Среди произведений Ольги Федоровны – поэмы, стихотворения, рассказы, повести, пьесы, публицистика: «Журналисты» (1934; повесть), «Февральский дневник» (1942; поэма), «Ленинградская поэма» (1942), «У нас на земле» (1947; пьеса), «Первороссийск» (1950; героико-романтическая поэма о петроградских рабочих, строивших в 1918 году на Алтае город-коммуны; в 1951 году за это произведение награждена Государственной премией СССР) и др.

* * *

24 мая – 110 лет со дня рождения писателя **Михаила Шолохова** (1905–1984). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1965). Автор произведений «Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека» и др. 2005 год был объявлен ЮНЕСКО Годом Шолохова. Оренбургским отделением Союза писателей России учреждена литературная Шолоховская премия «Они сражались за Родину».

Подготовила Ольга Литвинович

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4

Мальчишкам
и девчонкам,
а также их
родителям!

апрель

НА КОНКУРС «ПРАВНУКИ ПОБЕДЫ»

Ольга Зайцевская,
5-й «Б» класс, МОБУ гимназия № 5, г. Давлеканово

Всегда в моей душе

О войне моя прабабушка, Мария Андреевна, вспоминать не любила, горькие это были годы... И хотя в то страшное военное время она была маленькой, эти дни оставили в ее душе неизгладимый след...

Прабабушка родилась в Ленинграде (ныне – Санкт-Петербург) в 1930 году. Она вспоминала, как тяжело жилось ее семье: «Страшное и тяжелое было время. Отец и братья ушли на фронт, поэтому я и моя старшая сестра помогали матери по хозяйству. С утра до поздней ночи мать была на работе, приходила, когда мы уже спали. Детство было голодным, приходилось есть все, что только было возможно: лепешки из лебеды, крапиву... Потом началась блокада. Тяжелее всего было пережить это время. Кругом голод, холод, смерть. Часто мама голодала, отдавая нам последние крохи. Без слез невозможно вспоминать эти годы. Но мы твердо верили в победу, верили, что враг будет разбит. И победа пришла, но как долго мы ее ждали...» После этих слов прабабушка украдкой смахивала слезу.

Несмотря на все трудности, прабабушка окончила школу, много лет проработала на шахте, а затем на обувной фабрике. Она – ветеран труда. У нее две дочери и сын, шесть внуков, два правнука и четыре правнучки.

И хотя сейчас прабабушки уже нет с нами рядом, она всегда останется в моей душе, потому что я ее люблю и горжусь подвигами людей, ковавших победу!

София Качевская,
5-й класс, МОБУ гимназия № 5, г. Давлеканово

Баба Женя

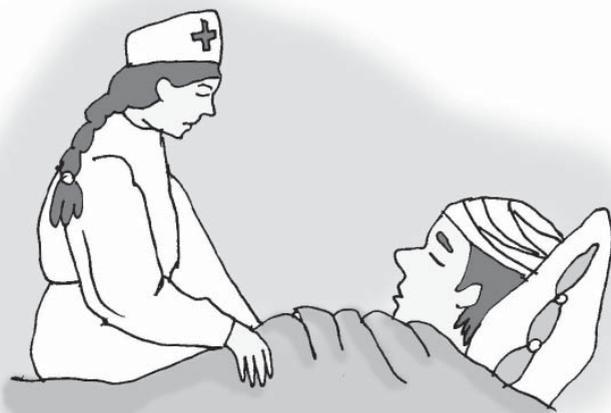
Приближается знаменательная дата – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Семьдесят лет – большая дата. Почти не осталось в живых свидетелей той страшной войны. Но мы не вправе забывать о них, ведь благодаря этим людям мы сейчас спокойно учимся, встречаемся с друзьями, занимаемся любимым делом и, самое главное, – живем!

Я хочу рассказать об одной удивительной женщине, моей соседке – Евгении Фёдоровне Соловьёвой. Эта маленькая, худенькая, опрятная баба Женя – так мы её называли – всегда приветливо улыбалась всем, кто проходил мимо её дворика. Глядя на неё, никогда бы не подумала, что она прошла все испытания войны.

Сначала она была санитаркой в Советско-Финской войне, которая началась в 1939 году. Затем ухаживала за ранеными во время Великой Отечественной. Но домой она вернулась только в октябре 1945 года, после Советско-Японской войны.

Несмотря на то, что Евгения Фёдоровна прошла через лишения, ужасы, страдания, я никогда не видела её унылой, она никогда не жаловалась на болезни. Наоборот, баба Женя всех вокруг заряжала энергией. Её маленький двор утопал в цветах с ранней весны до поздней осени. Каждый прохожий останавливался полюбоваться этой красотой. А на День Знаний раздавала букеты школьникам. Меня она часто угощала яблоками из своего сада. Её двор блестел чистотой. Всю жизнь она помогала своим внукам и правнукам.

Наверное, только человек, прошедший через лишения, тяготы войны,

может дарить всем столько красоты, может радоваться каждому дню. Баба Женя любила, когда её приглашали на торжественные сборы. А ещё она была и у нас в детском саду, когда я была маленькой. На утреннике, посвящённом Дню Победы, мы танцевали и пели для ветеранов. Потом мы угощали их чаем.

Время неумолимо движется вперёд, отсчитывает годы. Вот и в прошлом году не стало этой хрупкой женщины. Опустел её двор, никто не останавливается посидеть на её лавочке. Но я всегда буду помнить о ней. Ведь благодаря таким людям, как Евгения Фёдоровна Соловьёва, мы живём под чистым и ясным небом.

*Вячеслав Качевский,
4-й «В» класс, гимназия № 5, г. Давлеканово*

Курган Славы

Я учусь в гимназии № 5. На территории нашей гимназии находится Курган Славы, возведенный как память о далеких днях войны. На торжественных линейках ученики возлагают к нему цветы, венки, выпускники всякий раз фотографируются возле него. Мне всегда было интересно, кому принадлежала идея воздвигнуть этот Курган, почему именно в нашей школе?

Я решил поспрашивать у учителей и узнал, что, оказывается, давно в нашей гимназии работал фронтовик Сергей Георгиевич Ломакин. Он на себе испытал все тяготы войны: воевал, был в плену. А после войны работал учителем в нашей школе. Это была его идея – увековечить память о днях войны, о погибших солдатах. Эскиз разработал

скульптор, имени которого я, к сожалению, не узнал. А возводить помогали рабочие авторемонтного завода. Так, благодаря стараниям Сергея Георгиевича, к 30-летию Победы над фашистской Германией, у нас появился Курган Славы. Давно уже не работает этот человек в нашей школе, даже нет авторемонтного завода, а памятник существует как наглядное, как завещание нам, нынешним ученикам, помнить горькие страницы из истории нашей Родины.

Мы – правнуки Победы. И должны знать, как досталась нам эта Победа, передавать знания следующим поколениям. Ведь, благодаря Великой Победе, я живу на этой земле, учусь в любимой школе, общаюсь со своими друзьями.

*Милана Кучерова,
5-й класс, гимназия № 5, г. Давлеканово*

Мой прадед – ружейный мастер

Я бы хотела вам рассказать о своём прадедушке, который воевал. Я ему очень благодарна, потому что наши солдаты одержали победу.

Мой прадед, Кучеров Иван Иванович, 1922 года рождения, участник Великой Отечественной войны, в армии – с марта 1941 года. С августа 1942 по июнь 1945 года служил в 31-й гвардейской механизированной строительной бригаде ружейным мастером. Он был добрый, умный, красивый, заботливый и доброжелательный.

Я ему благодарна, ведь воевать было трудно, но они не сдавались и воевали до последнего. И, благодаря им, мы сейчас живём и наслаждаемся прекрасной жизнью.

О прадедушке написано в книге под названием «Дороги Башкортостана: прошлое и настоящее». Вернувшись с войны, Иван Иванович продолжил любимое дело. Затем он обучил своего сына (моего деда) секретам ружейного мастерства. Так мастером стал и мой дед, а затем и папа. Вот такая династия у нашей семьи. Всё началось с прадеда. Как же я благодарна ему за все!

*Дина Мухамедьярова,
5-й класс, гимназия № 5, г. Давлеканово*

Долгожданная Победа

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Без предупреждения Германия напала на нашу страну. Все мужчины стали уходить на фронт.

Все тяжести военного времени пали на плечи стариков, женщин и детей. Они круглыми сутками стояли у станков на заводах и изготавливали снаряды и военную технику. На фабриках шили одежду для фронта. Многие женщины и девочки для солдат вязали теплые шерстяные носки, варежки, шарфы.

На полях старики, женщины и дети пахали землю, сеяли пшеницу, убирали урожай, а затем отправляли на фронт хлеб.

Солдаты не жалели себя. Они понимали, что воюют за свою Родину, за свои семьи, за будущее своих детей! Солдаты знали и чувствовали, что родным нелегко, и что они делают все для победы!

Эта война была очень страшной и жестокой! За четыре года она унесла жизни 25 миллионов людей! И, наконец, 9 мая 1945 года война закончилась!

Наша страна победила! Для всего народа эта победа была долгожданной!

Спасибо всем тем, кто воевал за нас, за наши жизни, отдавая свою. Огромный поклон тем, кто трудился в тылу! Вечная память солдатам, труженикам тыла! Пусть никогда не будет никакой войны! Мира всему миру!

*Егор Снытко,
4-й «В» класс, гимназия № 5, г. Давлеканово*

Мой прадед – Яков Егорович Силяев

Родился мой прадедущка в 1907 году в Смоленской области. Его призвали на Черноморский флот в 1941 году.

Дедушка Яков был морским пехотинцем. После Черноморского флота он был переведён на полуостров Рыбачий, а затем на Кольский полуостров.

Мой дедушка много рассказывал о своем папе – Якове. Он говорил, что прадед был очень смелый, сообразительный и добрый. Когда началась война, он, не раздумывая, пошёл на фронт, чтобы защитить свой дом, свою семью, свою Родину.

И прежде всего дедушка думал о своих детях и об их дальнейшей жизни. На тот момент у них с бабушкой Марьей Андреевной были уже две маленькие дочки.

После войны у них родятся ещё шестеро детей – две девочки и четыре мальчика.

Я бы очень хотел сейчас увидеть его живым, о многом с ним поговорить, увидеть его добрые глаза. Но, увы, это никогда не случится. Даже мама не смогла увидеть своего дедушку. Он умер за долго до её рождения. Его не стало в 1971 году.

*Сабина Ягофарова,
5-й класс, гимназия №5, г. Давлеканово*

Низкий поклон

В этом году 9 мая наша страна будет отмечать семьдесят лет Великой Победы над фашизмом. Великая Отечественная война затронула всех. Наши прадеды воевали в кровопролитных боях, ценой собственной жизни защищали родину. Наши прабабушки и их дети оставались дома и работали на заводах, помогали в госпитале.

Нынешнее поколение – поколение правнуков Победы! Мы должны помнить всех, кто подарил нам мирное небо над головой. Люди сражались за Родину, не жалея себя, ради нашей свободы. Много горя, страданий, слёз принесла проклятая война. Погибло около двадцати миллионов человек. Война продолжалась четыре года. Наши войска дошли до самого Берлина.

Я горжусь тем, что наши прадеды, прабабушки подарили нам счастливое детство. Благодаря их труду и подвигу мы живём сейчас в спокойное время. Низкий поклон нашим прадедам и огромное спасибо!

УЧИТЕЛЬСКИЙ КЛУБ

*Глухова Татьяна Владимировна
МБОУ СОШ № 100 (Уфа)*

Каким я вижу урок литературы?

Существует достаточно распространенное мнение, что уроки литературы для современных школьников скучны и заслуживают внимания лишь потому, что нужны для сдачи ЕГЭ. Однако такое однозначное мнение мы прочитали только в одном из ста шестнадцати детских сочинений на тему «Каким я вижу урок литературы?» Можно предположить, что кто-то лукавил, но опыт подсказывает: если даже самый законченный нарушитель дисциплины на уроке вдруг притих, то в его работе можно ожидать высокой степени достоверности. Даже слабый троечник на уроках литературы почти всегда использует возможность высказать своё мнение: «зацепит» его какая-нибудь информация – биография писателя или судьба героя, – и он будет тянуть руку, глаза его будут гореть...

Сразу оговорюсь: у нас получились, скорее, некие рассуждения-ассоциации на заданную тему. Полноценная, продуманная, написанная сначала на черновик творческая работа требует времени, подготовки. Эти же «мысли по поводу» были написаны учениками на уроке, как говорится, с «налёту». Результат получился весьма интересным. Во-первых, дети понимают, что уроки литературы важны и нужны – по разным, конечно, причинам (о них ниже – в цитатах). Во-вторых, любят их. В-третьих, отдают должное «интересности» и возможности высказывать свое мнение. В-четвертых, не называя этого термина, отмечают возможность испытывать катарсис. В-пятых, считают, что урок – единственная возможность «перемещения» в другие миры, в другую культуру. Список можно продолжить, но давайте ознакомимся непосредственно с мнением учеников (правка минимальна).

«Уроки литературы очень важны. Произведения, которые мы изучаем, включены в школьную программу не просто так. Их главная задача – это помощь в становлении наших личностей, правильное формирование моральных устоев у подрастающего поколения. Уроки литературы помогают нам познать мир, прошлое людей и, что самое главное, самих себя. Ведь главные темы большинства произведений – это общество, человек, его отношение к другим людям и окружающему миру, его поведение, мысли и чувства. Читая художественную литературу, мы примеряем на себя жизнь героя...» (Чернова Виктория, 9-й «Б»).

«Единственный урок, на котором я чувствую себя свободно – это урок литературы... на этом уроке мы будто переносимся в другое время и другую культуру. Мы узнаём о жизни великих писателей. Каждый из этих людей поражал своим творчеством целый мир ... Уроки литературы не только познавательны, они также развивают умение правильно и красиво говорить, сопереживать героям. Они открывают перед нами удивительный мир, в котором мы бы иначе не побывали, и людей, которых по-другому не встретили бы» (Мустаева Оливия, 9-й «Б»).

«Урок литературы – это время погружения в прошлое. От античности до недалёкого прошлого. На уроке я прохожу по пути сотен, а то и тысяч персонажей из книг великих писателей, поэтов – гениев прошлого и настоящего ... представляю себя одним из героев... Иногда мне кажется, что персонажи могли бы поступать по-другому, по-

этому я люблю рассуждать об ошибках героев, а иногда мне хочется им подражать... Урок литературы ... он многомерен, позволяет погрузиться в себя, свои чувства, позволяет с помощью книг понять свои ошибки, стать лучше. Великие писатели оставили нам огромное наследие, которое мы просто обязаны изучить...» (Нургизар Газимуллин, 9-й «А»).

«Урок литературы очень важен. На нём мы не только отдыхаем душой, но и получаем какие-либо жизненные знания. Почти во всех произведениях авторы сопоставляют двух героев. Можно сказать, что это Добро и Зло. Авторы предлагают нам подумать, почему именно этого героя люди невзлюбили, а этого, наоборот, уважали... Из такого рода произведений мы получаем своеобразные «сигналы»: как поступать не стоит...» (Чудова Ксения, 7-й «А»).

«Урок литературы я вижу как портал в прошлое... Если бы не было литературы, то мир был бы серым и тусклым, мы бы не знали своего прошлого и каждый раз делали глупые ошибки... Литература – это мир со своими загадками и чудесами» (Карелина Анастасия, 7-й «А»).

«Каждый урок полон тайн и загадок. Мы узнаём много нового и интересного из биографии писателей. Прочитав произведение, мы работаем над ним почти весь урок, что-то записываем в тетрадь, пишем сочинения. Это так захватывает. Новые мысли идут и идут. Из каждой прочитанной книги, сказки, рассказа мы получаем не только знания, но и эмоции, мысли...» (Рахманкулова Лейсан, 6-й «А»).

«Литература – это не только грамотное владение родной или русской речью, не только автоматическая грамотность, но и великолепное умение анализировать жизнь» (Расолова Мария, 6-й «А»).

«Урок литературы – это что-то волшебное, это когда ты погружаешься в чудесный мир, который скрыт в книге» (Давлатова Эмилия, 6-й «А»).

«Литература нас вдохновляет на добрые поступки» (Хабиров Алан, 6-й «А»).

«... это очень полезный и интересный урок ... Иногда, прочитав книгу, хочется сделать что-то доброе... Особенно басни заставляют задуматься: учат исправлять ошибки, быть культурным, делать правильный выбор» (Мустафина Софья, 6-й «А»).

«...я думаю, что уроки литературы полезны для ума ... Книги лучше фильмов или компьютерных игр, потому что компьютерные игры убивают время. Лучше проводи время с пользой – почитай книгу... книги тренируют ум, вырабатывают фантазию и чувства» (Зернова Надежда, 6-й «А»).

«Что значит этот урок для меня? Мы учимся говорить ясно, чётко... Я на этом уроке познаю историю, быт, жизнь и характеры людей в то или иное время. Литература – это урок фантазии ... урок храбрости и честности, урок жизни» (Галина Элина, 7-й «Б»).

«Я вижу урок литературы как урок памяти, истории ... Надеюсь и жду, чтобы рождались новые писатели и чтобы именно они превзошли все ожидания и пожелания читателей» (Рассадин Данил, 7-й «Б»).

«Уроки литературы помогают открыть мир для себя... я как будто погружаюсь в мир стихов, писателей и книг... жизнь становится ярче, краше ... Литература воспитывает настоящего культурного человека» (Лифанов Александр, 7-й «Б»).

«На уроке литературы мы полностью проникаемся духом какой-либо книги и лучше понимаем её смысл ... он (урок) позволяет «отдохнуть» после алгебры или физики» (Вильданов Эмиль, 7-й «Б»).

«По-моему, урок литературы – это связь между тем, что было и что есть сейчас. Каждый раз, заходя в кабинет литературы, я узнаю о жизни известных писателей и поэтов, как они создавали свои произведения, о чём они. Нам рассказывают о проблемах прошлого и предлагают подумать, есть ли они сейчас, живут ли такие люди в наше время. Безусловно, это очень интересно» (Аллаяров Эрнест, 9-й «Б»).

«Литература – это один из моих самых любимых уроков в школе. Моё любимое занятие на уроке литературы – это рассказывать наизусть стихи и анализиро-

вать их... это не только интересно, но и развивает память. Также мне нравится обсуждать характеристики героев после прочтения произведения. Я как будто знаю этих героев и говорю о них, как о знакомых» (Евтюхина Дарина, 9-й «Б»).

В нескольких работах ученики пишут о том, чего им не хватает на уроках литературы в школе. От невозможного до вполне решаемого.

«...я хотела бы, чтобы стихотворение рассказывал сам поэт, сочинивший его. Тогда были бы точнее изображены чувства автора... Хотела бы услышать Александра Сергеевича Пушкина <...> хочу услышать Салтыкова-Щедрина. Его фантастические, причудливые сказки ... Жаль, что в действительности такого урока быть не может» (Лундовских Ирина, 7-й «Б»).

Условно решаемые и единичные это: «больше зарубежной литературы», «не успеваю показать домашнее задание», «на лето нам задают много произведений». В 7-м классе прозвучало пожелание «читать книги не только писателей XVIII–XX веков, но и современных».

Приведем рассуждения пятиклассников. Во многом они описательны, схематичны перечисляются виды работы на уроке и дома («читаем, учим стихи», «рассказываем биографии писателей», «пишем сочинения»), нет выхода на обобщение, в основном даётся эмоциональная оценка «нравится», «что больше нравится» («интересный урок и очень важный», «мой любимый урок», «я захожу в кабинет литературы с хорошим настроением», «я люблю учить и рассказывать», «самое неинтересное – это учить длинные стихотворения. Но я борюсь с собой и учу!», «ну вот, печаль, закончился урок литературы, прозвенел звонок»). Вот пример такой работы: «Урок литературы мне нравится. Мы читаем разные рассказы, учим стихи, чтобы развивать ум. Узнаём новых писателей, поэтов. Читаем сказки поэтов, писателей. Составляем планы, пересказываем сказки, пишем доклады, биографии, рефераты о писателях. Узнаём разные стихи, рассказы».

Но есть работы, выбивающиеся из общего ряда. Приведем образец одного такого рассуждения:

«...во время чтения стихов я всё время боюсь запнуться, и очень важно, что в этот момент вижу глаза близких мне людей, а потом приходит уверенность, что всё смогу! На уроке литературы мы знакомимся с самыми лучшими качествами человека, учимся отличать плохое от хорошего. Что мне особенно нравится, так это то, что он (урок) будто переносит нас в другое время и другую культуру. Перед нами возникают фигуры писателей и поэтов прошлых веков, на страницах их произведений мы видим жизнь и характеры. Уроки воспитывают в нас культуру чтения, любовь к литературе» (Мухаметьянова Диана, 5-й «В»).

В заключение скажем, что нередко встречались в работах сожаления такого рода: «жалко, что урок литературы два раза в неделю».

В целом, прочитанное вселяет в нас оптимизм. Честно, думали, что будет иной результат. Но это работы 5–7-х классов, частично – 9-х. Безусловно, любопытно проанализировать работы старшеклассников: может, там весь запал улетучивается? Может, мы, учителя, не можем удерживать интерес к литературе? Или два часа в неделю низводят «уроки прекрасного, доброго» до некой однозначной схемы? Приглашаем к диалогу...

Главный редактор
Горюхин Ю. А.

Редакционная коллегия:

Бикбаев Р. Т., Вахитов С. В., Гаитбаев Н.А., Грахов Н. Л., Игнатенко С. В., Карпунин И. Е., Паль Р. В., Прокофьева И.О., Савельев И. В., Фенин А. Л., Фролов И. А., Фаттахутдинова М. С., Хрулев В. И., Чарковский В. В., Чураева С. Р.

Редакция
Приемная
Цыцерова С. Г. (347) 277-79-76 (факс)

Главный бухгалтер
Давлетшина М. А. (347) 277-79-76

Заместитель главного редактора
Чураева С. Р. (347) 292-77-61

Ответственный секретарь
Вахитов С. В. (347) 223-91-69

Отдел поэзии
Грахов Н. Л. (347) 223-91-69

Отдел прозы
Фаттахутдинова М. С. (347) 223-91-69
Фролов И. А. (347) 292-77-61

Отдел публицистики
Чечуха А. Л. (347) 223-64-01
Чарковский В. В. (347) 223-64-01

Технический редактор
Муратов И. М. (347) 223-91-69

Корректор
Дементьева Е. Н.

Оформление «Классного журнала»
Зайниева Е. В.

Подписной индекс 50751.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 02-00196, выданное Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РБ 29 сентября 2009 года.
Подписано в печать 10.04.2015 г.
Формат бумаги 70*100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитуры «FreeSet», «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,53.
Уч.-изд. л. 18,35. Тираж 1300 экз.
Заказ № 2.0052.15 Цена договорная.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Требования к рукописям размещены на сайте журнала bp01.ru/advice.php.

Телефоны доверия
ФСБ России: 8 (495) 224-22-22
МВД России: 8 (495) 237-75-85
ГУ МВД РФ по ПФО: 8 (2121) 38-28-18
МВД по РБ: 8 (347) 128. с моб. 128
МЧС России поРБ: 8 (347) 233-9999

Адрес редакции:
450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2
E-mail: bp2002@inbox.ru
<http://bp01.ru>
<http://www.hrono.ru/proekty/belsk/>

Отпечатано с готовых файлов на
ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат
450001, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 2
Телефон (347) 223-97-00

Выпуск издания осуществлен при
финансовой поддержке Федерального
агентства по печати и массовым
коммуникациям.

Передавая рукописи в редакцию журнала, авторы соглашаются с условиями договора оферты, размещенного на сайте bp01.ru

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения того или иного автора.

При перепечатывании материалов ссылка на «Бельские просторы» обязательна.